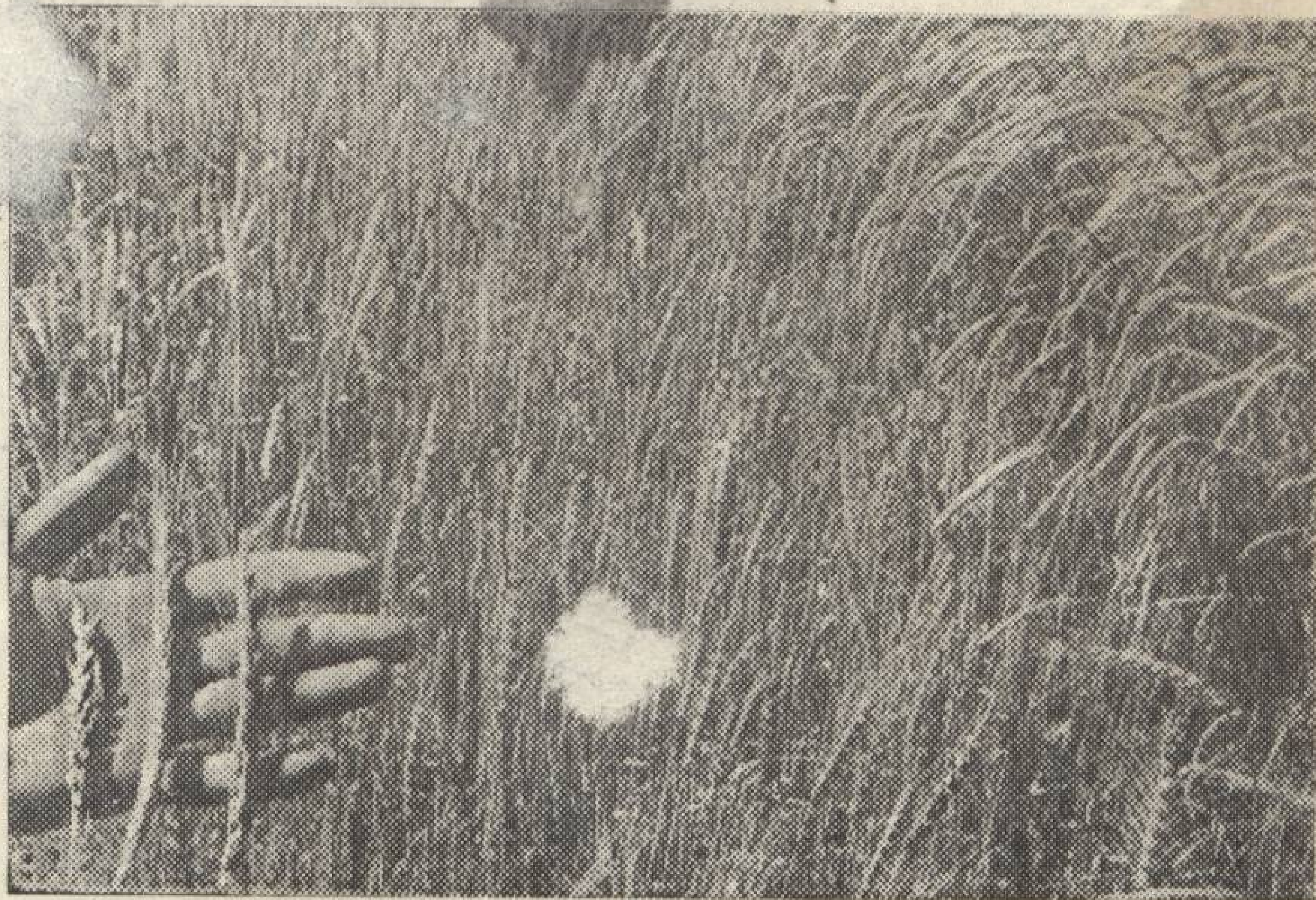
В Якутском зале павильона «Дальний Восток» будут показаны гигантские кочаны капусты, выращенные на 61,5° северной широты колхозницей А. И. Ефремовой.

Воронежский сельскохозяйственный институт покажет подсолнухи «белый гигант», высотой с одноэтажный дом.

В разделе пчеловодства показательная пасека. Среди пчел также есть рекордистки: пчелиная семья, выращенная пчеловодом Шалагиным, побила мировой рекорд, собрав 300 килограммов меду за сезон.

Колосья, отделенные рукой,— семья ржано-пшеничного гибрида: слева—колос пшеницы, справа — ржи, посредине — полурожь-полупшеница.

Мы рассказали только о ничтожной части всех замечательных вещей, которые покажут нам в «чудесном саду» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Ведь 200 тысяч лучших советских хозяйств, колхозов, МТС, научных учреждений, знаменитых мастеров социалистических полей и лучших ученых приняли в ней участие!

труды Дарвина и Тимирязева. Вы, юные опытники, должны умело выбирать работу и полностью доводить ее до конца. Прежде чем отобрать растение, сначала необходимо его хорошо вырастить. А выращивать надо быстро, так как самое главное в нашем деле — это быстрота. А когда сами подрастете,— поступайте в сельскохозяйственный институт.

Запомните одно,— сказал еще Лысенко.— Для того чтобы сделать большое дело, нужно уметь делать маленькое. Делайте маленькое дело, оно будет большим.

Теперь Миша будет выводить новый сорт озимой пшеницы путем воспитания и последующего отбора — это ему поручил академик Лысенко.

Миша идет по пути ученого, по пути подчинения природы человеку. Это прекрасный путь. И каждый из вас может также пойти по этому пути.

Свои достижения Миша покажет на выставке.

Володя Бухтиаров выставил свою многоколосную пшеницу.

Советское правительство предоставило пионерам и школьникам возможность принять самое широкое участие во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Многие пионеры и школьники, юные орденоносцы, участвуют на выставке.

И сейчас вся страна знает уже имена этих — и десятков других — советских детей, выбравших себе замечательную профессию — открывать тайны природы, быть преобразователем обновленной земли.

Мёд

Рассказ М. Лузгина *Рис. В. Цельмера*

I

У нашего соседа были пчелы. А у нас пчел не было. Я смотрел через широкие просветы забора в сад, где стояли небольшие красные и желтые ящики — красивые домики, в которых жили пчелы. Самый близкий к забору домик был желтый. Он стоял под яблоней на высоких колышках, и вокруг него росли крапива и пестрые цветы. Пчелы во множестве выползали из узкой черной щели в передней стенке домика. Коричневые их стаи гудели на желтой, залитой солнцем крыше и на стенках домика, и мне было видно, как пчелы пошевеливали серебряными крылышками и причесывались лапками. Другие пчелы, вынырнув из щели, быстро пробегали по дощечке и, взмыв вверх, исчезали с песней в бездонной синей глубине. Оттуда навстречу им тяжело и молча сыпались на покатую дощечку какие-то особенные пчелы: с желтыми яркими подушечками на лапках... Пчел было так много, что казалось, будто над ящиком подымается дымок и не пчелы гудят, а звенит воздух.

— Отойди от забора, пчелы покусают! — крикнул мне дядя Федор

Я спросил дядю:

— Пчелы носят мед?

— Да. Они с цветов его собирают. Мед, брат, вкусный, слаще сахара!

— Хочу меду,— сказал я.

Дядя нахмурился:

— Мед дорог. Пчел мы не водим. Откуда взять нам с тобой меду?

Я подумал, что нам мог бы дать меду наш сосед. Потом вспомнил, что сосед богатый и скупой, а мы небогатые. Тогда я сказал, потому что любил дядю:

— Вырасту, буду водить пчел. Я и тебе дам меду, дядя Федор.

Дядя Федор засмеялся.

Скоро он уехал к соседу на покос, на дальние луга. Без него я опять подошел к забору. Горько пахло пожаром. Дед соседа, в платке, точно он женщина, и в черной сетке — в нее только наполовину влезла его большая борода — наклонился над домиком без крыши и что-то в нем делал. Пчелы тучей вились вокруг деда. Синий едкий дым шел из железной коробки, которую дед держал в руке. Я неотступно следил за каждым его движением. Перелезть бы, подойти, заглянуть в самый ящик, увидеть пчелиную загадочную жизнь! Что там у них? Что пчелы делают в своих домиках? Возле меня летала пчела, она могла покусать, а мне было нестрашно. Дед выпрямился, опустил коробку с дымом. Другой рукой он держал необыкновенный четырехугольный предмет, розово-желтый, просвечивающий на солнце. С него кучей свисали пчелы. Сердце мое замерло.

— Дед, а дед! — крикнул я вдруг.— Это мед, дед?

Дед медленно повернул ко мне свою удивительную сетку.

— Мед,— сказал он хрипло, точно квакнул.— Вот я тебе сейчас уши надеру! Скажи, и пчелы его не едят! Пошел от забора, слышишь? А то я тебе задам меду!

Я отошел печальный. За что рассердился дед? Я ведь совсем и не думал просить меду.

Дядя вернулся на третий день вечером с возом сена. Возов было много, и все они под'езжали к воротам соседа. Я встретил дядю за деревней; он подсадил меня на воз. Приятно пахло сеном и дегтем. Воз покачивался из стороны в сторону, я крепко держался. Возле ворот соседа дядя снял меня с воза и слегка шлепнул ладонью по спине:

— Слезай, пчеловод! Разговор с тобой после будет.

Вот так-так! Верно, дед нажаловался. Ну и бестолковый дед!

После ужина дядя пошел зачем-то в сени и скоро возвратился. В руках он держал завязанный тряпкой горшок с отбитым краем. Дядя смеялся и смотрел на меня, и все: и мать, и тетя, и даже бабушка — отчего-то смеялись и смотрели на меня. Дядя осторожно поставил горшок на стол.

— Ну, племянник, меду хочешь? — спросил он, подмигнув.

— Я наелся,— сказал я с беспокойством.

— А пчел хочешь?

— А где пчелы? — уклонился я.

— Вот,— сказал дядя.

И вдруг стукнул костяшками пальцев по горшку.

И в ту же секунду в горшке загудело, зажужжало, стройно, сильно, грозно... Пчелы!

— В горшке? — воскликнул я.

— В горшке,— ответил дядя.— Это шмели. Они живут на лугах — во мху и в кочках. Они носят мед и выводят детку, как и пчелы. И у них, как и у пчел, есть своя матка. Вот и будут тебе пчелы.

Шмелей я знал: большие, толстые летают, где наш мак. У деда пчелы маленькие, а у меня будут большие!

— Шмели-то получше! — крикнул я с восторгом. — Они большие! Большие скорее меду наносят!

Все опять засмеялись.

— Они большие, да рои у них маленькие,— возразил дядя Федор.— Оттого и меду у них тоже немного. Да ты сам маленький, тебе столько хватит.

Я подтвердил:

— Мне хватит.

— Теперь будешь поить нас чаем с медом,— сказала с улыбкой мать.

Утром мы — дядя Федор и я — отнесли горшок в огород и поставили его в малине, на дровах, около забора нашего соседа. Шмели сперва шумели, потом затихли. Дядя медленно развязал тряпку. Я глянул в горшок: там лежал мох. Где же пчелы?

— Они тепло любят, под мошком,— шопотом проговорил дядя.

И осторожно, двумя пальцами, приподнял мягкий мошок. В лицо мне пахнуло душистой теплотой. Шмели были черные с желтыми полосками и белыми кончиками брюшек, совсем такие, как летали у нас в маке. Они сидели на чем-то небольшом круглом с темными бочажками и ямками и белыми бугорками, похожими на бобы. Два или три шмеля взлетели и медленно закружились возле нас.

— Мед,— сказал я тоже шопотом.

— Соты,— ответил дядя.— Видишь матку?

Я увидел матку. Она была толще всех. Сразу понятно, что именно она матка.

Она волокла свое широкое длинное брюшко и притворялась, будто не замечает нас.

— Матка несет яички, а из них выходят молоденькие шмели. Они растут вон в этих ячейках, а потом вылупливаются из них, точно цыплята.

Я догадался: ячейки — это бугорки, похожие на бобы.

— А где мед? — настойчиво повторил я.

Дядя удивился:

— Разве не видишь?

Нет, я не видел.

— Да вот же, вот блестит!

Тогда и я увидел.

Мед был в бочажках. Это он поблескивал там в их темной глубине, точно вода в колодце. Вот, значит, какой мед! Совсем жидкий, а я думал, он как сахар. Один шмелек вдруг испугался, пронзительно запищал и опрокинулся на спинку. Он висел вверх лапками, чуть придерживаясь двумя из них за край бочажка, и быстро раскачивал глянцевитое снизу брюшко, чтобы скорей подняться.

— Смотри, упал! — крикнул я очарованно и потянулся рукой помочь шмельку.

Острая боль вдруг обожгла мне палец. Я отскочил и заплакал. Дядя акуратно прикрыл шмелей мохом и отошел от горшка.

— Больно?

Я плакал и сосал пухнувший палец.

— Пройдет, не плачь, пчеловодов всегда кусают,— засмеялся дядя.— Это укус полезный, от ревматизма помогает! Да и будешь знать другой раз, что нельзя пчелу трогать рукой.

Так стали жить у нас наши пчелы. Каждое утро я приходил смотреть на них. Они летали из горшка и в горшок, как настоящие. Что они делают, когда их никто не видит? Я приподымал мошок тихонечко, чтобы им было незаметно. И всегда они успевали заметить и сделать вид, что будто только ползают — и больше ничего, и всегда недовольно ворчали на меня, чтобы я ушел. Мне очень хотелось попробовать, какой мед на вкус. А как это сделатъ? Я не знал. Случалось, что и дед соседа смотрел своих обыкновенных, маленьких пчел в одно время со мной. Тогда я тоже повязывал голову черным маминым платком и спускал на лицо кусок нитяной сетки, который дал мне дядя. Было видно сквозь сетку и сквозь забор, как дед отрезал островосым ножом большие желтые куски сот и клал их на тарелку. Несомненно, они были с медом. Митя, внук деда, в шапке с блестящим козырьком, ходил в углу сада и дожидался меда. А у моих пчел меда все еще было мало. Ну ничего, когда вылупятся из ячеек молоденькие шмельки и у меня разведется много пчел, они наносят меда не меньше, чем у деда!

Как-то ночью пошел сильный дождь и налил горшок водой. Я положил мокрые соты на дрова и стал греть в руках недвигавшихся шмельков и дышал на них, чтобы они ожили. Ожил только один и ужалил меня в ладонь.

II.

На следующий год я завел новых пчел. Я нашел их сам на пожне, за деревней, где с утра косили. Это были не черные с полосками, а другие, совсем желтые шмели в золотистом мягком пушку. Они летали как-то иначе, чем полосатые,— грузно и косо,— и все старались поскорее ужалить. Я знал, что это полезно, и не плакал.

Вечером, когда солнце село и шмели слетелись, я пошел за ними в поле. В темноте перекликались кузнечики и сразлету натыкались на меня навозные жуки.

Я поддел шмелей, как научил меня дядя, вместе с мохом и сотами, на нашу тяжелую железную лопату. Несколько шмелей вылетело и закружилось над лопатой. Их не было видно, только слышались в темноте их одинокие дневные голоса. Потом они смолкли: верно, сели.

Тогда я ссыпал все, что подделось на лопату, в горшок, быстро завязал его тряпкой, взял в одну руку лопату, другой прижал горшок к животу и побежал домой. Заря теперь была совсем серой. Сзади меня вдруг загудел шмелек. Он оставался один, ему было страшно... Ну ничего, поспит где-нибудь, а утром прилетит. Я побежал быстрее. В ушах все плакал и тосковал шмелек. И мне его было очень жалко.

Утром дядя дал мне ящик из-под гвоздей. Ящик был небольшой и продолговатый. Я провертел в нем дырочку —

лётку — и сколотил из досок крышку, как на домиках у деда.

— Настоящий улей! — похвалил дядя.

Он помог мне пересыпать шмелей в ящик. Я вынес улей на огород, поставил его на колышки подальше от забора, открыл лётку и стал ждать. Один за другим показывались из лётки желтые шмели, взвивались, описывали все расширяющиеся круги и, осмотревшись, улетали. Куда? Что, если они улетят к старому гнезду, а потом не найдут или не захотят найти дорогу обратно? В улье оставалась одна матка, ни один шмель не прилетел. Тогда и я пошел в поле.

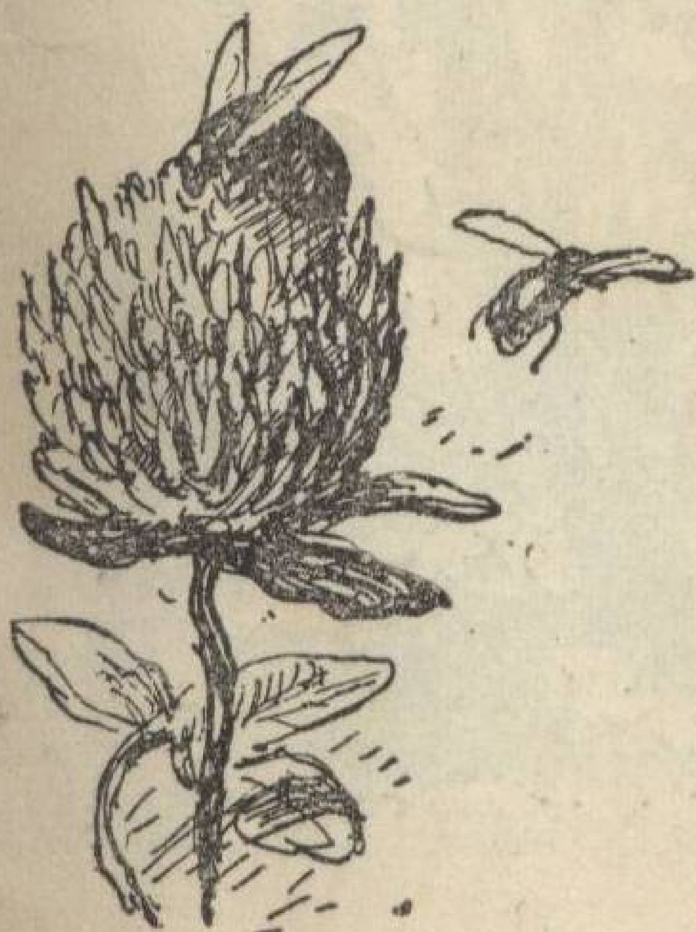
Так и есть! Все шмели вились над ямкой, в которой жили прежде. Некоторые сидели в ямке. Пришлось засыпать ямку землей и притоптать землю ногами. А шмели все летали и летали, и в их голосах было уныние. А что я мог сделать? Растолковать им? Они не понимали.

Дома я опять заглянул в улей. Все то же: только одна матка. Невеселый вышел я на улицу. Видно, не завести мне новый рой! Шмели, которых привез дядя в горшке, приехали издалека, они не знали, куда им лететь. А эти жили близко.

На улице Павлуша и Коля, мои товарищи, катали колесо.

— Я барсукову яму знаю, — сказал Павлуша и метко сшиб колесо клюшкой, взбив на дороге пыль.

Мы пошли смотреть барсукову яму, потом пошли на ручей купаться, а потом поиграли в лошадей. О шмелях я вспомнил, когда пришло время ужинать и спать. Удивительно: как мог я забыть?! Быстро побежал на огород, сбросил крышку, приподнял мошок. Что такое?

Вот это ловко! Шмели хором вопили, пыхтели, пыжились... Их было множество! И хоть стало уж темно, я увидел: они все вернулись. Ну это было ловко!

Я рассказал Павлуше и Коле, что у нас на огороде живут пчелы, носят мед и летают только в лётку. Они не поверили.

— Врешь! — сказал Павлуша.

— Это не у вас, а у деда! — сказал Коля.

Но потом мы пошли на огород, и они увидели, что около забора стоит улей и шмели носят мед и летают только в лётку.

— Здорово! — сказали ребята.

Мы сняли крышку, и Павлуша приподнял мошок. Шмели сразу увидели, что Павлуша чужой, и сердито зажужжали.

Потом мы сидели около улья, играли в камушки и смотрели на шмелей. Шмели тоже были очень довольны: им понравилось жить в таком красивом домике и вылетать и прилетать не как попало, а только в лётку. И теперь их не могло, как в горшке, залить дождем. Вот показывается в круглой щели сперва черная глазастая головка, потом — желтая спинка и крылышки, потом — все туловище шмеля. Он шевелит усиками, оглядывается: все ли в порядке? Как будто все в порядке. Расправляет крылышки, приподымается и — готово! — полетел. Так бы вот и полетел с ним вместе! Один улетел, а другой уже спешит обратно. Он опускается прямо в лётку, торопливо перебирает лапками с подушечками из цветочной пыли, исчезает в темноте улья.

Где они летают? Что видят? О чем рассказывают друг другу, собравшись вечером все вместе дома? Вот бы послушать!

Коля тоже сделал себе ящик и посадил в него шмелей. Потом сделал ящик и Павлуша и поставил своих пчел на огороде. Мы придумали хорошенькую песенку и пели:

«Шмель, шмель, полети,
Нам меду принеси!
С липы, с цвета,
С белого света!..»

Мы пели эту песенку с утра до вечера каждый день. Но меду и теперь было не-

много. В улье шмелей жило больше чем в горшке, а все равно нельзя было и думать набрать меду в блюдечко. И до сих пор я так еще и не попробовал меда. А Коля сказал, что он попробовал: нашел на огороде рой, который начали разорять вороны, и выпил мед, только меда было мало, Коля не наелся. А Павлуша сказал, что мед «сладкий-сла-адкий» и он пьет его каждый день через соломинку из своего улья. Какой хитрый!

Я тоже нашел себе хорошую толстую соломинку. Шмели обиделись на меня, опрокинулись на спинки, зашумели:

— У нас мало меду! Уходи! — кричали они.— Нам самим нужен мед! Нам будет нечем кормить детку.

Но ведь я попью немного, только попробую! Я просунул кончик соломинки в самый крупный бочажок, другой ее кончик взял в рот и пососал. Мед захлюпал в соломинке. Он был, правда, очень сладкий, и от него пахло цветами. Но шмели ничего не хотели понимать. Они все шумели и раскачивали брюшками, а потом взлетели все сразу, и даже взлетела сама матка. Я насилу убежал. Соломинка вся стала сладкая, и я набегу разжевал ее.

Неинтересно было пить мед одному. И шмелей жалко. Когда же, наконец, наберется меду столько, что будет всем довольно и мы напьемся чаю с медом? Я вернулся, поправил мошок, положил крышку на ящик.

— Что это у тебя? — крикнул за забором Митя, внук деда.

Митя был больше меня и больше Павлуши. У него была новая шапка с блестящим козырьком, и он не играл с нами. В руке Митя держал крупное яблоко.

— Пчелы,— ответил я, потом попросил: — Митя, дай яблочка!

Митя засмеялся:

— Пчелы!.. Что же ты и мед ешь?

— Ем.

Митя стал смеяться еще громче:

— И блины ешь с медом, и яблоки, и рисовую кашу?

— И блины, и рисовую кашу,— отвечал я твердо, хотя и не знал, какая бывает рисовая каша...

Не даст мне Митя яблочка!

— Ты все врешь! — крикнул Митя.— У нас пчелы! — он показал рукой на домики, в которых жили дедовы маленькие пчелы.— А у тебя не пчелы, у тебя... мухи!

Тогда я тоже стал кричать:

— Да-а, му-ухи! Ваши пчелы маленькие, а наши большие. Наши хорошие! Наши столько меда наносят, что...

Митя вдруг размахнулся и ловко бросил яблоко через щель забора прямо в наших пчел. Улей опрокинулся, шмели вылетели и закружились.

— Мухи, мухи! Навозные мухи! — хохотал Митя убегая.

Между деревьями мелькала его новая рубашка. Я подскочил к улью. Мох высыпался, соты прижало крышкой. Рядом валялось большое налившееся яблоко с розовыми и красными полосками. Я поднял яблоко и с силой бросил его в сад вслед Митьке. Потом подобрал, сдерживая слезы, соты и мох и положил все в ящик.

III

Надо было найти большущий рой. Такой же большущий, как у деда. Шмели — не мухи, шмели — пчелы. Митька нарочно, назло кричал, что они мухи. Но, чтобы можно было есть с медом блины и кашу, нужно, чтобы и пчел было немало.

И мы стали искать большущий рой. И Коля, и Павлуша, и я. Мы бродили по скошенным полям, по болотам, по кочкарникам. Нередко нам попадались гнезда шмелей. Иногда это были черные шмели с огненнокрасным пушком на хвостиках, где у них жало,— совсем как тлею-

щие угольки; иногд... ..., с полосками, как те, что захле...лись в горшке в прошлом году; иногда серые и желтые — такие. как жили в моем ящике. Но все это были маленькие, обыкновенные рои. Да и всегда в них раньше нас успевали похозяйничать вороны.

Только один раз нам попался большой рой. Коля догонял меня и толкнул в ольху на кочку. Я упал, а кочка загудела. Я нарочно лежал, а кочка все гудела. Шмели? Так где же они? И почему их гневный многоголосо-сильный хор звучит так глухо? Точно он под землею... А Павлуша вдруг громко закричал:

— Смотрите: пчелы!

Я вскочил и увидел то, о чем кричал Павлуша: огромные шмели по пять—шесть сряду влетали и вылетали из-под корней ольхи с другой стороны кочки. Вот это рой!

— Чур, мои пчелы! — сказал Павлуша.

Я рассердился:

— Нет, чур, мои! Я первый упал на кочку!

— Нет, чур, мои! Это я тебя толкнул!— крикнул Коля.

Мы заспорили, чьи пчелы, потом согласились, что пчелы будут наши. А как их взять? Мы не могли придумать. Павлуша сказал, что нужно разрыть кочку. Разроем кочку, шмели опять слетятся, а вечером мы их сгребем лопатой. Мы отыскали палки и стали рыть ими кочку. Множество крупных шмелей летало над нами с тревожным басистым ревом. Они были черные, с зеленовато-желтыми полосками и белыми хвостиками, и какая-то особенная чистота и нежность была в их нарядных ярких шубках. И каждый шмель толщиной был точно матка. Такие-то живо наносят меду!

Мы отмахивались от них палками. Корни ольхи мешали нам копать — пришлось выдирать корни. И тут мы вдруг увидели соты. Они валялись кусками, разбитые, смятые нашими палками, полузасыпанные землей. В разорванных ячейках виднелись толстые белые, как молоко, полураздавленные червяки. Как же это мы не заметили? Мы не хотели разорять! Как же так?.. Выходит, разорили...

Мы бросили наши палки, смотрели и не знали, что нам делать. Шмели медленно и печально летали над разрытой кочкой. Их дом разорен, их соты, их детки раздавлены! И тепе... их всех поклюют вороны.

Павлуша вдруг снял свою шапку и пошел к кочке. Мы сразу поняли. Да, если уж получилось так, то пусть лучше мед достанется нам, а не нахальным, прожорливым воронам. Мы собрали соты. Их вывалявшиеся в земле тяжелые куски едва уместились в наши шапки. Мы сели во ржи на меже и, разделив соты, пугливо, точно воры, начали есть мед. Крупные, как жолуди, крепко спаянные одна с другой, бледножелтые ячейки были обшиты кругом овальными мешочками из воска темного и вязкого, как свежевыпеченный хлеб. Из мешочков сочился мед. Как искусно и ловко все было пригнано! Откуда шмели умели? Кто их учил? Мягкие морщинистые червячки неслышно падали из сот к нам в шапки и на колени.

И Павлуша сказал, что это не он разорил, потому что его палка была короткая, и Коля сказал, что не он, потому что и его палка короткая, а я сказал, что не я, потому что и моя палка короткая и я не копал, а таскал корни. И мед показался нам невкусным.

IV

Дядя косил за огородом. Он нашел два гнезда шмелей, полосатых и черных, и показал их мне. Рои были обыкновенные. По лужку стаями ходили сороки и вороны, и стрекотали, и каркали от радости, что трава скошена и им ничто не мешает отыскивать шмелей.

— А если взять и этих шмелей в мой ящик? — сказал я дяде.

— Передерутся, не будут жить,— возразил дядя.— Правда, у пчеловодов случается, что они ссыпают в один рой пчел из двух или трех роев, когда у тех почему-нибудь нет маток. Да пчелы — не шмели, пчелы все под один цвет.

— А я возьму только соты, пускай хоть маленькие спасутся,— сказал я.

Очень хотелось развести поскорей большущий рой. Дядя пожал плечами и усмехнулся.

— Бери... Да все равно не будет толку! Твои ведь желтые, а эти черные... Жел-

тые — хозяева, и они, конечно, черных засекут!

Я вынул соты из гнезд и снес в улей. Шмели искусали мне руки. Боль была небольшая, а пальцы теперь даже не пухли.

Соты лежали в улье плотно, один кусок к другому. Сквозь тонкую кожуру ячеек просвечивали темные крестики головок молоденьких шмельков. Но все шмели в улье продолжали ползать на своем старом куске сот и мало обращали внимания на новые. Им и без новых хватало дела. Надо было мне брать и взрослых шмелей, а не только одни соты. Молодым нужен присмотр, а как они будут теперь?

Но один раз я открыл мох и увидел трех только что родившихся шмельков. Смешные, покрытые длинным беленьким пушком и точно облизанные, они шевелили неуклюже лапками и пробовали приподымать смятые крылышки. Они были из новых сот! Я сразу заметил оборванные неровные края ячеек, из которых они вылупились. Ну что-то будет! Будут жить или...

Через день молоденькие шмельки стали бодрыми и быстрыми и обозначился их цвет. Черненькие с золотыми обручками, а один с огненным хвостиком. Они шмыгали озабоченно между желтыми хозяевами, как будто так и должно быть. Потом начали летать и носить мед.

Как-то за обедом дядя спросил:

— Ну что твои пчелы?

Он очень интересовался, но только ему было некогда.

— Живут,— сказал я.

— А черные выводятся?

— И черные, и желтые, и полосатые — все выводятся.

— Да что ты! — воскликнул дядя.— И не дерутся?

— Сдружились.

Дядя даже ложкой стукнул:

— Ну, пчеловод! Ничего не скажешь! Знать, будешь пчеловодом!

А мама погладила меня рукой по волосам.

Дядя никогда не слыхал, что так может быть. Ему было интересно посмотреть. Мы пошли на огород. Как раз прилетел откуда-то полосатый. Он покружил около дяди и опустился в лётку. За ним сел черный. И сразу же вылетели из лётки три желтяка. Любопытно было, что в одну лётку лезут шмели разного цвета.

— Удивительно! — сказал дядя и покачал с восхищением головой.

Улей стоял в огороде до поздней осени. Теперь в нем было много шмелей, полосатых и черных. К осени появилось несколько очень крупных, как матка, и я радовался, что у нас разводятся такие необыкновенные шмели. Крупные шмели были новые, молодые матки, но тогда я не знал этого. А сама матка стала совсем лысая, с лоснящимся черным животом и спинкой, и нелегко было узнать, что она желтая.

Шмели перезимуют, и в будущем году их разведется еще больше, и самых крупных. Тогда-то уж мы напьемся чаю с медом!

Как-то ночью был сильный заморозок, а утром на буро-зеленой траве долго блестела холодная роса. Я пошел в огород посмотреть шмелей. Они были какие-то сонные, медленно двигались, не летали, не шумели, а когда, обидевшись, опрокидывались на спинки, то подымались нескоро и с трудом. Что стало с ними? Взволнованный прибежал я к дяде.

— Холодно! Пчел на зиму тепло убирают, ставят в сарай-омшанник или вот, как у соседа, прикрывают ульи соломой. И тебе придется так.

Вот новости! Я и не знал.

Вечером я заложил лётку травой и перенес улей в избу. Дядя сказал, что пчел зимой часто прикармливают. Я попросил у бабушки сахару. Она дала мне два кусочка. Пчелы стояли под скамейкой и слабо гудели, когда кто-нибудь задевал улей ногой. Я бросил кусочек сахару в кружку с кипятком. Он сразу растворился. Потом налил шмелиного чая в жестяную баночку и, когда чай остыл, поставил баночку в улей. Шмели все еще были вялые. Ничего, отогреются и наедятся, им станет веселей.

Утром нужно было посмотреть, выпит ли чай. Когда я снимал крышку, шмели не загудели. И чай был цел!.. Неладно что-то! Я торопливо поднял мошок. Где

шмели? Сухая, легкая шелуха сот, мох... И хоть бы один шмелек! Чудеса... Куда подевались?

— Наверно, выползли под крышку, не могли они улететь из избы, ты поищи,— посоветовал дядя.

Он тоже был сильно удивлен и стал сам помогать мне отыскивать шмелей. Потом пришла бабушка и тоже стала помогать. Мы посмотрели на окнах, пошарили под кроватью и в углах избы, поковыряли стены в пазах между бревен, не забрались ли туда, бабушка пошарила даже на печке. Шмелей нигде не было. Точно они растворились вдруг, как бабушкин сахар!

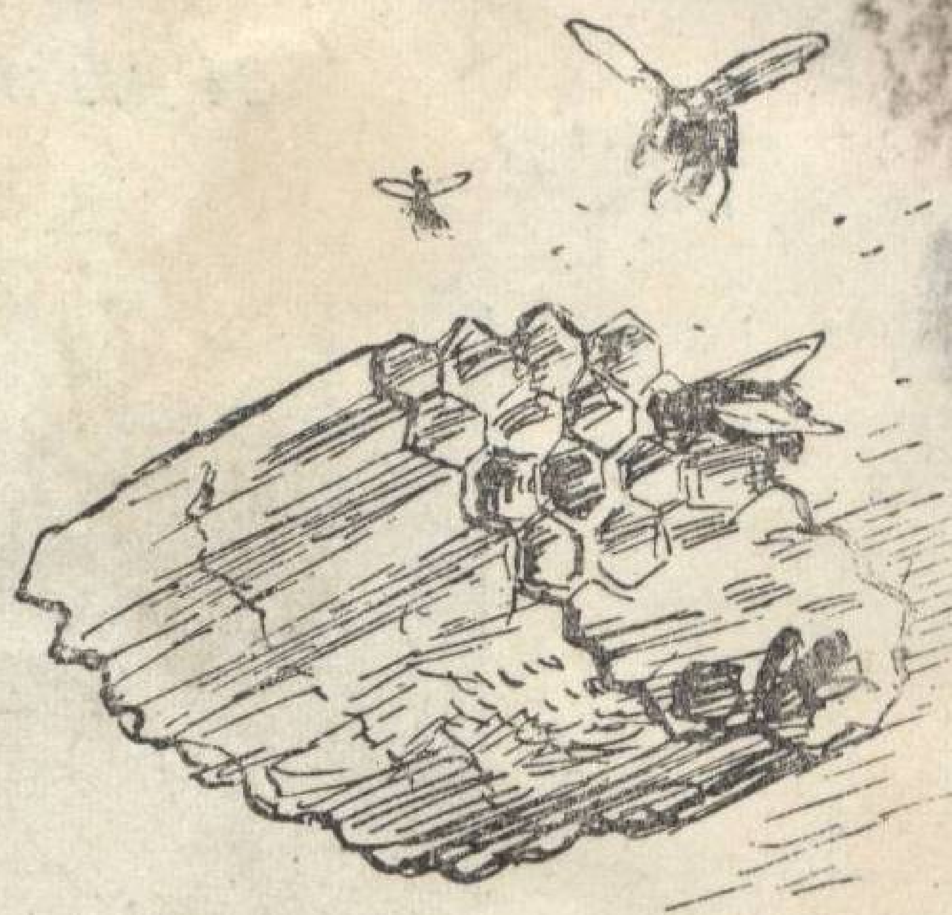
Дня три я разыскивал шмелей. И все стоял под скамейкой и все ждал своих хозяев осиротевший улей. Давно ли дружной, сильной, грозной семьей жили в нем чудесные разноцветные шмели! Они летали, добывали мед, сердились, радовались, распевали свои солнечные песни...

И вот вдруг ничего этого нет!

И Павлуша сказал, что у него улетели, и Коля сказал, что у него тоже улетели. Остались мы без пчел Пришлось последний кусочек сахару с'есть мне самому.

В следующем году я начал работать, пас гусей, учился косить и пахать землю. Мне стало не до шмелей.

Много лет прошло с тех пор. Я сам уже старый, и меня зовут дедом, и мой взрослый внук учится в летной школе: он хочет летать. И давно уже перевелись по деревням скупые и сердитые соседи, и все ребята могут теперь поесть самого лучшего меда от настоящих пчел. А я и теперь, бывает, вспомню, как жил у меня, у маленького, разноцветный шмелиный рой, и хоть опять принимайся за шмелей.

Как они тогда выползли и куда делись? Я знаю теперь, что шмели не зимуют, как пчелы, а гибнут, зимуют у шмелей только молоденькие матки, зарываются в землю и там спят. Почему-то и маткам не понравилось спать в моем улье!

А, может быть, все же можно сделать так, чтобы зимовали и все шмели, а не одни только матки? Может быть, есть такой способ? Пчелы зимуют, а шмели и пчелы — родственники.

И, может быть, можно и шмелей заставить запасать помногу меда? У шмелей он простой и грубый, но у них длинный хоботок, и они собирают мед и с таких цветов, с каких обыкновенным пчелам меда не достать. Хорошо бы попытать все это еще разок!

Да мне все некогда. У нас пасека в двести ульев. Я пчеловод в нашем колхозе. У меня много забот.

А вот Сашок, мой меньший внук—он помогает у нас на пасеке—сколотил себе недавно ящик и провертел в нем лётку.

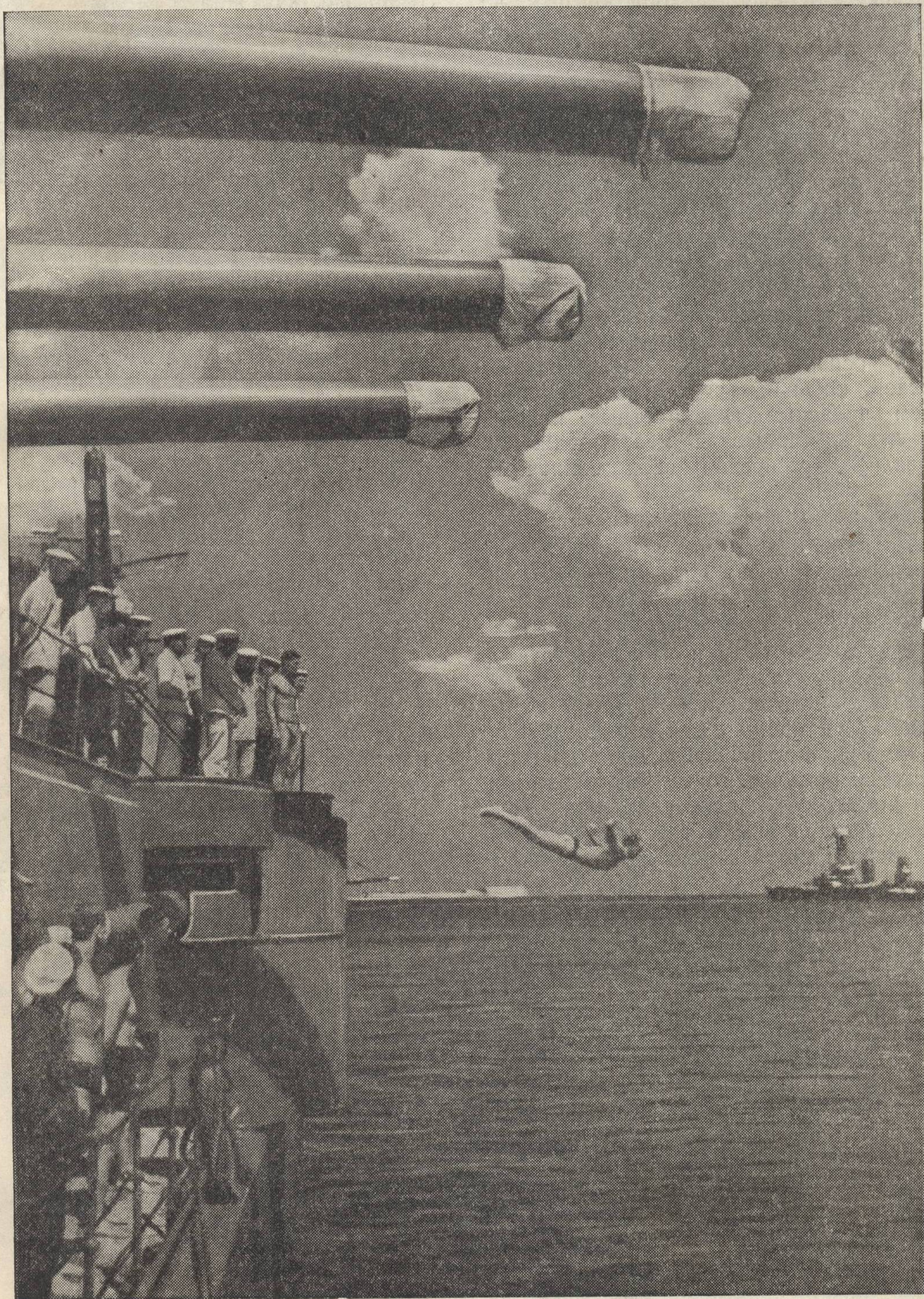
— Хочу,—говорит,—дед, испытать. Посажу в ящик шмелей!..

Ну, а дед будто против? Пусть сажает!

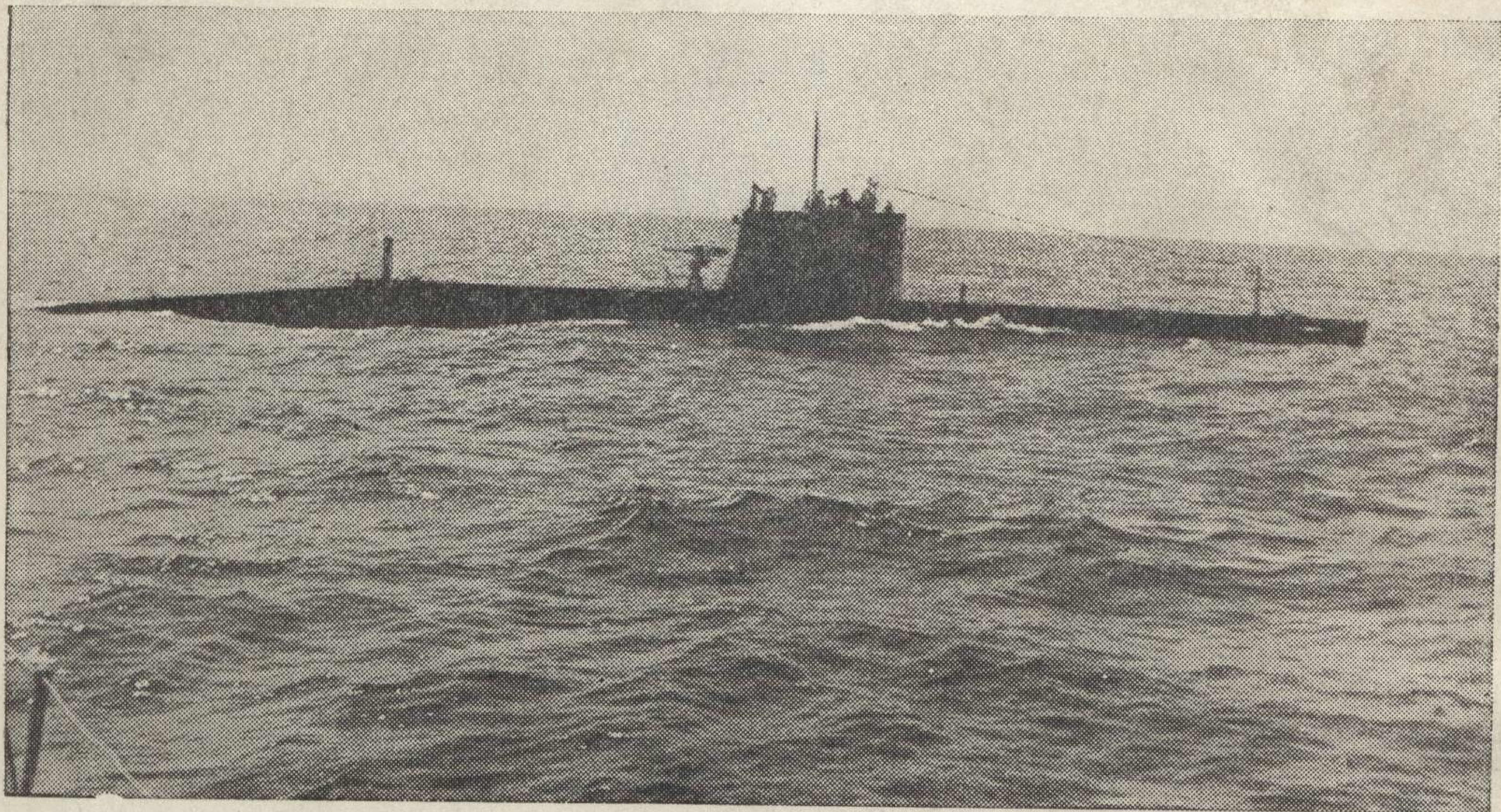
На страже морских рубежей

24 июля — День Военно-Морского Флота. Пионерский привет славным защитникам морских рубежей нашей родины!

На орудиях чехлы. Горнисты сыграли на обед. Перед обедом хорошо прыгнуть в море с верхней палубы линкора (высота трехэтажного дома). Тот — не моряк, кто не умеет отлично плавать.

Фото Мих. Прехнера

Товарищ Сталин назвал наших подводников бесстрашными. И на этой подводной лодке, которая только что поднялась с морского дна, немало бесстрашных краснофлотцев и командиров. Быть подводником — особая честь для молодого человека нашей родины.

Это — машинное отделение подводного корабля. Чудесными механизмами вооружены наши подводные лодки. Чудесные люди управляют ими.

На корабле во время боя может случиться пожар. Он будет потушен мгновенно. Сейчас на линкоре учебная пожарная тревога.

После боевого дня — на берег. Сегодня матч между футбольными командами линейного корабля «Парижская коммуна» и крейсера «Красный Кавказ». На рейде первый крейсер первой пятилетки — «Красный Кавказ».

Курсанты 2-го военно-морского училища — будущие водители кораблей морского и океанского флотов нашей родины.

Под землей

Рассказ Виталия Бианки *Рис. Л. Ройтера*

Есть в лесу, недалеко от нашего колхоза, знаменитая барсучья нора, вековая. Называется только нора, а по-настоящему и не нора даже, а целый холм, вдоль и поперек изрытый многими поколениями барсуков, — целое барсучье метро.

Рассказывали мне старики: когда они были еще малыми детьми, стоял холм в дремучем медвежьем лесу. Ребята одни ходить боялись в этот лес. А нор барсучьих и тогда уже было в холме много. Лес был помещичий, помещик продал его купцу, а купец начисто свел весь этот лес. Залило холм солнцем. И стали ребята бегать «на барсучью нору за земляницей»: великая сила земляники высыпала тогда на этом холме.

Теперь ни ягодки на нем не найдешь: опять вырос, закрыл его от солнца высокий лес. Медведей в этом лесу уж нет. А барсуки как жили в холме, так и до наших дней живут в нем.

Показал мне барсучью нору охотник Сысой Сысоич. Я внимательно осмотрел холм и насчитал в нем шестьдесят три входа-выхода. Да кое-где в кустах, под холмом, остались еще, верно, незаметные отнорки.

Легко было убедиться, что в этом обширном подземном убежище живут не только барсуки: у некоторых входов кишмя кишели жуки — могильщики, навозники и мертвоеды. Они трудились над валявшимися тут костями кур, тетеревов, рябчиков и над длинными заячьими хребтами. Барсук такими делами не занимается, кур и зайцев не ловит. И чистюля он: остатков своего обеда или другой какой грязи никогда не бросит в норе или около нее.

Кости зайцев, дичи и кур выдавали с головой лисье семейство, живущее тут же под землей, рядом с барсуками.

Некоторые норы были разрыты и превращены в настоящие траншеи.

— Охотнички наши старались, — объяснил Сысой Сысоич. — Только зря все: куда-то уходили под землей и лисята и барсучата. Не вырыть их здесь нипочем.

Помолчал немного и прибавил:

— А вот давай попытаем: нельзя ли выкурить отсюда хозяев?

Назавтра утром пришли мы к холму втроем: Сысой Сысоич, я и еще парень, которого Сысой Сысоич по дороге в шутку величал то истопником, то кочегаром, то трубочистом.

Втроем и то долго мы провозились, пока забили все выходы из подземелья, кроме одного внизу и двух наверху холма. К нижнему входу натаскали груду хвороста, можжевеловых и еловых лап.

Мы с Сысой Сысоичем стали каждый у своего выхода наверху, за кусточками.

«Истопник» зажег у входа костер. Когда разгорелось пламя, завалил его еловыми лапами. Повалил густой, едкий дым. Скоро его потянуло в нору, как в трубу.

Мы, стрелки, с нетерпением ждали в своих засадах, когда покажется дым наверху, из выходов. А может, раньше выскочит проворный лис или вывалится наружу толстый увалень — барсук? Может, им уже защипало глаза дымом там, в подземелье? Чего им ждать, пока станут задыхаться?

Но велико терпенье у отсиживающегося в норе зверя.

Вот, вижу: потянул дымок у Сысой Сысоича за кустами. Закурилось и у меня.

Теперь уж недолго ждать: вот-вот выскочит, чихая и фыркая, зверь, а того верней — несколько зверей, один за другим. Ружье уже у плеча: не прозевать бы проворных лисиц.

Дым гуще, гуще.

Вот уже клубами повалил и стелется по кустам. Уж мне глаза щиплет, слезу прошибает — как раз и пропустишь зверя, пока мигаешь, стряхиваешь слезы.

А зверей все нет.

Устали руки держать ружье у плеча. Опустил ружье.

Ждали, ждали — парень все хворосту и лап подкидывал в костер, — но ни один зверь так и не вышел.

— Думаешь, задохлись?— говорил Сысой Сысоич на обратном пути. — Н-нет, брат, они не задохлись. Дым-то ведь тянет вверх по норе, а они вглубь ушли. У них там, кто их знает, сколь глубоко нарыто. Чистое газоубежище, вот как теперь, слыхать, в городах у вас делают от ядовитых газов.

Маленький бородач был шибко расстроен неудачей. Тогда ему в утешение я рассказал про таксов и жесткошерстных фокстерьеров — собачек большой злобности, что идут в нору за барсуками и лисицей. И Сысой Сысоич вдруг загорелся: достань ему такую собачку, откуда хочешь возьми, а достань!

Пришлось обещать постараться.

Скоро после этого я уехал в Ленинград, и там неожиданно мне повезло: знакомый охотник дал мне на время своего любимого такса.

Когда я вернулся в деревню и показал собачку Сысой Сысоичу, он даже рассердился:

— Ты что, смеяться вздумал надо мной? Да эту мразь не то что старый лисовин — барсучонок загрызет и выплюнет.

Сысой Сысоич сам очень мал ростом, обижен этим и в других, даже в собаках, маленького роста не уважает.

Такс и вправду был смешон с виду: маленький, низенький и длинный на кривых, вывихнутых ножках. Но когда этот несуразный песик злобно зарычал, оскалив крепкие клыки на Сысой Сысоича, неосторожно протянувшего к нему руку, и прянул на него с неожиданной силой, Сысой Сысоич поспешно отскочил, вымолвил только:

— Ишь ты! Лют! — и замолчал.

Только мы подошли к холму, песик стал рваться к норе так яростно, что чуть не вывихнул мне руку. Едва спустил я его с поводка, как уже он исчез в темной норе.

Удивительные породы собак разводит человек, и, может быть, одна из самых удивительных пород — такс, эта маленькая подземная гончая. Все тело такса, узкое, как у куницы, как нельзя лучше приспособлено к лазанью по норам, кривые лапки хороши царапать и рыть землю, узкий длинный щипец — хватать добычу, впиваться в нее мертвой хваткой. И все-таки страшновато мне было стоять над норой и ждать, чем кончится там, в темном подземелье, кровавая схватка благовоспитанной комнатной собачки и дикого лесного зверя. А ну, как не вернется из норы собачонка? С каким лицом я покажусь хозяину, потерявшему своего любимого песика?

Под землей шел гон. Приглушенный толстым слоем почвы, до нас доносился звонкий все-таки лай такса. Казалось, голос гончей доносится откуда-то издали, не из-под ног.

Но вот лай стал ближе, слышней. Хриплый от великой злобы. Еще ближе... И опять стал удаляться.

Мы с Сысой Сысоичем стояли на холме, до боли в пальцах сжимая в руках бесполезные ружья. Лай доносился то из одного выхода, то из другого, то из третьего.

И вдруг оборвался.

Я знал, что это значит: маленькая гончая настигла где-то в темном коридоре зверя и сцепилась с ним.

И тут только я неожиданно вспомнил

то, о чем следовало мне подумать, прежде чем пускать собачку в нору: ведь обычно охотники, отправляясь на такую охоту, берут с собой лопаты, и как только враги в подземелье схватятся, живо начинают разрывать над ними землю, чтобы помочь таксу, если ему приходится плохо. Это возможно там, где бой происходит в каком-нибудь метре от поверхности земли. Но в этой глубокой норе, откуда даже дымом не выкуришь зверей, и думать нечего придти на помощь собачке.

Что я наделал! Такс, конечно, погибнет там, в глубине, где, может быть, ему пришлось схватиться даже не с одним зверем.

Вдруг снова послышался глухой лай.

Но не успел я обрадоваться, как он опять замолк, — теперь уж окончательно.

Долго-долго стояли мы с Сысой Сысоичем над немой могилой отважной чужой собачки. У меня не было с собой часов — не могу сказать, сколько именно времени мы стояли и молчали.

Я не решался уйти. Сысой Сысоич заговорил первый, сердито заговорил:

— Да, брат, дурака мы с тобой сваляли! Напоролся, видать, кобелишка на старого лисовина или язвука.

Язвуками зовут у нас барсуков.

И, помедлив, Сысой Сысоич прибавил:

— Что ж, пошли? Или еще обождем?

Я был очень благодарен маленькому охотнику за его деликатность: он не корил меня одного за гибель собаки, принимая вину и на себя, не заявлял: «Я-де предупреждал!» Но ответить ему я ничего не мог — так был расстроен.

Совершенно неожиданно из норы послышался какой-то шорох. Мы схватились за ружья.

И какая же была радость, когда из норы показался острый черный хвостик, потом кривые задние ножки и все длинное перепачканное в земле и крови тельце с трудом двигавшегося такса! Я так обрадовался, что кинулся к нему, и стал тянуть его наружу.

За собачкой показался из темной норы старый жирный барсук. Он не шевелился. Такс мертвой хваткой держал его за шиворот, злобно тряс и долго еще не хотел отпустить своего смертельного врага, словно боялся, как бы он не ожил.

С этого дня Сысой Сысоич проникся уважением ко всем маленьким собачкам на кривых ножках и мечтает завести себе такую.

Черный дракон

(Продолжение)

Алексей Югов

Рис. Б. Винокурова

11

Большим завоеванием для кружка химиков было вступление в него Катюши Зайцевой. Что касается самой Кати, то уж одна возможность господствовать над целым полчищем тончайшей, хрупкой посуды (пускай не тарелок и чашек — все равно), брать на учет, отвешивать, выдавать (пусть не картошку и крупы — неважно) — одна уже такая возможность была для нее достаточной причиной, чтобы примкнуть к «друзьям химии».

Одним из самых больших удовольствий для Кати Зайцевой было чистить горячую картошку, доставая ее из чугуна, в котором она варилась. Хорошо! Картошка чуть-чуть обжигает пальцы, шелуха с нее сдирается легко, длинными тонкими ленточками, хотя, правда, редко когда удается снять сплошную, непрерывную полоску вокруг всей картофелины, так, чтобы всюду лоснилась неповрежденная, гладкая поверхность. Когда картошки становится мало, так приятно-приятно бывает опустить всю руку в теплую мутную воду и шарить по дну чугуна, покрытому толстым слоем нежной и теплой картофельной кожуры. Не хочется вынимать руку. И бывает так: вот, кажется, уже всю картошку очистила, и вдруг в теплом и мягком, словно тина, слое наталкиваешься еще на одну. «Ну,— думаешь,— уж это последняя!» Очистишь и ее. А затем уж так просто, на прощанье, погрузишь руку в чугун и крутнешь воду посильнее, так, чтобы шелуха на дне каруселью пошла,— и вдруг — не может быть! — остановишь руку, и в ладонь что-то твердое — толк! Картошка! Вынимаешь ее и просто глазам не веришь: как будто их подкладывает кто!

Еще год тому назад Катя даже плакала, если, бывало, ее не разбудят утром картошку чистить. А ее просто жалели, особенно зимой, когда мать бралась за хозяйство затемно.

Еще любила она мыть посуду: больше чайную. А чистить ножи и вилки — не очень, потому что ей неприятно было, как скрипит песок.

Хозяйственную Катю бабушка Чугуновых нередко ставила в пример Марусе:

— Вон посмотри — Катюша: и пошьет, и постирает, и погладит, матери помощница! А ты что? Заладила свои «молекулы»!.. Да все со скляночками, да все с бутылочками. Не то уж ты у нас на аптекаря хочешь учиться, Мария!

— Ну и ладно! Ну и на аптекаря! Не всем быть такими, как ваша Катенька! — сердясь отвечала Маруся.

Хозяйственные навыки, любовь к порядку, к чистоте Катя Зайцева принесла и в школу, в отряд.

Вместе с лучшим художником школы, Борисом Ланге, она обычно избиралась в школьную комиссию по проведению праздников. Борис руководил украшением школы, Катя бегала доставать грузовик, ездила во главе ребят в лес за ветками.

Большое участие принимала она всегда в устройстве буфета.

Когда Катя Зайцева приготовляла сама, собственноручно, бутерброды с сыром и колбасой, то уж хоть десять минут стой возле прилавка — все равно не будешь знать, какой выбрать: все одинаковы: ни один ни больше, ни меньше.

Однажды пионеры заполняли анкету, и в ней был вопрос: «Кем ты хочешь быть?» Катя Зайцева написала: «Директором фабрики-кухни на сто тысяч обедов».

С Марусей Чугуновой они были подруги и жили на одном дворе, только в разных домах. По выходным дням Катюша Зайцева приходила помогать «великому химику». Она была безупречной ассистенткой Маруси и по добыванию алхимического золота и по превращению воды в кровь. Лишь одно в ней раздражало Марусю — это внутренне безучастное ее отношение даже к тем самым опытам, которые заставляли реветь от восторга зрителей-мальчишек, изредка удостаиваемых приглашения в лабораторию Марии Чугуновой.

Зато и Катя, в свою очередь, не могла понять, как же это можно оставить после опытов груду невымытых пробирок и уйти кататься на коньках. Она ворчала на Марусю и до тех пор не шла с ней на каток, пока все до единой пробирки сверкающим строем не выстраивались в гнездах деревянной подставки.

— Ох, и вредная ты, Катюшка! — злилась Маруся.— Ну если только мы из-за тебя опоздаем!..

А сама настолько привыкла считать свою подругу ответственной за всякое упущение в лаборатории, что во время их совместной работы то и дело слышалось:

— Катерина! У тебя опять резиновые пробки по всем колбам гуляют! Тогда мой их как следует! А то хороша реакция будет! Катюшка, вымой! Быстро! Подай биксочку! Подержи!

И эти постоянные «Вымой, подай, подержи!» заставляли, в конце концов, вмешиваться бабушку Чугуновых.

— Да что это ты, Мария! — негодовала она.— Только и слышишь, только и слышишь «Подай да помой!» Да что ты ею командуешь?! Кто она тебе?

— Лаборантка моя,— с лукавой и своевольной улыбкой отвечала иногда Маруся и вполголоса добавляла: — А не справится с работой, в уборщицы могу перевести...

Катюша при этих словах своей подруги обычно делала ей предостерегающие знаки, боясь, что бабушка услышит и Марусе влетит.

12

На другое же утро после гибели своей лаборатории Маруся не стала дожидаться чаю, а стоя выпила стакан молока и, даже не надев пальто, побежала к подруге.

Был выходной день. Вася Крапивин стоял на покатой крыше сарая рядом со своей голубятней и махал шестом, гоняя голубей.

Маруся остановилась и, подняв голову, стала следить за полетом голубей.

Стая, готовая уже спуститься, шарахалась в сторону и, теряя порядок, врассыпную снова начинала набирать высоту. Голубей почему-то было необычайно жалко, как будто изнуренного и запоздалого путника, который постучался в окно, прося ночлега, а ему резко и грубо отказали.

«И чего он мучает их? — подумала Маруся.— А еще говорит, что любит своих голубей!»

В это время из квадратного окна голубятни, затянутого проволочной решеткой, вырвалось облачко белой пыли, а потом высунулась чья-то тонкая рука с железным совком и высыпала из совка мусор.

«А! Чистит голубятню, поэтому и не дает им садиться,— догадалась Маруся.— Но кто же это из мальчишек помогает?»

Она остановилась и, подняв голову, стала следить за полетом голубей.

Стая ушла высоко. Покачиваясь и сверкая на солнце, она походила сейчас на брошенные с самолета листовки.

Вася Крапивин стоял на покатой крыше сарая и махал шестом, гоняя голубей.

Вася Крапивин, защитив от солнца глаза, любовался полетом.

— Тарелочками, тарелочками летят! Смотрите! — крикнул он восторженно и посмотрел вниз, ища на дворе зрителей. Но там стояла одна лишь Маруся.

— Чугунова, Чугунова, смотри: тарелочками! — обратился он к ней и, решив, что ей будет непонятно, показал, как это тарелочками, распрямив ладонь и медленными кругами снижая ее.

— Да ну тебя! Интересно ведь мне, подумаешь! — пренебрежительно ответила Маруся.

Ей было досадно, что Крапивин подумал, будто она интересуется его голубями.

— Неинтересно, а смотришь! — сказал он обидевшись.

— Просто так,— возразила она.— Мне Катю Зайцеву нужно. Я к ней и пошла.

— Маруся, я здесь! Подожди! — послышался голос из голубятни, и на ее узеньком подвесном крылечке, соединявшемся с землею посредством приставной лестницы, показалась Катюша Зайцева с веником и с железным скребком в руках.

Она была одета во все старенькое, рукава кофточки засучены выше локтей, светлые волосы повязаны косынкой. Стекла очков были покрыты крапинками известки.

— Катюша, а ты-то здесь что делаешь?! — изумленно спросила Маруся.— Или у вас с ним голуби стали общие? — добавила она с оттенком недоброжелательства и насмешки.

— Общие,— сказал Вася Крапивин, желая подзадорить ее.— А тебе завидно?

— Ты думаешь, что уж все такие ненормальные, как ты?

— От ненормальной слышу!

Тем временем Катя Зайцева сошла вниз и прекратила их ссору.

— Да будет вам! Чего ты на него нападаешь? — вполголоса сказала она подруге.— Он и так чуть не плачет: у него самый дорогой голубь может подохнуть.

— Подумаешь, голубь! У меня вот в сто раз хуже, да я не плачу,— возразила Маруся.

Однако ее голос сделался значительно мягче.

— Что у него с голубем? — спросила она.

— Насморк,— ответила Катюша.

Маруся засмеялась.

— И не смейся, пожалуйста. Если это гнилец, так и все голуби могут передохнуть. Заразное очень. Нужно срочно дезинфекцию сделать. Вот я ему и помогаю.

В это время хозяин голубятни позвал свою помощницу: стая опять шла на снижение.

— Ну, Маруся, ты подожди еще немножечко, я побелку закончу,— сказала Катя и опять вскарабкалась на голубятню.

Вася принялся размахивать шестом.

— Слушай, а мне можно туда? — спросила его Маруся.

— Тебе? — и голубятник задумался, опираясь на шест.

После неприятного разговора с Марусей он с удовольствием бы ответил ей «нельзя», но, с другой стороны, Чугунова и Зайцева были подруги.

— Ну, ладно, зайди! — сказал он.

Маруся быстро вскарабкалась по лестнице и вошла в голубятню.

Побелка подходила к концу. Солнце пронизывало тонкие в пазах доски, и они казались алыми на стыках, словно тесно сжатые пальцы, поставленные против света.

На чердаке было светло, почти как на улице.

— Ой, как хорошо здесь! — вырвалось у Маруси.— Вот никогда бы не подумала! Прямо как в комнате...

— Если бы всегда так было у него, так и голуби не хворали бы,—назидательно сказала Катя, продолжая белить.

— А где больной голубь? — оглядывая голубятню, спросила Маруся.

— Вот чудная, да разве его можно со всеми держать! Он в отсаде. Хочешь — посмотри.

Сказав это, Катя распахнула проволочную дверцу отдельно устроенного в стене ящика, и Маруся заглянула туда осторожно, боясь вспугнуть птицу.

— Ой! — вскрикнула она почти испуганно и, отшатнувшись, взглянула на Катю.

— Да ведь он же совсем черный! — сказала она.— Неужели голубь?!

— Ворон, ворон, Чугунова! — послышался сквозь тонкую стенку голос хозяина голубятни, исполненный плохо скрываемого торжества.

И впрямь, не только Маруся Чугунова, но и любой непосвященный скорее принял бы эту птицу за ворона еще не виданной породы. У голубя был мужественный и суровый вид, он сидел с какой-то орлиной недосягаемой нахохленностью. Ярко-красные злые глаза его резко выступали на фоне черного оперения. Каждый глаз был окружен как бы розеткою из белых кораллов. Такие же белые, рыхлые наросты сидели на его черном носу.

— Черный дракон! Сто пятьдесят рублей отдал! — послышался снова голос Васи Крапивина.

Девочки обернулись и увидели глаз хозяина, смотревший на них в отверстие от вывалившегося сучка. Потом глаз исчез.

— Да неужели он мог такие деньги за него заплатить?! — тихонько спросила Маруся у своей подруги.

— Да почему же нет? — ответила Катя.— Он ведь целый год у одного старика-голубятника голубятню чистил, голубей за него гонял. Тот уже не мог сам-то: еле двигался. Вынесет стул на улицу, сядет и смотрит. А Васька гоняет. Ну, он ему за это что-то платил. Да, кажется, у него же и черный дракон куплен.

Помолчали.

— Ну и подохнет?—спросила Маруся.

— Это еще не известно. Он его лечит.

— Лечит? — Маруся недоверчиво рассмеялась.

— Ну да. Промывает голубю клюв. Чего-то ему внутрь дает, я не знаю. Говорит: вылечу.

Маруся неодобрительно покачала головой.

— И есть же такие люди на свете! А еще пионер! — сказала она.

Катя ничего ей на это не ответила.

— И охота тебе с ним связываться! — продолжала Маруся.— Тоже голубей гонять собираешься?

— Да ничего подобного! Просто ему не справиться одному, он и попросил меня помочь. Не знаю, что тут такого... Вот выбелю ему голубятню и уйду,— оправдывалась Катя.

С крыши послышался голос голубятника:

— Чугунова, ты сейчас уходи: я голубей буду кормить, а они у меня не садятся, если кто посторонний в голубятне.

— А Зайцева?

— Ну, к ней они уже привыкли. Они даже от нее корм берут.

— Подумаешь, ведь!..— усмехнулась Маруся и пошла к выходу.

— Погоди: я же сейчас,— окликнула ее Катя, делая последние мазки.— Ну вот и готово.

Она опустила мочальную кисть в ведро с известкой и, широко распахнув дверь, остановилась, чтобы полюбоваться побелкой.

— Здорово! Прямо как дача. Не только голуби, а, пожалуй, и мы бы с тобой пожили здесь. Верно, Марусенька?—обратилась она к подруге, обнимая ее за плечи и радостно смеясь от сознания хорошо выполненной работы — и работы не для себя, а для товарища.

Маруся вдруг отвернулась: у нее выступили слезы. Она старалась их остановить. Глаза у нее сощурились, подбородок задергался и покрылся весь мелкими перебегающими ямочками. Она все-таки не заплакала. Ее вдруг зло взяло, и она, усмехнувшись нерадостно, ответила Кате:

— Ну, дуракам всегда счастье! — и стала спускаться по лестнице.

Катя последовала за ней.

— Каким дуракам?— спросила она Марусю, когда они отошли от голубятни.

— Известно, каким! — ответила Чугунова.— Тем, которые по крышам целый день ходят да тряпкой на голубей машут... А что, разве плохо ему, когда у него для каких-то голубей целый чердак, а для моей лаборатории даже в углу за умывальником и то места не дают!

— Как? Ведь ты же все время там опыты делала. Ведь отец же тебе еще деньги давал на лабораторию!

— Ну и давал. А теперь всю мою лабораторию мама в ящик сбросила... Помнишь ту колбочку? Разбила мама...

— Зачем?

— Ну, нарочно: чтобы я в комнате химией не занималась Ну и пускай! Ну и пускай! — вдруг выкрикнула она.— Вот выброшу всю лабораторию в мусорный ящик — и только. Раз им этого надо!!

И, не в силах больше удержать слезы, Маруся взмахнула рукой и, не оглядываясь, быстро пошла в глубь двора, где сложены были две высокие длинные и тесно поставленные поленницы.

Это место называлось у ребят «ущелье». Здесь вплоть до середины мая сохранялся на земле заледенелый снег и даже в самые жаркие дни стоял запах погреба и березового сока.

Ребята любили воевать на дровах, и сюда отступали последние бойцы, чтобы дорого продать здесь свою жизнь.

Хороши также были «дровяные ущелья» и для того, кто хотел выплакаться в них так, чтобы никто не видел...

...Катя Зайцева растерянно смотрела сквозь забрызганные мелом очки вслед удалявшейся подруге.

13

Вася Крапивин спокойно кормил голубей на маленькой чисто выметенной и посыпанной песком площадке. Птицы — их было около десятка — теснились возле двух глиняных плошек. Они торопливо и часто хватали зерна, толкаясь и перепархивая друг через друга. Время от времени чей-нибудь клюв вместо плошки впивался вдруг в затылок соседа. Тогда оба голубя выбегали из круга и начиналось неуклюжее преследование.

Вася Крапивин стоял над ними, прижимая к груди стеклянную банку с кормом, и нежно, тихо посвистывал: у него была недавно куплена пара краснорябых, седоголовых, они еще не привыкли возвращаться на его свист, и вот он приучал их.

В это время к нему подошли Коля Ершов и Миша Бутылкин. Он встретил их радостно, но смутился и тотчас же оставил банку с кормом.

— Да ты не спеши,— важно сказал ему Ершов, присаживаясь на ступень лестницы.— Докармливай уж их, как полагается. А мы посидим, посмотрим.

И, чтобы не смущать больше товарища, он обратился к Зайцевой, расспрашивая ее, почему она сегодня в таком наряде и почему очки у нее забрызганы мелом. Он заговорил с ней в веселом тоне, с готовностью посмеяться и подшутить немного над ней по поводу ее работы в голубятне. Но Катя отвечала ему рассеянно, нехотя и с озабоченным видом смотрела в сторону «дровяных ущелий».

Он заметил это и замолчал.

— Куда ты это смотришь? — спросил он, наконец, у нее.

И она, зная, что Ершов очень хорошо относится к Чугуновой, рассказала ему о беде, постигшей Марусю.

— Ты посиди, Коля, а я сбегаю к ней,— обратилась она к Ершову и уже накинула было на плечи свое пальто, лежавшее на бревнах.

Маруся сидела ссутулясь.

Но он вдруг вскочил на ноги и остановил ее за рукав.

— Подожди, Зайцева,—озабоченно хмурясь, сказал он.— Это дело я сам должен выяснить. Я считаю: никто не вправе так с лабораторией поступать. В конце концов, можно ведь и на родителей воздействовать... Миша, пойдем! — решительно обратился он к своему другу.— Если она сама нам все это подтвердит, Чугунова, тогда... мы там обсудим!

Катя не посмела их остановить.

... В «дровяных ущельях» свистел влажный апрельский ветер. Было сыро, холодно, неуютно. Дрова, хотя и обтаяли, но под разбухшей, растрескавшейся корой поленьев уцелел еще набившийся туда заледенелый снег.

Бутылкин с Ершовым, спотыкаясь, пробирались среди рассыпанных, торчащих во все стороны поленьев, перепрыгивали с одного полена на другое, и Ершову показалось на миг, что вот он Роальд Амундсен и идет со своим верным спутником через торосы, трещины и заструги гренландского ледника на помощь к погибающему участнику экспедиции.

У Ершова развязались шнурки на ботинке, и ему пришлось немного отстать. Бутылкин один подошел к Чугуновой и остановился за ее спиной, не решаясь ее окликнуть.

Она сидела, ссутулясь и прислонившись плечом к поленнице. Почувствовав, что кто-то стоит сзади, она слегка оборотила угрюмое, заплаканное лицо и глянула исподлобья.

— Гутен таг, Чугунова! — сказал Миша Бутылкин, и его добродушное простоватое лицо расплылось в улыбке.

Маруся не могла удержаться и, сама на себя досадуя за это, усмехнулась. Бутылкин обрадовался и приветственно потряс в воздухе рукой. Еще немного — они бы, наверное, разговорились. Но в это время Маруся увидала приближавшегося к ним Ершова.

Лицо ее вдруг потемнело, брови сдвинулись, она отвернулась.

Обескураженный Бутылкин, уже готовившийся присесть возле Маруси, растерянно посмотрел на нее, потом на Ершова.

Тот, ничего не подозревая, подошел к Чугуновой и окликнул ее:

— Чугунова!

Она молчала.

Ершов ничуть не смутился, так как заранее был готов к такой встрече.

— Вот что, Чугунова,— спокойным, рассудительным тоном начал говорить он,— ты брось эту ерунду. Ну, я понимаю, лаборатория — любимое твое дело... ценность... Но что же, жизни теперь из-за этого лишаться, что ли?! Ну?

Чугунова молчала.

Подождав немного, Ершов заговорил опять. Он становился все красноречивее— слова, горячие и убедительные, приходили как-то сами собой, с необычайной, даже удивившей его самого легкостью. Когда он кончил говорить, он был уверен, что достиг своей цели и что Чугунова сейчас вот обернется к нему.

Но она молчала и не оборачивалась. Этого уже он не ожидал никак. Пожалуй, даже враждебность какая-то чудилась в этом молчании.

Ершову стало неловко перед товарищем. Он напряженно придумывал слова, которыми хоть немного можно было бы сдвинуть дело с мертвой точки. Наконец, ему показалось, что он их нашел.

— Вот что, Чугунова,— сказал он,— в конце концов, я как вожатый нашего

Бутылкин с Ершовым пробирались среди рассыпанных поленьев.

звена мог бы и с твоими родителями об'ясниться...

Найденные им слова как будто произвели то действие, на которое он рассчитывал: Маруся Чугунова обернулась к нему.

— Ты скоро уйдешь? — спокойно и холодно спросила она.

14

На половине обратного пути из «гренландских ледников» неудачная спасательная экспедиция Ершова повстречалась с Катей Зайцевой.

— Ну, что она? — с тревогой спросила у них Катя.

— А! — раздраженным возгласом ответил Ершов.— Просто зло берет!

Он еще хотел что-то добавить, но Катя не стала слушать.

— Побегу, — сказала она, — ведь я теперь только вспомнила: Маруська-то, сумасшедшая, она, ведь, без пальто там сидит!

Они разминулись.

При выходе из «ущелья» Ершов оглянулся. Катя Зайцева все еще не добралась до подруги. Несмотря на то что она очень спешила, она шла осторожно и время от времени останавливалась, чтобы осмотреться и выбрать дорогу поудобнее.

— Вот уж истинная девчонка! — проворчал Ершов. — Боится туфельки свои поцарапать!

Миша Бутылкин ничем на это не отозвался: он боялся каким-нибудь невпопад сказанным словом усилить раздражение Ершова.

...Подойдя вплотную к Чугуновой, все так же неподвижно сидевшей у подножия раскатившегося края поленницы, Катя Зайцева, ни слова не говоря, бережно накинула свое пальто на плечи подруги.

Плечо Маруси отдернулось, и пальто было бы сброшено на землю, если бы Зайцева не придержала его.

— Что ты, Маруська, простудиться задумала — выбежала так? Не думай: ведь не лето еще! — произнесла она слегка ворчливым тоном старшей подруги.

Чугунова ничего не ответила ей, не повернула головы, но пальто осталось у нее на плечах.

— Чудная! — покачав головой и вздохнув, сказала Катя.

В это время солнце скрылось за облако — все посерело вокруг, и стало холодно. В воздухе зареяли редкие большие снежинки.

— Ой, Марусенька, замерзаю, я к тебе! — поеживаясь, проговорила Катя и юркнула к Марусе под пальто.

Та слегка подвинулась, давая ей место.

Катя прижалась к подруге поплотнее и натянула на себя свободную полу пальто.

Потом взяла в обе руки холодные марусины пальцы и стала их согревать.

— Ой, да руки-то у тебя, как ледяные! — сказала она. А потом, помолчав, добавила укоризненно и вздыхая:— Ох, и дурная, ох и дурная, Маруська!

Потом затихла.

И так долго-долго сидели они, согревая друг друга.

Они молчали, ни единого слова не было сказано между ними. Только когда тяжело вздыхалось одной, то так же глубоко переводила дыхание и другая.

— Ну, я пойду... — глубоко вздохнув, сказала чуть слышно Маруся и пошевелилась.

Катя быстро вынырнула из-под пальто и вскочила на ноги. Встала и Маруся Чугунова.

— Пойдем? — с едва заметной улыбкой тихо проговорила одна.

— Пойдем, — так же тихо ответила ей другая.

Помогая друг дружке карабкаться по дровам, они выбрались из «ущелья».

Здесь, перед тем как расстаться, Катя Зайцева взяла обеими руками руку подруги и, заглядывая ей в глаза, тихонько сказала:

— А ты, Марусенька, не сердись на него...

15

На третий или четвертый день после встреч в «дровяных ущельях» во время большой перемены Катя Зайцева поочередно подходила то к одному, то к другому из «химиков» и с каждым вела короткий, но таинственный разговор на языке «кля».

Речь шла о том, чтобы «химикам», живущим поблизости от Маруси и от Кати Зайцевой, об'единиться вдобавок еще и в домашний химический кружок. Основою будущей лаборатории кружка должна была стать лаборатория Маруси Чугуно-

вой. О помещении же — хоть бы где-нибудь на дворе: летом даже и лучше — предполагалось просить управдома. Все было предусмотрено. Катя умела убеждать. Поэтому, когда, по ее приглашению, будущий «домашний кружок» собрался у Ершова, то и говорить, по существу, было уже не о чем.

— Что же мы в этой лаборатории будем делать? — спросил вдруг Миша Бутылкин.

— Что? Опыты, конечно, — ответила Маруся. — Научимся хорошо разные вещества узнавать... Смешивать их будем, смотреть, что получится.

— Можем открытие какое-нибудь сделать, — сказал Ершов.

— А вдруг свинец научимся в золото превращать — хо-хоо! — восторженно вскричал Бутылкин.

— Вот-вот... как раз! — насмешливо возразил один из деятельных «химиков» и неистовый фотолюбитель, Петя Горный. — Свинец — он свинец и останется, хоть ты его в пар обрати. Ты помнишь, Надежда Павловна рассказывала: что ни одному химику из железа меди не сделать, а из меди — железа. То же самое — и серебро, и золото, и свинец: они вечно как есть, так и будут.

Маруся Чугунова, слушая его, поощрительно кивала головой. Когда он кончил, она добавила:

— Потому что они вечные элементы. Их атомы можно соединить друг с другом. А один из другого сделать никогда нельзя. И уничтожить нельзя.

— А красный-то камень мудрецов?! — вскричал Бутылкин. — Ага! Ты ведь сама рассказывала когда-то, что такой порошок был у алхимиков; бросят они одну щепотку в ковшик ртути, поставят на огонь—и вся ртуть превращается в золото! Помнишь, а? Еще ты говорила, что медаль из этого алхимического золота один император велел сделать! А теперь говоришь: «Нельзя»!

Чугунова смутилась:

— Ну, я так читала... Такая у меня книга была про алхимиков. Не сама же я это придумала!

Ершов пришел ей на помощь:

— Ну, может быть, и существовал такой секрет, а потом потеряли. А потом опять откроют и из ртути будут делать золото...

— Вот, наверное, мы и откроем в нашей лаборатории! — сказал, рассмеявшись, Петя Горный.

— Ты уж, должно быть, думаешь, что дороже золота ничего на свете нет! — возразила Маруся. — А химики могут такое открыть, что золото будет все равно что мусор.

— Подумаешь! Она только одна знает! Платина есть, она гораздо дороже золота.

— Бриллианты еще дороже, — заметил Бутылкин.

Маруся выслушала их, снисходительно улыбаясь.

— И платина и бриллианты — все мусор! — сказала она. — Есть одно вещество такое, что за один только его грамм — знаешь, вот, как порошки аспирина бывают, — так за один такой порошочек этого металла, знаешь, сколько золота дают? Около тридцати кило, почти что два пуда! Этот металл дороже золота в десятки тысяч раз...

— Радий! — одновременно воскликнули Ершов и Петя Горный.

— Ну вот... А ты думаешь, кто его открыл? — продолжала Маруся, обращаясь к Пете Горному. — Химики! И не думай, пожалуйста, что его нарочно искали. Даже и в мыслях ни у кого не было, что есть такое чудо в природе...

— Ну а как же? — спросил Бутылкин.

— А так: Анри Бекерель нашел один камень и положил его к себе на письменный стол, только не просто на стол, а на фотографическую пластинку.

— Ну, ну?

— Ну, положил, и лежал у него этот камень на пластинке, не помню уж теперь, сколько времени...

— А пластинки какие, еще не использованные были? — деловито осведомился Петя.

— Ну, конечно. И завернуты были в черную бумагу.

Петя удовлетворенно кивнул головой:

— Правильно. Так их и надо хранить, чтобы светом не испортило. А скажи, пожалуйста...

Но тут вмешался раздраженный Бутылкин.

— Да не перебивай ты! — вскричал он. — Ну, ну, Чугунова, рассказывай!

— Ну и вот. Понадобились ему фотографические пластинки — снимать. Снял, проявил, а пластинки испорченные!

— Засвеченные! — закричал Петя. — Да как же они засветиться могли, когда ты

говоришь, что они в черной бумаге были? Откуда же свет на них попал?!

Маруся ответила на его вопрос не сразу.

— Из камня, — об'яснила, наконец, она, — из камня, потому что это был кусок радиевой руды. Там, может быть, одна какая-нибудь пылинка радия всего и была-то. И от радия шли такие особые лучи — они даже и картон и деревянную пластинку насквозь могут пройти... и металлическую, тонкую...

— Да как же он их не видал?

— Потому что они невидимые... Очень просто! Не настоящий свет, а такие радиевые лучи... Но только этот старик, он так и не догадался, что это радий. Это уж потом Мария Кюри-Складовская открыла.

— Вот, поди, ему досадно было: прохлопал-то как! — сказал Бутылкин и засмеялся. — Вот, поди, она разбогатела-то! Наверно, богаче всех в мире сделалась? Верно? — спросил он Марусю.

— «Разбогатела!» Как раз! — возмущенная подобным предположением относительно Марии Кюри, ответила Мария Чугунова. — Напротив, когда еще во всем, во всем мире был один только грамм радия, только у нее одной — она его много лет добывала по одной пылинке, стоил он тогда миллион рублей, — так она весь его даром отдала для лаборатории. «Разбогатела!» — еще раз в глубоком возмущении передразнила она Бутылкина.

— А может быть, она богатая была... какая-нибудь капиталистова дочь... вот и дарила. Откуда ты знаешь? — упрямо возражал он.

— Нет, вот ты, если не знаешь, так не смей про нее таких глупостей говорить! — гневно закричала на него Маруся.— «Откуда ты знаешь?» — передразнила она Бутылкина. — Да я тебе могу все про нее рассказать! И когда она родилась... Седьмого ноября тысяча восемьсот шестьдесят седьмого года, — продолжала она скороговоркой. — И кто отец, и кто мать. Мать у нее рано умерла, и она сиротой росла, без матери... А потом... Да ну тебя совсем! Не стоишь ты, чтобы с тобой о ней разговаривать!

Маруся отвернулась в сторону и даже сделала несколько шагов, как бы собираясь уходить.

— Слушай, Чугунова, — остановил ее Ершов. — Ну чего ты, в самом деле?! На Мишку рассердилась! Ты знаешь, он у нас какой: ляпнет что-нибудь, не подумавши, а потом и сам удивляется... Вот я ему сейчас шею наломаю.

Сказав это, Ершов забрал подмышку голову Бутылкина, нагнул и шутя нанес ему несколько легких ударов по шее. Тот, против своего обыкновения, не барахтался, не сопротивлялся: ему тоже хотелось, чтобы Чугунова продолжала рассказ.

— Ну вот! — сказал Ершов и напоследок нахлобучил своему другу кепку до самого подбородка.— Пусть-ка он еще попробует мешать! Рассказывай, Чугунова, про Марию Кюри. Правда, очень интересно

— Не буду я, — отвечала Маруся.

К просьбе Ершова присоединилась Катя Зайцева, но и это не помогло. Наконец, видя, что дело плохо, решил переломить свою гордость и Миша Бутылкин.

— Ты вечно такая! — угрюмо проговорил он. — Тебе уж и слово нельзя сказать. Ну, я удивился действительно, что она могла последний свой радий отдать, и на миллион рублей... Я и подумал, что, может быть, у нее отец богатый был...

— Да! Богатый! Когда он был самый бедный учитель физики... Он даже собственную лабораторию устроил, опыты делать, так и то денег не хватало на лабораторию...

И рассказ Маруси Чугуновой вдруг возобновился сам собой, легко и просто.

16

Рассказ Маруси Чугуновой о том, как Мария Кюри открыла радий

— Отец ее, значит, был учитель физики в Варшаве. Он сильно любил науку и все покупал и покупал разные приборы — большая часть жалованья у него уходила на это. Фамилия их была Складовские. Они были поляки. Это уж потом она получила вторую фамилию, когда замуж вышла за Пьера Кюри. А он тоже был великий физик и математик.

Ну вот! Как подросла она и стала в школу ходить, то начала отцу помогать: лабораторию подметала, с приборов пыль обтирала, пробирки мыла... потом что-нибудь, если потребуется, подержать во время опыта... Наверно, градусы смотрела на термометре, спиртовку зажигала... Бывало

так, что у нее платье износится — нужно новое шить, а отцу как раз для нового опыта какой-нибудь прибор хочется купить, а денег мало. Он ей дает деньги на платье, а она говорит ему: «Нет, папа, давай лучше прибор купим, а я похожу еще в старом платье». И возьмет и сама починит платье...

Так она все привыкала, привыкала к приборам и решила про себя, что когда вырастет большая, то обязательно будет физик или химик — больше никто! Но потом, когда она девятилетку ихнюю кончала, она записалась в польский революционный кружок: чтобы бороться против русского царя.

Поляков тогда царь угнетал страшно. Им даже на польском языке учить детей не разрешали... А кто был против, устраивал заговоры, восстания, — тех либо вешали либо в Сибирь ссылали...

...Она тогда и подумала: «Я буду тут физикой заниматься, а весь народ мучается» — и записалась в кружок и стала помогать революционерам...

— И учиться бросила? — спросил Бутылкин.

— Нет, не бросила. А только стала им помогать... Потом она окончила девятилетку и хотела поступить в вуз... А ей, знаете, что сказал директор, когда она заявление пришла подавать? «Поступайте-ка лучше, барышня, на поварские курсы: это вам нужнее...»

— Вот дурачье-то!— вырвалось у Зайцевой.

— Ну погоди, ничего: она им еще покажет всем. Еще и короли, и принцы, и цари, и ученые разные — все они будут у нее радий выпрашивать... Например, когда она...

Но тут ласково перебила Катя:

— Нет, уж, Марусенька, давай лучше по порядку!.. Ну отказали ей, а она что?

Маруся кивнула головой и продолжала:

— Тогда ей нечего было делать. Учиться дальше не дают, и потом тяжело ей стало смотреть, как польский народ угнетают, а сделать ничего нельзя, и она решила уехать во Францию, в Париж. Там ее приняли в вуз, но жить ей было не на что. Жила она где-то на чердаке и питалась на десять сантимов в день. Зарабатывала она сначала частными уроками, а потом убирала лабораторию и мыла посуду — там же, где училась... За это ей платили, — Маруся задумалась, припоминая, — ну как все равно уборщице...

— Какая она все-таки!.. — со вздохом изумления произнес Миша Бутылкин, покачивая головой.

— Да-а... — сказал в раздумье Ершов.

— И не думайте, что она университет бросила или стала плохо учиться, ничего подобного! Напротив, даже все профессора на нее обращали внимание: она еще студентка была, а знала уж по физике и по химии не меньше их.

Потом она за профессора Кюри вышла замуж. А он-то уж давным-давно был знаменитый ученый. И все равно они жили бедно. У них даже на домашнюю работницу не хватало денег, а оба служили. Потом у них родились две девочки. И пришлось ей самой, Марии Кюри, с ребятишками няньчиться, и хозяйством заниматься, и еще в университете работать. Правда, ей дедушка очень помогал — доктор старый, пьеров отец: он очень любил внучек и все с ними возился.

Еще когда у того старого ученого фотографические пластинки испортились сквозь бумагу, то Мария Кюри еще тогда же подумала, что в этом камне, который на пластинках полежал, есть какое-то особое вещество и от него, наверное, идут невидимые лучи. А тот ученый не мог догадаться. Сначала он даже подумал, что это от того, что камень солнечными лучами напитался.

Проработала она сколько-то лет и напала на следы радия. Тогда стали они с Пьером добиваться, чтобы им дали две—три тонны этой самой урановой руды для исследования, но руда была дорогая, так что денег у них не хватило. Тогда они стали ходатайствовать, чтобы им хоть отбросы этой руды продали. Долго ничего не выходило: австрийское правительство знало, что этой руды больше нигде во всем мире нет, а потому и не соглашалось. А сами австрийцы не умели из нее радий добывать и не знали, как. Только одна Мария Кюри умела. Но им все равно, никак не соглашались продать: «Нам самим нужно, мы из нее металл уран добываем». А отбросы им и совсем не нужны были.

— Как собака на сене! — заметил Коля Ершов.

Рассказ продолжался:

— И смешно ведь для нас, как им в конце концов эти отбросы удалось достать. Английский принц имел очень большое влияние при австрийском император-

ском дворе. Так вот французы сначала к нему обратились, а он уж у австрийцев выпросил. Дали, наконец, несколько тонн урановых отбросов.

— Ну и ну! Порядочки! — вскричал Бутылкин и, охваченный негодованием, топнул ногой и швырнул кепку на землю.

Ребята расхохотались.

— А что, в самом деле! — ворчал несколько смущенный Бутылкин, поднимая свой головной убор и отряхивая его.— Их бы к нам с мужем-то, в Советский Союз: у нас бы для таких ученых из-под земли все достали! Товарищ Сталин только сказал бы — и все бы им предоставили. Работайте только... Хоть пускай миллионы рублей стоит...

— Да и не стали бы товарища Сталина трогать,— возразил Ершов. — И так бы им все живо предоставили. Такой бы институтище для них где-нибудь на Ленинских горах сгрохали!..

— Вот,— продолжала Маруся.— А от своего правительства они много лет даже лаборатории простой и то не могли добиться — в каком-то сарае с разбитой стеклянной крышей работали. А во Франции зимой почти не топят, потому что ведь очень больших холодов там нету...

— Я тоже читал про это,— подтвердил Бутылкин.— Там зимой в постель грелки кладут, если холодно... Ну, ладно, ладно, рассказывай, не будем больше тебя перебивать,— заверил он Марусю, увидев, что та недовольна.

Он вынул из кармана кожаной тужурки большой зачерствелый крендель, не поморщившись, раздавил его левой рукой и поделился с товарищами. Маруся и Катя отказались.

— Дали им, наконец, барак со стеклянной крышей. И не было там ничего, даже вытяжного шкафа не было, так что пыль и разные вредные газы никак не удалялись, и приходилось окна раскрывать или на открытом дворе работать. Да они так и делали. Была у них плохонькая чугунная печка и еще классная доска: Пьер Кюри любил почему-то свои вычисления мелом на доске писать... Ну, еще столов несколько, сплошь завалены этой самой рудой — «урановой смолкой», отбросами, конечно,— и еще громадный чугунный бак... Вот и все... И они проработали здесь одни целых два года. Мария Кюри иногда по целым часам горную эту породу перемешивала в чугунном баке... По двадцать килограммов! А сколько она тяжестей перетаскала, если бы вы знали, ужас!.. И ведь на портретах она маленькая, тоненькая...

— А муж? — спросила Катя.

— Таскал и он. Да ведь только он не всегда с ней работал: ведь надо было кому-то деньги зарабатывать. Он студентам лекции читал. Все-таки ведь главную работу по радию Мария Кюри сделала, а он только помогал...— сочла нужным добавить Маруся.— Очень им тяжело было. Им даже служителя не дали. И уж пьеров служитель по своему доброму желанию приходил помогать им, когда у него свободное время было. Он очень о них заботился, и потом сама Мария Кюри о нем даже в книге написала и благодарила его перед всем миром... Но все-таки очень тяжело приходилось. И холодно! Тогда они подойдут к печке, погреются и выпьют по стакану горячего кофе... Или начнут гулять под руку—пол в сарае был асфальтовый — и разговаривают, как хорошо будет, когда они чистый радий добудут, как их все станут благодарить... Они и ночью туда приходили. И вот оба они, как ребятишки, радовались, когда войдут в темное помещение, а кругом в темноте — на столе, на полках — слабые огоньки светятся, вроде светлячков...

— Ой, как красиво, наверное! — сказала Катя, прижимаясь к плечу подруги.

— Это радиева руда светилась так,— пояснила Маруся.

— Позволь, Чугунова,— усомнившись, спросил Ершов.— Ведь у радия-то лучи невидимые?.. Как же они светились?

— Не самый радий светился, а руда... Его-то собственные лучи не видно, а другие некоторые вещества от них светятся в темноте...

— Так, так,— проговорил удовлетворенно Ершов: ему было страшно приятно, что Маруся знает и не спутала ничего.— Ну, ну, рассказывай дальше...

— Наконец, научились они добывать чистый радий и стали его добывать. Весь мир узнал! Телеграммами их засыпали!

— Все равно как папанинцев,— тихо заметил Ершов.

— Ученые к ним стали ездить, корреспонденты... А капиталисты стали миллионы золота предлагать: только откройте, пожалуйста, ваш секрет... А они говорят:

— Вот, — продолжала Маруся. — А от своего правительства Кюри много лет даже лаборатории простой не могли добиться.

никакого мы секрета скрывать и не думаем. И взяли все напечатали: из чего и как надо радий добывать. И весь мир узнал... А им предлагали патент взять, и тогда уж никто бы в мире без их согласия не мог радий добывать, а сначала заплати им деньги, а тогда уж и пожалуйста!.. Они даже некоторым ученым дарили понемножку радия. Одному старому знаменитому ученому Пьер Кюри подарил малюсенькое зернышко радиевой соли в запаянной ампулке, так тот чуть с ума не сошел от радости, всем показывал и хвастался, что у него радий...

— Слушай, Чугунова,— перебил ее Миша Бутылкин.— А что в нем такого ценного?

Он давно собирался задать ей этот вопрос, но все не решался: боялся, что засмеются над его невежеством. А оказалось, и остальные ребята не знали. Одна только Чугунова.

Она ответила:

— Как, «что ценного»? Да я читала, что в одном только грамме радия столько скрыто силы, сколько в тридцати пудах каменного угля, если сжечь их. Из радия вечно лучи идут и тепло...

— Так что он горячий?

— Да нет, так-то его и не почувствуешь: оно слабое тепло, но вечно, вечно идет, и никогда это тепло не ослабевает, и лучи тоже...

— Брось! — сказал недоверчиво Бутылкин и даже махнул рукой.

— Вот чудак! — усмехнулась Маруся.— А если я тебе говорю?! Конечно, не вполне вечно: четыре тысячи лет беспрерывно! Хватит с тебя?

У слушателей вырвался возглас изумления. Гордясь произведенным на них впечатлением, Маруся продолжала:

— И никак этих лучей прекратить нельзя: хоть заморозьте радий, хоть его под паровым молотом в пыль раздавите, хоть в пар обратите — все равно из этого пара столько же будет лучей идти, столько же тепла!

— Вот чорт какой! — сказал Бутылкин, покачивая головой.

— Я читала, что если бы радий сразу, в один миг, мог все свое тепло отдать, так он бы страшнее всех динамитов, нитроглицеринов был... А то ведь за четыре тысячи лет!.. Да и то Пьер Кюри сказал, что если бы у него лежал на столе кусок радия величиной с кулак, так он бы и подойти к нему побоялся...

— Ого!

— Слушай, да неужели у них за все время даже с кулак радия не набралось? — спросил Петя Горный.

Маруся рассмеялась:

— Вот чудак! Да во всем мире-то столько не наберется. А уж чуть не сорок лет добывают. И специальные заводы настроены.

Некоторое время ребята молчали, подавленные всеми этими сообщениями. Потом Ершов спросил:

— Ну хорошо. Допустим, даже лежал бы у него кусок радия величиной с кулак,— ну и что ему, Пьеру Кюри, сделалось бы? Ведь, говоришь, радий-то совсем не горячий и лучи из него идут незаметно.

— Негорячий...— подтвердила Маруся.— Вот я вам сейчас расскажу случай один. Тому старому ученому—помните?— первый который был, не мог еще радий-то который открыть,— так вот Мария Кюри ему тоже подарила радий в стеклянной ампулке, ну, не больше, как с просяное зернышко... Старик с ним носится, просто-таки наглядеться не может. Вот пригласили его лекцию прочесть насчет радия. Он ампулку с радием в жилетный карман положил и поехал... Ну, прочел лекцию, приехал обратно, радий из коробки выложил, и ничего. А через день, через два он чувствует, что у него кожа на груди саднит. Посмотрел в зеркало — краснота. А потом болеть стало, болеть, и, наконец, такая язва на груди сделалась, что он ее целый месяц не мог вылечить...

— Вот тебе и негорячий!

— Да. И он всегда так,— продолжала Маруся.— Сначала ничего не почувствует человек, а потом — ожог. Даже если 10 минут ампулку с радиевой солью подержишь,— все равно. Этот ученый потом говорит Марии Кюри и Пьеру, после того как пострадал от радия: «Хоть я и сердит на него, а все-таки люблю...» Радиевы лучи сквозь человеческое тело проходят, ими самую страшную болезнь лечат — рак...

Маруся замолчала, как будто не зная, что еще рассказать ребятам про радий.

— Ну, а Кюри что? — спросил Ершов.

— Кюри? Ей нобелевскую мировую премию дали. Весь мир про них узнал. Знаменитее их уж никого на свете не было... Все с ними познакомиться хотели... Французский министр присылает Пьеру Кюри орден Почетного легиона... Уж самая высшая у них награда... А он отка-

зался и написал письмо: «Вы лучше мне никаких наград не давайте, а постройте лучше лабораторию, а то мне работать негде...»

— Вот черти полосатые! — воскликнул Бутылкин.— Да неужели они все еще им лаборатории не построили?

— Нет.

— Ну и ну!

— Да. А уж с ними и короли, и принцы, и президенты — все рады были познакомиться. А если бы они патент захотели взять, то богаче были бы всех американских миллионеров...

— Не захотели наукой спекулировать,— заметил Ершов.

— Им от американских корреспондентов житья не было: так и гонялись повсюду. Один раз оба они: и Мария Кюри и Пьер — отдыхали в деревне с детьми вместе. Один корреспондент их разыскал. Подходит к дому и видит: сидит какая-то женщина на каменном крылечке в простом ситцевом платье и высыпает из туфли песок. Он подходит и спрашивает:

— Здесь живут профессор Кюри и профессорша Кюри?

— Да.

— А можно ее видеть?

— Пожалуйста. Это я.

Так он так и отступил! Ему, наверное, казалось, что она какая-нибудь особенная и одета как-нибудь по-особенному, а она разулась и песок из туфли вытряхивает!..

— Они и сейчас живы оба? — спросила Катя.

Маруся покачала головой:

— Нет. Мария Кюри — та совсем недавно умерла. Уж старая. А Пьера Кюри вскоре после того, как они радий открыли, раздавило грузовой повозкой. Они только что накануне из деревни вернулись; ездили туда всей семьей, с девочками, гуляли там, насобирали цветов... И вот он шел с одного заседания, шел и задумался... А в это время повозка... Кучер не удержал... Пьера Кюри сшибло с ног. Повредило ему голову... Он так без сознания и умер... А в рабочем кабинете у него еще те самые лютики не успели завянуть, которые он со своими девочками в деревне насобирал...

Наступило молчание.

— Ну, а извозчику этому было что потом?

— Не знаю... Как будто ничего: не мог сдержать лошадь, и все...

— Таких расстреливать надо! — мрачно сказал Ершов, взмахнув крепко сжатым кулаком.— Что он не видел, что человек идет и задумался, не слышит ничего?!

Долго молчали ребята. Потом Катя Зайцева сказала, глубоко вздохнув:

— Да уж все равно Пьера-то Кюри не вернешь этим...

И опять замолчали...

— А ведь у вас на дворе негде лабораторию-то устроить,— сказал Бутылкин.

— Ну, почему?..— возразила ему Катя.— Найдем...

— Негде! — решительно заявил Чемпион.— Разве только фанеры добиться и к стене сарая пристройку, а? Как ты думаешь?

Катюша Зайцева не отвечала.

Ершов нахмурился, посмотрел на Марусю.

— Чепуха! — сказал он вставая. — Никакой фанеры, никакой пристройки — ничего не надо! Есть у них помещение для лаборатории.

— Где же это?!— вскричал Миша Бутылкин.

— Голубятню Васьки Крапивина знаешь?

— Знаю.

— Ну вот. В голубятне.

— А голуби?

— Лаборатория будет,— значит, голубей не будет.

— Так он же нас близко не подпустит!

— Подпустит!..

Но Бутылкин очень и очень сомневался:

— Да он же и в кружке-то нашем не состоит.

— Это не важно. Зато в моем звене!— возразил Ершов.— Поговорю с ним — запишется.

— Думаешь, и голубятню освободит?.. Да никогда! Он погибнет за своих турманов.

— Ерунда. Мы с Васькой друзья. Если я его очень попрошу,— сделает. Да и он все-таки неглупый парень: поймет, что пора бросить это дело... Да и пионер же он... Ничего! Согласится Василий. Это уж не ваша забота. Беру это на себя! — решительно заявил Ершов.

Ребята расстались.

(Окончание в следующем номере)

Могут ли иссякнуть мелодии?

Композитор Сергей Прокофьев

В письме в редакцию журнала «Пионер» Сеня Хайкин спрашивает: может ли наступить момент в развитии музыки, когда иссякнут все мелодии, все певучие сочетания нот?

В самом деле, музыку пишут так много и сочиняют ее так давно, что может показаться, будто скоро нельзя будет выдумать новую мелодию и надо будет повторять старое.

Попробуем проверить, так ли мало возможных комбинаций для построения мелодии. Для примера обратимся в мир шахмат, так как я уверен, что большинство читателей «Пионера» знакомы с этой игрой. И я тоже очень ее люблю. Так вот я знал одного шахматиста, у которого возникла мысль написать такую книгу, в которой был бы указан лучший ответ при любом положении. Посмотрим, что из этого получилось. Шахматную партию белые могут начать восемью различными пешками на один или на два хода и четырьмя различными ходами коней, итого двадцатью способами. На любой из этих ходов черные могут ответить тоже двадцатью способами; помножим 20 на 20 — это составит уже 400 вариантов ко второму ходу белых или 8 тысяч вариантов ко второму ходу черных.

К четвертому ходу белых будет приблизительно 60 миллионов вариантов, а между тем можно сказать, партия еще не началась. Таким образом, затею написать эту книжку пришлось оставить.

Что же происходит в музыке? Мы начинаем мелодию с какой-нибудь ноты. Для второй ноты мы можем выбрать любую из тех, которые лежат в пределах октавы вверх или октавы вниз. Октава вверх имеет 12 нот, и столько же имеет октава вниз. Если к этому мы прибавим еще ту же ноту, с которой мы начинали (ибо в мелодии мы можем повторять ноту два раза), то в нашем распоряжении для второй ноты мелодии будет уже 25 вариантов, а для третьей — 25 умноженное на 25, т. е. 625 вариантов.

Теперь вообразите не особенно длинную мелодию, например в восемь нот. Сколько вариантов представится для этой мелодии? А вот сколько: 25 помноженное на 25 шесть раз, иначе говоря 25 в седьмой степени. Сколько же это составит? Возьмите карандаш и бумагу и испишите математическими вычислениями целый лист, выйдет, кажется, около шести миллиардов возможностей. Я не хочу сказать, что в нашем распоряжении имеется шесть миллиардов

мелодий. Существует шесть миллиардов комбинаций, из которых композитор имеет возможность выбрать такие, которые будут мелодичны.

Но это — еще не все. Ведь ноты бывают разной длительности, и ритм совершенно меняет лицо мелодии. Кроме того гармония, подголоски, аккомпанемент тоже придают мелодии совершенно иной характер. Отсюда следует, что шесть миллиардов надо еще много раз помножить, чтобы использовать все представляющиеся возможности.

Очень интересно то обстоятельство, что человеческий слух постепенно меняется. То, что людям нравилось несколько сот лет тому назад, оставляет их равнодушными теперь, и, наоборот, мелодии, которые казались совсем не мелодиями раньше, через несколько столетий воспринимаются как красивые и интересные.

Многие из читателей «Пионера» видели, вероятно, фильм «Александр Невский». Так вот я написал музыку, сопровождающую эту картину. Те, кто видели фильм, помнят, что тевтонские крестоносцы, идя в атаку, поют католические псалмы. Так как действие происходило в XIII веке, я прежде всего заинтересовался, какая же была музыка, которую в то время пели католики. Из библиотеки Московской консерватории я достал книгу, в которой были собраны католические песнопения разных веков. И что же? Эта музыка была настолько чужда нам, что от ее применения в фильме пришлось отказаться. Несомненно, крестоносцы, идя в бой, пели ее с каким-то исступлением, а между тем на теперешний слух она производила впечатление холодной и равнодушной. В результате я должен был отбросить ее и сочинить для крестоносцев такую музыку, которая, на наш современный взгляд, лучше всего изображала бы требуемый момент.

Обратный пример: когда сочетание звуков, казавшееся раньше немелодическим, становилось позднее прекрасной мелодией, можно найти у целого ряда великих классических композиторов. Когда Бетховен сочинял свои мелодии, они были так новы, что многие из современников говорили: «Этот глухой старик не слышит, что он сочиняет». Между тем Бетховен правильно угадал будущее, и его мелодии доставляют нам наслаждение через 100 лет после его смерти. То же самое было с Вагнером, Листом и многими другими замечательными композиторами. Следовательно, комбинации, которые отвергнуты были раньше как немелодичные, могут в будущем оказаться замечательными мелодиями.

Есть и еще одна возможность для расширения музыки. Ведь гамма, которой мы сейчас пользуемся, не всегда существовала в том виде, как сейчас, ее ввел во всеобщее пользование Бах 200 лет тому назад. До него же гамма была хотя и похожая, но несколько иная и допускала меньше возможностей.

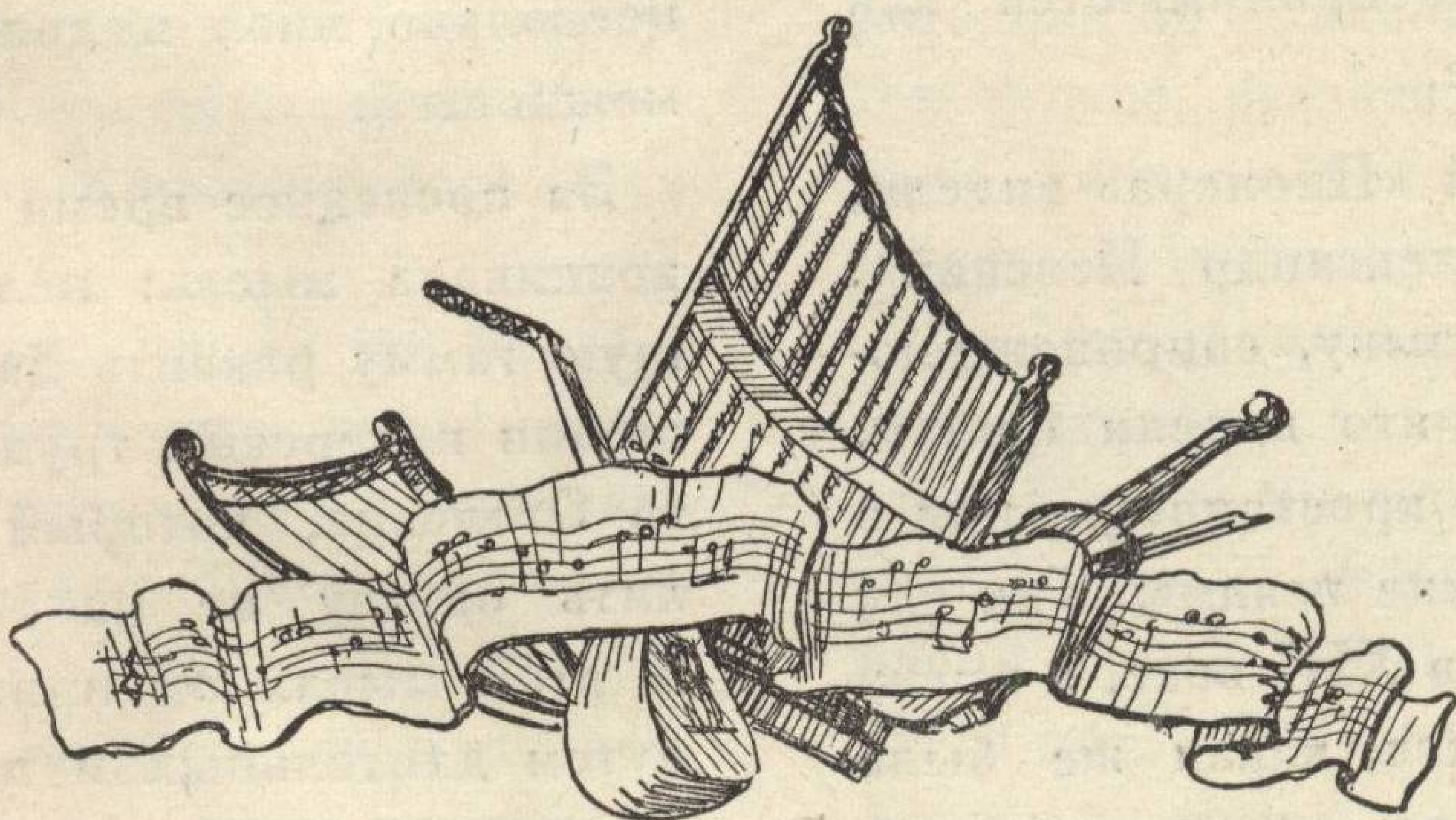
За последнее время у музыкантов часто возникала мысль: нельзя ли существующую гамму развить дальше? В этом отношении интересны труды советского ученого Оголевца, который предложил разделить октаву не на 12 частей, а на 17. К этой мысли он пришел не случайно, а путем длительных и подробных изучений как нашей гаммы, так и некоторых гамм восточных народов. Ему были отпущены специальные средства для того, чтобы построить сначала фисгармонию, а потом рояль с октавой, состоящей из 17 звуков. Для этого каждая черная клавиша была разделена поперек, что дало возможность человеку, умеющему играть на рояле, с большой легкостью приучаться и к новому инструменту.

Сейчас еще трудно гадать, привьется ли изобретение Оголевца, но те, которые играли на его инструменте, утверждают, что он дает комбинации звуков, гораздо более интересные чем употребляемая нами 12-тонная гамма. Если этот инструмент войдет в употребление, то не следует думать, что он вытеснит существующий у нас

рояль, потому что слишком уже много хорошей музыки было до сих пор написано для рояля и никто не пожелал бы с ним расстаться. Но оба инструмента могут существовать параллельно, и тогда какое огромное новое поле откроется для мелодии!

Поэтому не будем расстраиваться, что наступит момент, когда нельзя будет сочинять иначе, как повторяя ранее сочиненную музыку. Много подобных неприятностей грозит нам в будущем. Если подумать, так прямо голова пойдет кругом. Например когда-нибудь солнце погаснет, земля остынет, и — подумайте что за ужас! — вокруг темной звезды, которая была когда-то солнцем, будут носиться не планеты, а холодные гробы...

Зачем нам беспокоиться о том, что будет через несколько миллионов лет? Лучше выучимся любить настоящую, хорошую музыку. А что такое настоящее, хорошее? Это не пошленькие песенки, которые нравятся сразу, но назавтра надоедают так, что их невозможно слушать, а та музыка, корни которой лежат в классических сочинениях и народных песнях. Почему же, спросите вы, классическая народная музыка и есть настоящая, хорошая? Потому что она проверена уже десятки и даже сотни лет, и как ее любили раньше, так любят и теперь.

В мире науки и техники

Наступление на атом

Когда-то ученые думали, что все окружающее нас состоит из мельчайших частиц — атомов, которые уже нельзя разделить на более мелкие частицы. Но атом оказался исключительно сложным — целым крошечным миром. Вокруг ядра атома, словно вокруг миниатюрного «солнца», вращаются с огромной скоростью «планеты» — электроны. Но и само невообразимо малое ядро атома тоже сложно. Об этом мы можем говорить с полной уверенностью. Физики уже многое знают об устройстве атома и его ядра.

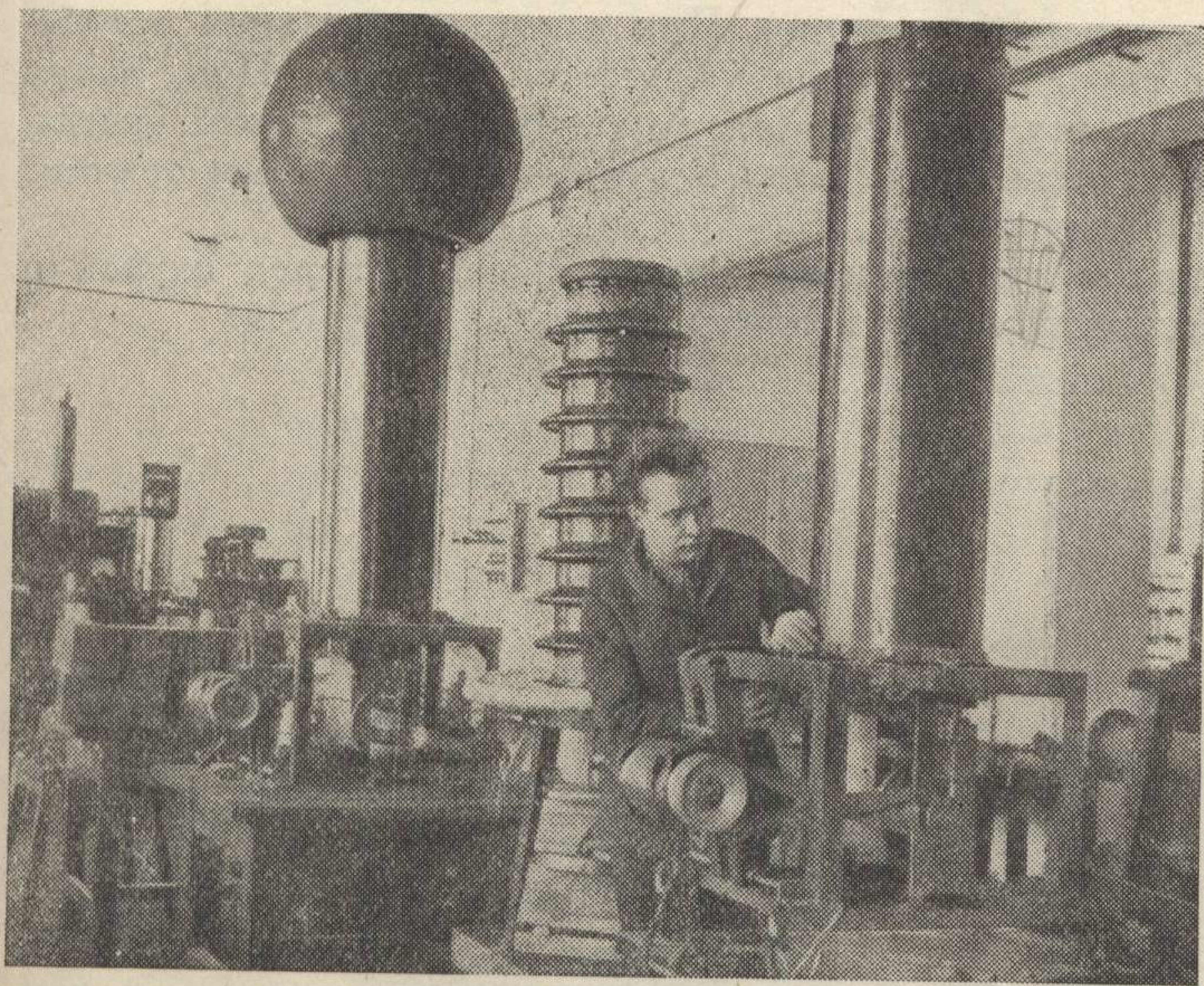
Мало того: мы можем и практически разделить атом, расщепить его ядро.

Каким же образом удалось расщепить атомное ядро?

До недавнего времени для этого физики применяли сложные и громоздкие установки, вроде тех, которые вы видите на рисунке. В этих установках работал ток огромного напряжения, в несколько миллионов вольт.

Недавно изобретен новый, гораздо более совершенный аппарат — циклотрон. Самый мощный в мире циклотрон строится Ленинградским физико-техническим институтом.

В циклотроне работает ток напряжением уже не в миллионы, а всего в 100 тысяч вольт.

До недавнего времени для расщепления атома применялись сложные и громоздкие установки.

Во всех установках для расщепления атома атомное ядро подвергается жестокой бомбардировке сверхмелкими частицами, несущимися с огромными скоростями. Поток этих невообразимо мелких снарядов как бы высекает из ядра отдельные частицы. Для того чтобы придать этим «снарядам» нужную гигантскую скорость, их разгоняют в специальной безвоздушной «разгонной» камере, которая находится под воздействием сверхмощного электрического поля. А в циклотроне «снаряды» многократно прогоняются по спирали через одно и то же электрическое поле напряжением в 100 тысяч вольт. Они летят все скорее и скорее, пока, наконец, не устремляются на свою мишень — атомное ядро — с такой быстротой, которой можно было бы достигнуть в обычных аппаратах, если подвести к ним напряжение в 10—12 миллионов вольт.

В советском циклотроне «разгонная» камера будет излучать столько же сверхмелких «снарядов»-электронов, сколько их могли выделить не-

сколько килограммов радия, если бы такое количество собралось во всем мире. Дело в том, что запасы радия во всем мире не превышают одного килограмма.

А тут один аппарат, построенный советскими физиками, будет работать так, как несколько килограммов радия!

Основная часть циклотрона — сверхмощный электромагнит. В советском циклотроне он будет весить 75 тысяч килограммов. Если бы кто-нибудь подошел, даже не очень близко, к включенному циклотрону, забыв вынуть из кармана перочинный нож, то электромагнит вырвет его из кармана, разорвав ткань одежды, как бумагу. Как живые, отлетят от своих мест металлические пуговицы. И с часами на руках тоже не следует подходить к циклотрону: если они не будут втянуты в магнит, то, во всяком случае, навсегда испортятся.

Расщепление атома — изумительная победа человеческой мысли, человеческой техники.

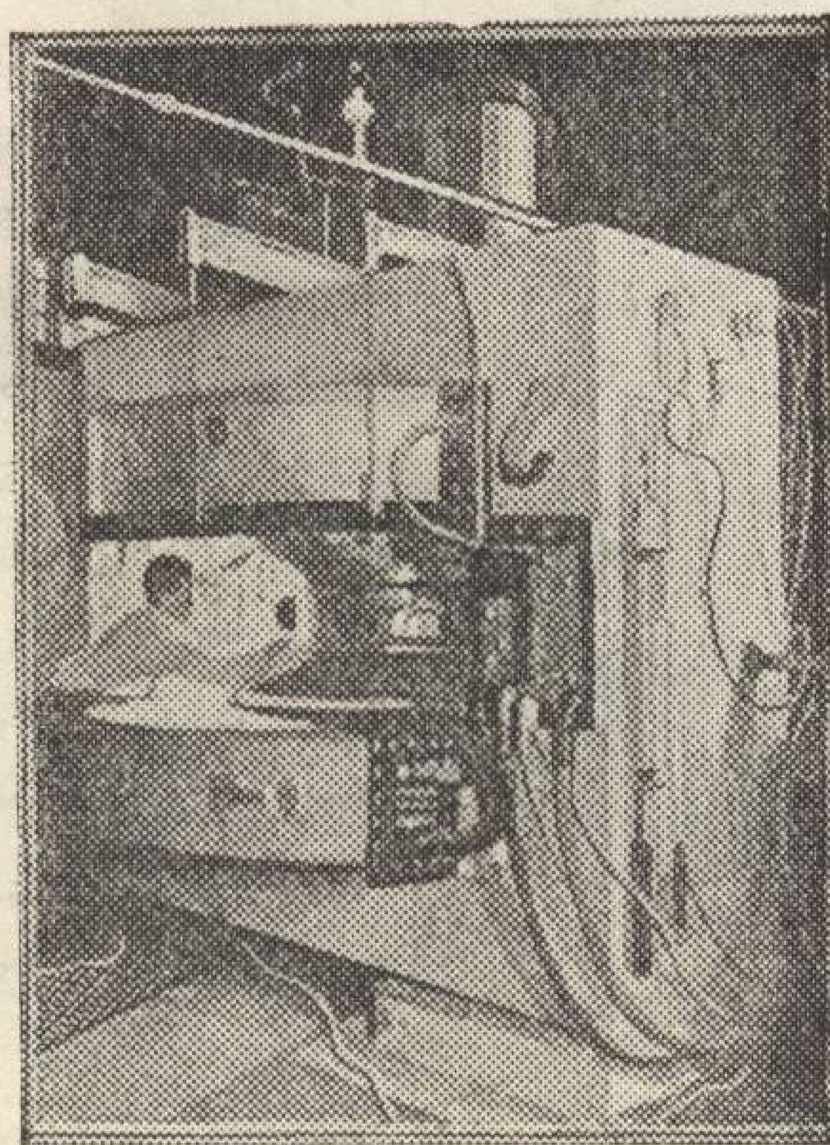
Вырывая частицы из ядра, мы тем самым, как говорят физики, изменяем атомный номер элемента, то есть превращаем один химический элемент в другой!

Сейчас мы можем превращать таким путем еще не все, а только некоторые химические элементы. Но скоро, надо полагать, физики научатся превращать любые химические элементы.

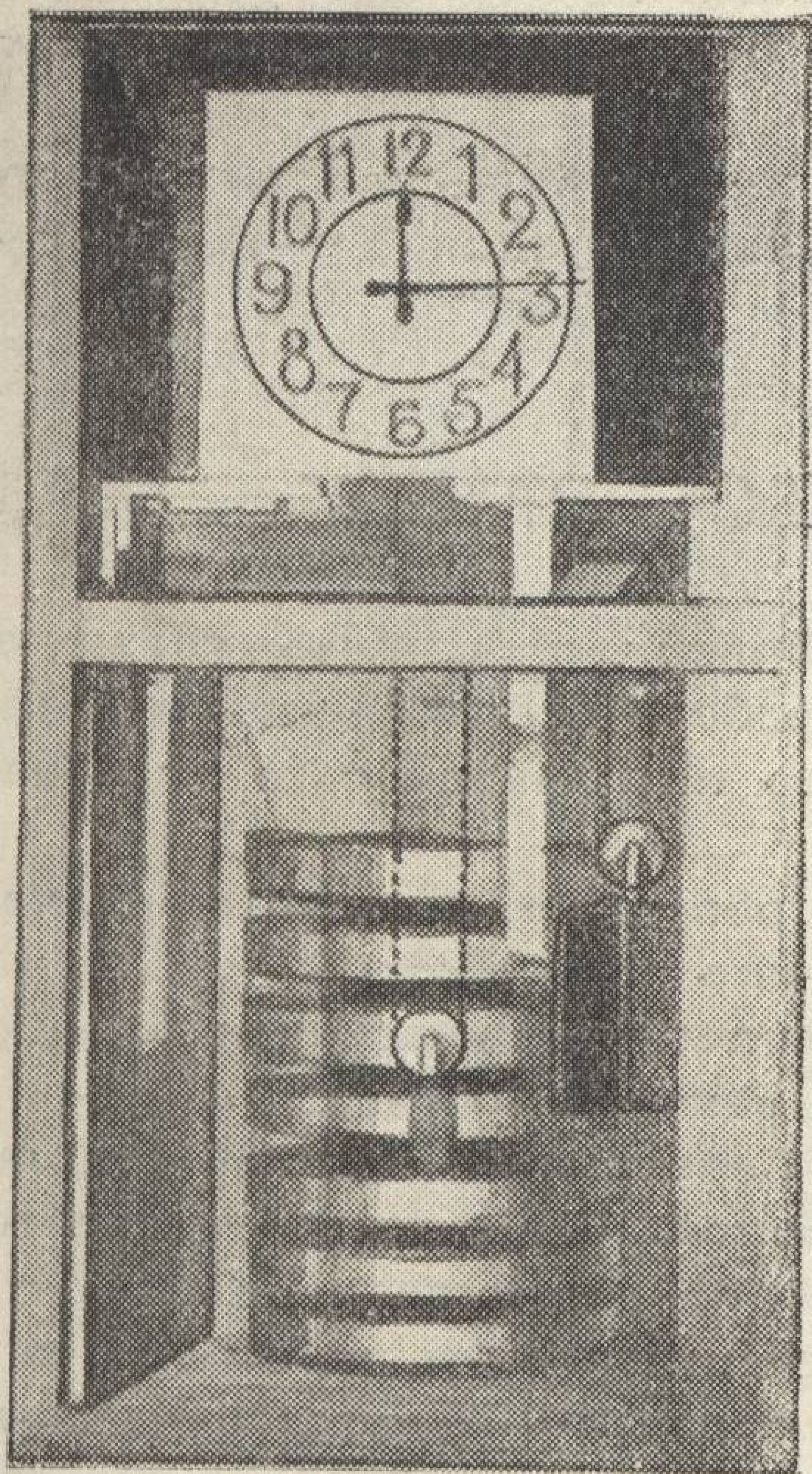
Тогда в руках ученых окажется тот самый «философский камень», который тщетно искали алхимики средневековья. Правда, с помощью этого «философского камня» они собирались добывать только золото, будущие же ученые не станут отдавать золоту предпочтение перед другими, более важными для человечества веществами.

Да, собственно, и не затем, чтобы «добывать» вещества, ведутся опыты с расщеплением атома. Эти опыты позволяют открыть и понять самые глубокие подробности строения материи. При расщеплении ядра освобождается в некоторых случаях огромное количество энергии. Пока мы не научились использовать эту атомную энергию. Но быть может, когда-нибудь ученые научатся делать это. Если это произойдет, то вся техника переживет глубочайший переворот.

Вот почему расщепление атомного ядра открывает перед наукой и человечеством величественные перспективы.

Циклотрон—наиболее совершенный, недавно изобретенный аппарат для бомбардировки атомного ядра.

«Вечно идущие» часы в городе Эребро.

Атмосферное давление приводит в движение часы

В ноябре 1916 года в городе Эребро, в Швеции, были пущены часы, которые с тех пор никто не заводил! Они непрерывно идут без остановок вот уже 22 года!

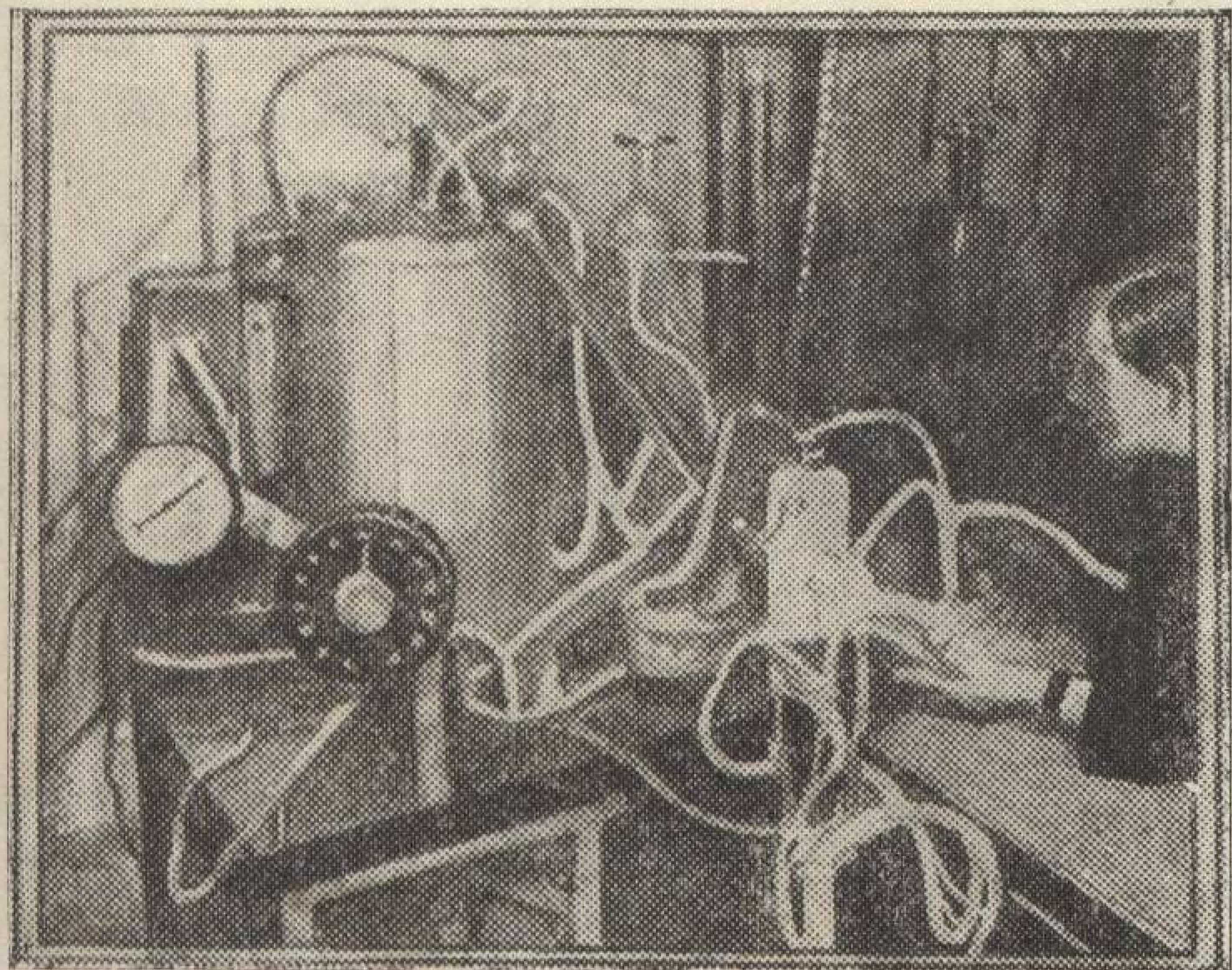
Приводит их в движение атмосферное давление. Главная часть механизма этих необычных часов состоит из 7 металлических упругих коробок, которые сокращаются и расширяются при самых малых изменениях атмосферного давления. Движение же этих коробок вызывает под'ем гири часов. При опускании гири часы идут так же, как идут наши стенные «ходики».

«Мощность» этих часов равна одной миллионной лошадиной силы.

Электрическое сердце

Человек заболел тифом. Приближается кризис — переломный момент. И как раз в это время усталое сердце иногда отказывается работать. Ничто не помогает, никакие впрыскивания — человек умирает. А между тем, если бы удалось помочь уставшему сердцу, освободить его на несколько решающих часов кризиса от непосильной для него нагрузки, человек был бы спасен.

Но как возможно это? Разве мыслимо подменить сердце?

Искусственные «сердце» и «легкие»

На снимке вы видите механическое «сердце» и «легкие», построенные американскими учеными. Опыты пока производятся над животными. В вену животного вставляется небольшая трубочка, через которую кровь высасывается электрическим насосом и направляется в большой, наполненный кислородом стальной цилиндр — в механические легкие. Цилиндр вращается со скоростью нескольких сот оборотов в минуту. Кровь разбрызгивается по стенкам цилиндра, покрывая их тонким слоем, и очень быстро насыщается кислородом. А из цилиндра обогащенная кислородом кровь тем же электрическим насосом нагнетается обратно в организм через трубку,

вставленную уже на этот раз в артерию животного. Искусственные «кровеносные сосуды» проходят через стеклянные трубки. В трубках протекает горячая вода, которая поддерживает необходимую температуру крови.

Наклонная стеклянная трубка с искусственными «кровеносными сосудами» на снимке видна справа, а слева — стальной цилиндр — механические «легкие».

Цветная аэрофотос'емка

Над штабом показался разведчик, он сбросил небольшой парашют с проявленными кассетами. Когда в штабе обработали фотоснимки, заснятые над расположением противника, то ничего подозрительного не обнаружили: лес — как лес.

А через некоторое время звено бомбардировщиков, пролетавших через этот самый район, было жестоко обстреляно зенитками.

Фотоаппарат разведчика не разглядел хорошо замаскированные огневые точки.

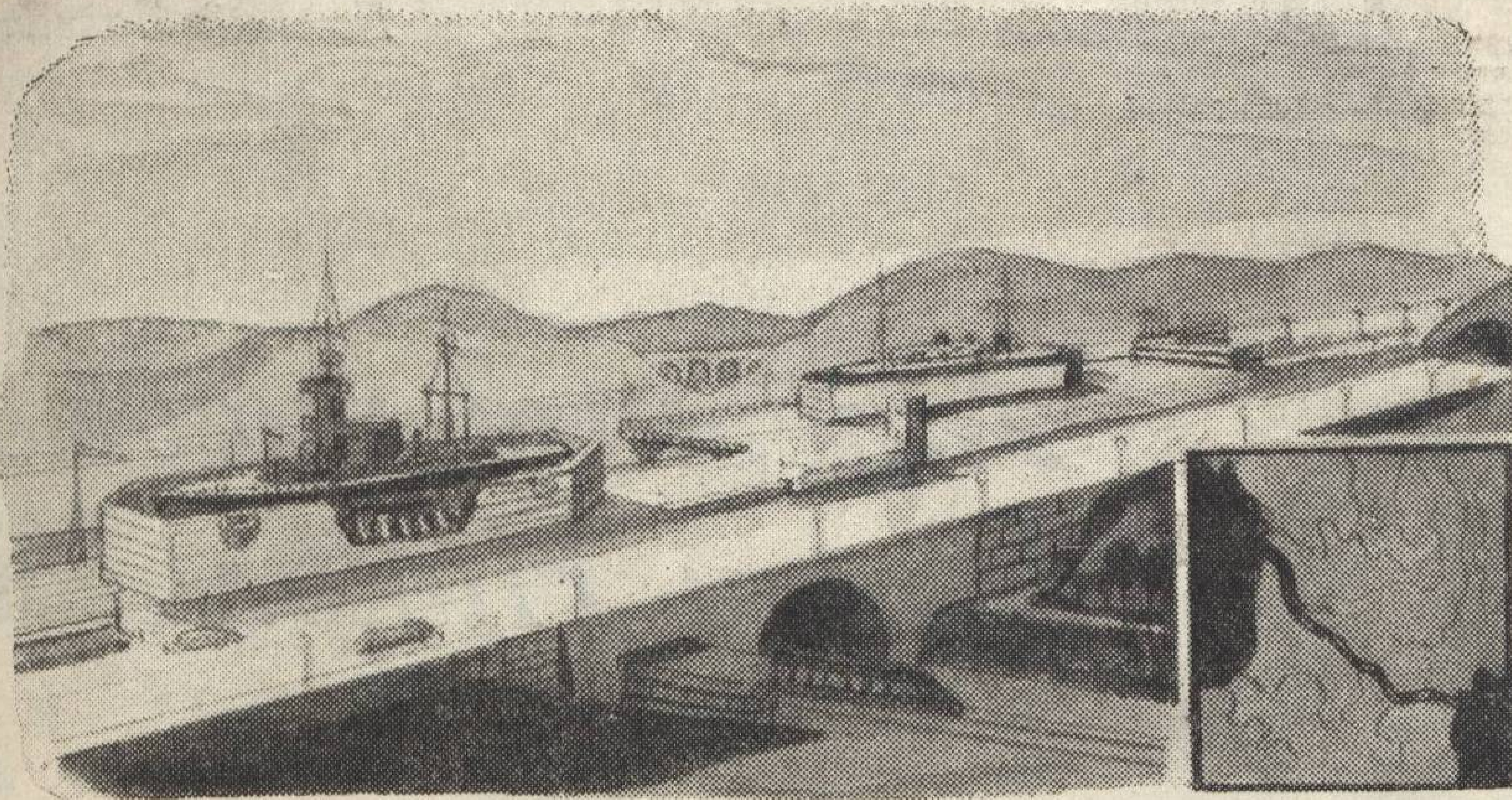
Этот снимок переснят с помощью светофильтра с цветного фото, сделанного с самолета. Ясно виден замаскированный самолет «противника».

Дело в том, что обычный фотоаппарат не различает не только оттенков, но и основного цвета. Для него красное, синее, зеленое сливается в один серый цвет. Если бы разведчик мог снизиться, то наблюдателю бросилось бы в глаза, что хвоя в лесу не везде одинакового оттенка, что кое-где она отливает желтизной, а кора на стволах деревьев во многих местах обуглена. И наблюдателю стало бы ясно, что хвоя была срезана несколько дней назад, что черные подпалины на коре деревьев получились от выстрелов из орудий. Одним словом, он безошибочно установил бы, что здесь в лесу расположена замаскированная батарея.

Сейчас в США решили применить в воздушной разведке цветную фотос'емку. На цветных фотоснимках, заснятых с большой высоты, можно отличить хвою, срезанную несколько часов назад, от свежей хвои. На снимках, снятых с высоты 4570 метров, можно свободно различить цвет кузова автомашины. Всякие крашеные полотнища и вообще маскировочная раскраска выдают себя на цветной фотос'емке. Вот, например, на снимке показан самолет, раскрашенный под цвет окружающей его густой ржи. Но цветной аппарат обнаружил его, и рука штабиста обвела его белым кружком.

Корабль переезжает по железной дороге

Французская буржуазия уже начинает расплачиваться за то, что она предала испанский народ. Ставленник итало-германского фашизма генерал Франко обосновался за Пиренеями. Фашистские пушки уже направлены с запада на французскую границу. Морские пути Франции оказались под сильнейшей угрозой. Посмотрите на карту, и вы увидите, что

Корабль переезжает в «сухом доке».

в случае войны Франция не сможет без огромного риска перебрасывать свои военные корабли из Атлантического океана в Средиземное море и обратно, пока Испания будет находиться в руках итало-германских фашистов или их испанских лакеев.

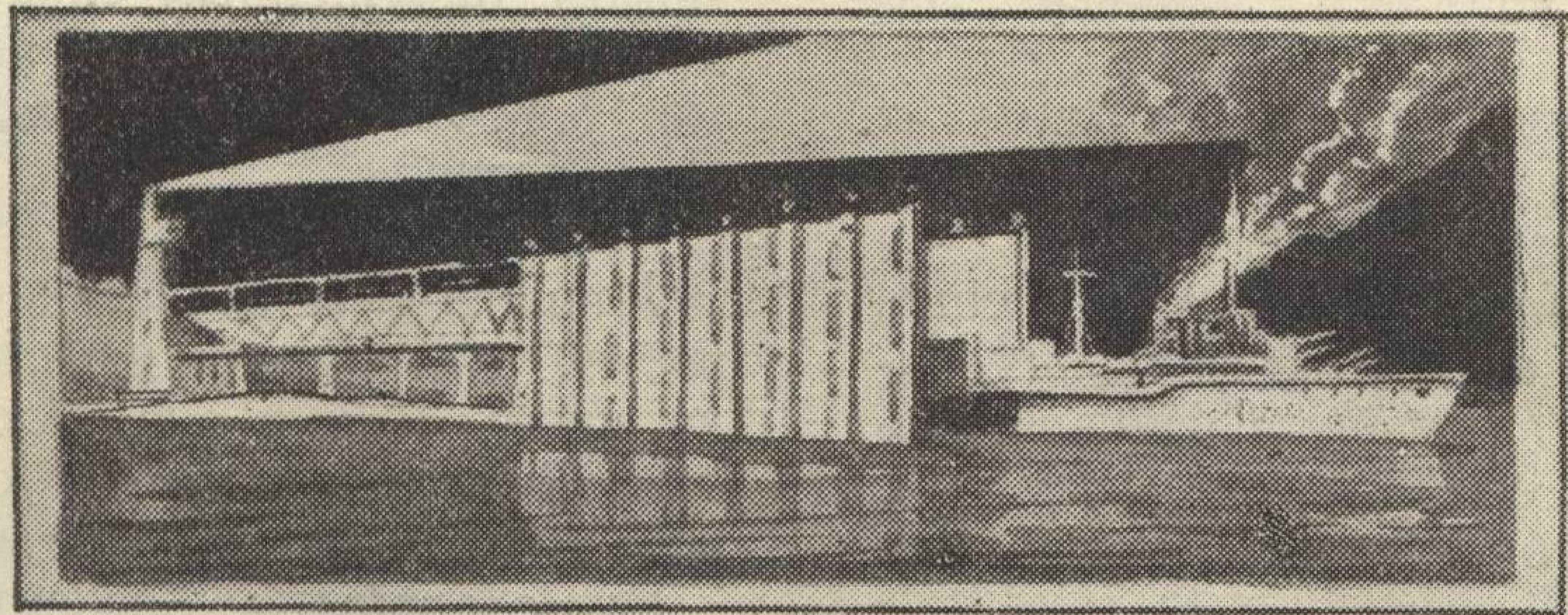
И вот во Франции задумали построить необычную железную дорогу для перевозки военных кораблей из Атлантического океана в Средиземное море по суше.

Трасса этой дороги, протяжением в 480 километров, пройдет между Пор-ле-Вердон (на Атлантическом побережье) и Безье (на берегу Средиземного моря). Это в четыре раза короче морского пути между теми же пунктами. Да кроме того поезд повезет корабль гораздо скорее, чем сам корабль может плыть по воде.

В конечных портах будут устроены сухие доки, примыкающие к железнодорожному пути. Когда корабль подойдет к доку, шлюзы откроются и пропустят корабль, затем снова закроются. Воду из дока выкачают мощные насосы. Корабль «сядет» на особые катки, которые и перекатят его на специальный «док на колесах». На этой огромной платформе-доке он и совершит свое путешествие по суше. Разумеется, для такой платформы обычный двухрельсовый путь непригоден. Поэтому будет строиться шестиколейная (12-рельсовая) железная дорога, полностью электрифицированная.

Ясно, что такая магистраль будет иметь огромное стратегическое значение и неприятель постарается во что бы то ни стало разрушить ее с воздуха (тем более что перевозимый по суше корабль — очень удобная мишень).

Для защиты от воздушных нападений предполагается устроить воздушные «баррикады» на привязных аэростатах. Аэростаты, расставленные на расстоянии 275—320 метров друг от друга, будут поддерживать на значительной высоте прочные проволочные сетки, в которых должен запутаться вражеский самолет, если он снизится, чтобы начать бомбардировку.

Евгений Захватов

Лагерные письма Миши Николаева

1. Поехали — приехали

Ну вот, Борис, видишь, я свое обещание выполняю: пишу. И пишу на другой же день по приезде!..

Утром мы собрались у завода с чемоданчиками, баулами, узлами. Когда я пришел, сразу заметил высокую девушку с шолковым галстуком. Оказывается, это наша лагерная старшая вожатая Леля. Накануне она была в нашем будущем лагере и теперь рассказывает. Лагерь от Москвы в шестидесяти километрах, от железнодорожной станции — в пятнадцати. Речка есть — Векша. И лодки есть. Для маленьких ребят — корпус, для больших—палатки. Палатки! Вот это здорово!

К одиннадцати под'ехали три грузовика. Я успел вскочить в самый первый. Уселись: маленькие — в середину, старшие — у бортов. Прощаемся, я наклонился к маме, и она быстро поцеловала меня в щеку.

Тронулись!

— Дяденька,— закричали малыши нашему шоферу,— наддай, дяденька! Видишь, догонят!

С других машин доносятся визг и крики:

— Не уйдете, не уйдете!

Москва скрывалась очень медленно. И когда выехали за город, всем уже надоело перегонять друг друга. Начали разговаривать и знакомиться.

— В лагере я буду следопытничать,— сказал Сергей.

Это всех сразу затронуло, заговорили наперебой. Стали говорить, как с компасом обращаться. Индейцы на охоту ходят в мокасинах, а наши дальневосточные охотники — в унтах.

В общем каждому хотелось сказать все, что он знал об охоте, приключениях, природе.

— Эх, по тайге бы с винтовкой пошататься! — сказал Сергей.

Борис стал рассказывать, какие у зверей следы: у лисы — цепочкой, у зайца — по два следа рядом.

— А как же мы будем выслеживать, ведь не зима?

Борис смущенно ответил:

— Наверно, по царапинам на деревьях... Или с собакой можно...

Пошел дождик. Мы потеснее сгрудились и стали разговаривать.

— Ребя-я-т-а-а! Лагерь!

Это крикнула Леля со второй машины.

— Где, где?..

Далеко-далеко виднелась мачта, прикрепленная к вершине высоченной ели.

Мы свернули с шоссе на проселок, в лес. Ветки захлестали по лицу, и мачта исчезла из виду.

Потом она опять показалась вместе с домом, окруженным елками, соснами, а с другой стороны — яблонями. Под высокими березами, среди маленьких елочек, пять палаток.

Вот они, палатки!

Машина еще не остановилась совсем, а ребята уже начали прыгать. Слезли, сняли вещи. И тут оказалось, что на дне кузова лежал брезент, свернутый трубкой. Зря, выходит, мокли.

Эх, следопыты, брезента не могли выследить!

Нас накормили обедом, разместили и заставили лечь отдыхать.

Палатки большие, человек на пятнадцать, с выдвижными окнами.

Мы долго не спали, потихоньку разговаривали.

— У нас ребята дома, в форпосте, сейчас, наверно, пьесу репетируют,— сказал кто-то из угла с сожалением.

А потом листья, которые осыпались на палатку и были ясно видны через набухший брезент, стали куда-то уплывать, и я заснул.

2. Мы и деревенские. История с косовицей

Я никогда не сталкивался близко с колхозниками. Деревенских ребят не знал. А представлялись они мне или чересчур сознательными (только и делают, что ухаживают за телятами и выращивают лошадей) или такими, что каждую минуту говорят: «Чаво? Знамо!»

Когда мы ехали в лагерь, то уговорились с самого же начала познакомиться с ребятами из колхоза. Сережке хотелось научиться ездить верхом, Борис думал записать сказки для своего кружка в Доме пионеров. Еще говорили о грибных местах, которые знают деревенские ребята. Мечтали побывать в ночном.

Я не знаю, чего мне хотелось. Наверно, просто познакомиться.

На второй день лагерной жизни было не до знакомства. Мы носились от кладовки к палаткам. Прибежишь, принесешь мыло, щетку, порошок, полотенце, а тапочки и майка остались в чемодане. Принесешь тапочки и майку. У тапочек ободралась кожа, в Москве в суматохе почистить не успел. Надо сейчас почистить, а мазь в чемодане. И так без конца.

В этот день нам из колхоза привезли четыре бидона молока. На самом краешке телеги сидел парнишка лет четырнадцати или пятнадцати в трусиках и надвинутой фуражке. Он ни разу не взглянул в нашу сторону. Поговорил о чем-то с Сан Санычем (это наш начальник лагеря Александр Александрович Савельев), выехал за ворота, встал на телеге во весь рост и быстро поехал.

Вечером мимо лагеря прошли колхозники с косами на плечах, проехала машина, наверно, косилка. А еще позднее, почти перед самой линейкой, проскакали ребята на лошадях. Табун поднял целое облако пыли. А когда осела пыль, зашло и солнце, и табуна уже не было видно.

От всего этого еще больше хотелось познакомиться.

На следующий день, после завтрака, мы пошли в деревню. До нее с полкилометра. На середине дороги Сергей вдруг остановился, как вкопанный.

— Чудачье,— сказал он,— ну, придем мы, нас спросят: «Зачем пришли?» А мы: «Да так вот пришли мы...» Разве это поделовому?

— Давайте скажем, что пришли им помогать,— сказал Олег.— Ведь пионеры всегда колхозникам помогают.

Пошли дальше.

Пришли.

На деревне тихо: все на работе. Только из дома с желтым песком в палисаднике доносится плач. Это, наверно, детский сад или ясли.

В правлении мы встретили председателя. Белая фуражка сдвинута на затылок, на лбу колечки потных волос, и в морщинках осела пыль. Он что-то говорил седенькому старичку, а тот его слова перещелкивал на счетах.

Председатель поднял голову, удивленно помолчал, а потом сказал порывисто:

— Москвичи! Здравствуйте!

И поздоровался с каждым за руку.

Мы смутились. Наконец Сергей сказал:

— Пришли вам помогать.

— Помогать? Зачем же нам помогать?

— Траву косить...

— Сено,— неуверенно поправил кто-то из нас.

— А вы умеете косить?

Молчание.

Вдруг Сережка сказал:

— Умеем.

Мы так и ахнули: это мы-то умеем косить!

В душе мы проклинали Сергея. Вдруг сейчас председатель даст нам косы и попросит попробовать? А мы и косы-то возьмем в руки как-нибудь наоборот.

— Ладно, — сказал председатель, — приходите, москвичи, завтра, поговорим по душам. А сейчас тороплюсь...

Мы облегченно вздохнули. Вышли вместе. Но тут же разошлись: председателю надо было идти в другую сторону. Едва он отошел шагов на пять, мы набросились на Сережку.

— Чудачье, — сказал Сергей, — значит, по-вашему, надо было сказать, что не умеем? А помогать пришли. Разве не чудно?..

Сергей прав.

Мы пошли молча. На околице встретили парнишку, который привозил нам молоко. Он шел с маленьким жестяным кувшинчиком: видно, ходил к своим на поле.

Нам было не до смущенья. Надо было выкручиваться из положения, и мы попросили его научить нас косить. Рассказали, в чем дело. Он оказался совсем не таким неприступным, как вчера. Его зовут Александром, Шуркой. Он обещал обязательно придти к нам и научить косить. Мы напились из его бидончика и пошли в лагерь.

После «мертвого» часа я едва успел застелить кровать, как прибежал Сергей и сказал, что пришли ребята из деревни. Мы стремглав бросились к воротам. Они стояли там, поставив косы на землю, смущенные. Их было пятеро. Едва мы с Сергеем успели с ними поздороваться, как налетели дошколята. Потащили их чай пить. А мы тем временем пошли к Сан Санычу и договорились, что выкосим наш парк и сад. Именно выкосим! Сан Саныч покачал головой, хотя было видно, что ему приятно, и согласился.

Начали нас учить. Мне сначала показалось, что косить легко. Увлеченный, я не заметил, как прошел шагов десять, а когда оглянулся, увидел, что срезал только верхушку травы. Шурка взял косу и прошелся по тому же месту. Сзади него остался ровненький ершик. Тогда и я стал брать ниже, но тут же всадил косу носом в кочку.

За нами ходила куча ребят, и каждому хотелось покосить.

До ужина сад выкосили. Только когда я сел за стол, я почувствовал, что здорово устал. В голове у меня вертелось: пятка, носок, рукоятка, пятку ниже, носок выше.

Деревенские ребята были героями. После ужина малыши ходили за ними по пятам и говорили друг другу:

— Косить ущут.

На следующий день мы опять пошли к председателю. Его зовут Николай Петрович, фамилия — Петров. Он еще издали нам закричал:

— Кто со мной на пасеку? — и подмигнул: — Помогать?

— А как же косить? — обиженно спросил Сергей.

— Что косить? Не-е-е-т...

Тогда мы, обиженные, наперебой рассказали ему, что получилось. Он посмеялся, посочувствовал, но косить все-таки не дал, а вынес из темного чуланчика сетки на лицо, резиновые перчатки. Голые ноги мы обмотали газетами. Потом пошли на пасеку. Помогли деду-пасечнику передвинуть ульи, в некоторых вынули соты с медом. И еще накрыли мешком пчелиный рой и выпустили его в новый улей.

Потом дед напоил нас крепким-крепким чаем. А главное, вдоволь наелись меду из липовой кадочки.

Деревенские ребята приходят к нам почти каждый день. Они ловко перепрыгивают через забор, чтобы скорее, и бегут играть на бильярде, в волейбол.

Недавно мы ходили к Шурке чинить приемник. Шурка попросил:

— Вы, ребята, нам помогите, только, пожалуйста, не думайте, что это за косовицу, а просто так.

Приемник разобрали. Оказалось, там перегорело сопротивление.

Ходили за грибами, принесли ведро.

Раз были в ночном.

Продолжаем учиться косить.

Ребята нам поймали четырех ежей.

Это все так.

И все-таки мне не нравится, что они все нас учат да учат. Грибы надо срезать ножом, а то повредишь грибницу. Иволга поет так, а малиновка—так. Лучшее удилище из ореха, но хорошо и можжевеловое. И так без конца.

Ты, Николай, пришли мне книжку по астрономии, я подчитаю, и тогда посмотрим, кто кого.

3. Легко ли заблудиться?

Ты думаешь, легко заблудиться? Сергей мне раз говорит:

— Как это, Миша, заблуждаются? Давай заблудимся, а?

Мы решили заблудиться. На другой день, когда все ходили в лес за орехами, мы отбились незаметно от своих, шли лесом, жнитвом, опять лесом, колесили. Как будто заблудились. Вышли на полянку, повалялись, повозились, вырезали на деревьях метки. Вскоре мы встретили колхозных ребят, которые собирали грибы. Они нам сказали, что до лагеря пять километров! Ого! Как дойти до лагеря, мы их нарочно не спросили. Немного спустя попали мы на какую-то заброшенную дорогу.

— Давай ножик бросим, куда идти,— сказал Сергей.

Совсем стало интересно. Бросили и пошли, куда ножик показывал, и в конце концов вышли к лагерю. Очень нам обидно стало.

— Чортов ножик! — сказал Сергей.

Подходим к лагерю и слышим горн. «Тревога, нас ищут»,— подумал я, и стало неприятно. А прислушались — горнист выводит: «Бери ложку, бери хлеб и садись за обед». Как раз к обеду поспели.

А в другой раз совсем было заблудились. Собирали орехи и не заметили, как зашли далеко. Вышли совсем на другую сторону леса, к какому-то поселку. Постучались в один дом.

— Как же, как же, знаю ваш лагерь,— сказала нам женщина,— я белье у вас стирать беру.

Это была наша прачка. Мы ей обрадовались, как родной. Она нам дала пить и об'яснила, как дойти до лагеря. На обратном пути мы сбились с дороги: не на ту тропинку свернули. Плутали по лесу, устали; мешочки с орехами тяжелые, у Сергея в кулаке скребется ящерица, которую мы поймали. А в этот день нам заблудиться невыгодно было: в обед на третье — мороженое. Сергей говорит мне:

— Ладно, куда ни шло, пропадай мороженое, зато заблудимся по-настоящему.

А как только сказал, выходим мы на поляну, и с этой поляны лагерь как на ладони, и флаг на ветру вьется, нас дразнит.

А с Колькой Ивановым и Борисом Никульченко был такой случай. Они уговорились сходить за светлячками. В полночь тихонько выбрались из палатки и пошли. Ночь звездная, теплая, светлячков уйма. Все коробочки набили. Пошли на свет между деревьями. Думали, что лагерный фонарь, а оказалось — костер. Его развели колхозные ребята. Они тут поблизости в ночном были. Колька и Борис ребят этих знали и просидели с ними с полчаса. Картошки печеной наелись. А потом пошли обратно. Зашли в лес, а куда идти, неизвестно. И обратно к ребятам дорогу потеряли. Справа филин ухает, слева дуб-громадина, сзади луна смотрит в упор. Нет, по таким признакам до лагеря не доберешься.

И ребята решили в лесу переночевать. Сели под березу, и сейчас же трусики промокли: роса. Замерзли здорово. И филин страху нагнал.

А когда взошло солнце, оказалось, что лагерь под носом.

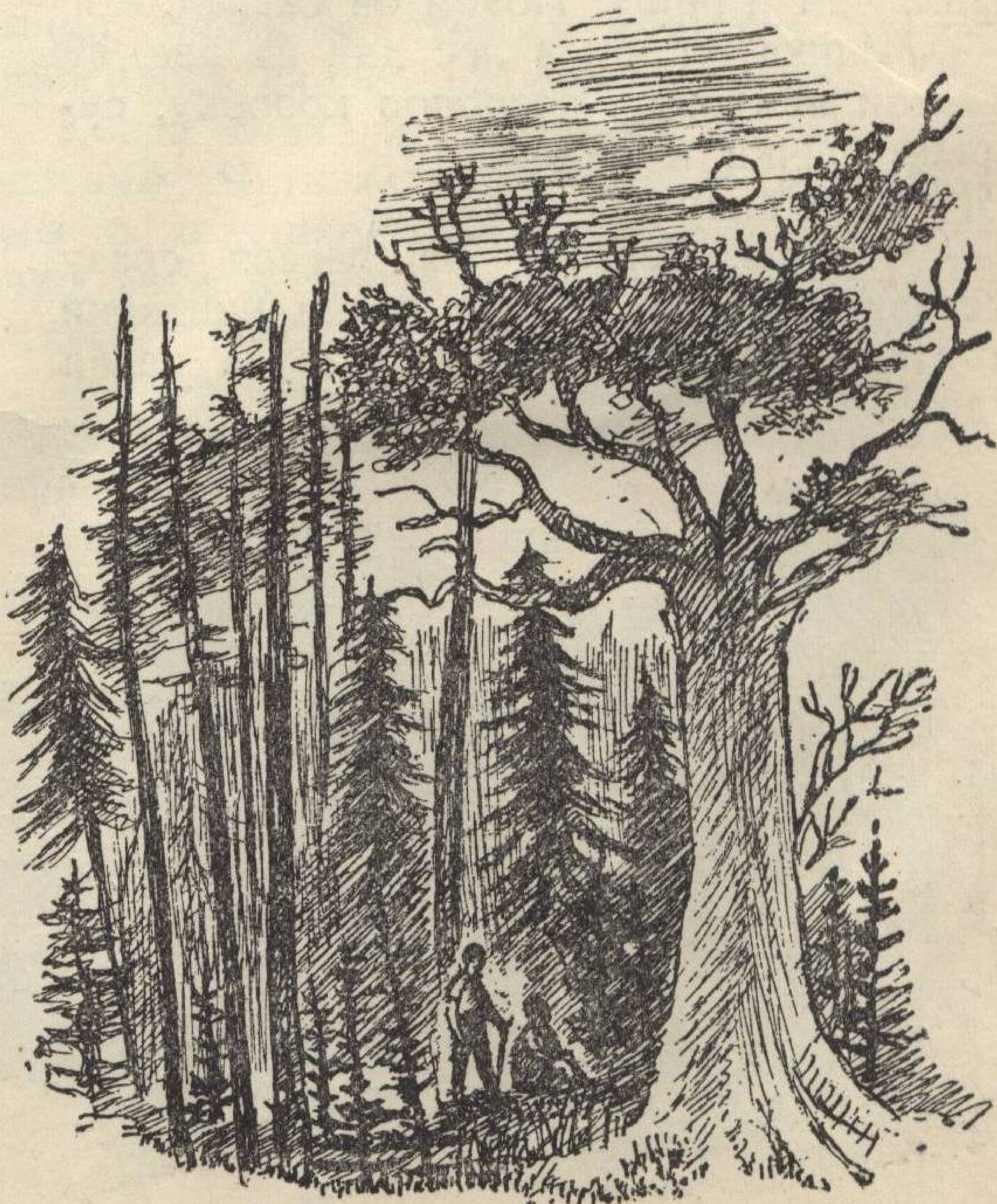
Вот и повезло ребятам: заблудились.

4. Дедушка Михаил

Дедушка Михаил работает у нас садовником, ночным сторожем, дворником и еще кем-то. Он живет в маленьком деревянном шалаше в саду, под яблонями. Здесь у него кровать, ружье. Душисто пахнет яблоками.

Мы очень любим сидеть в шалаше.

Раз в неделю дедушка приходит к нам в какую-нибудь палатку, подпоясанный синей бахромой с кистями, и говорит:

— Ну, пошли...

Улыбнется.

Мы знаем, куда идти: в деревню. Там нас кормят сметаной, учат ездить верхом (я все сползаю лошади на шею). Потом мы идем в поле. Здесь дедушка заберет в руку ржаных колосьев и стоит так с полминуты.

А потом на реку... Каждый из нас за что-нибудь уважает дедушку Михаила. Ванюшке он сказал, как надо ловить белку, тот пошел и сразу поймал; Бориса научил плести лапти, и он повезет с собой в Москву пару лаптей, которую сам сплел.

А вот еще что у нас получилось.

Я тебе писал, что мы с Серегой все хотели заблудиться и никак не могли. Как-то после этого Сережка мне сказал:

— Если отряды по-настоящему работают и костры хорошие получаются,— значит, все хорошо. А вот пошли мы вчера за рыбой, а это тебе не рыбалка, а прогулка на реку. В лес пошли — не иначе, лесная вылазка. Эх, Мишка! Вырастем — махнем на Дальний? Город строить — Пионерград! От Комсомольска еще дальше в тайге. Или зверя будем бить. Идешь по тропе и видишь, что на ней тигриная лапа отпечаталась. А тайга шумит глухо, и в тайге кричит изюбр, олень.

Я не запомнил точно, но он лучше говорил, чем я пишу. Потом он сказал:

— Мишка, уйдем в лес дня на два, а? Возьмем винтовку, патронов коробку, сухарей, спички и уйдем.

Я так и ахнул:

— Что ты, Сергей! Из лагеря сразу выставят. Все бы ребята взяли винтовки да стали по лесу шататься. Буча какая будет!..

— Из лагеря выгонят, а из пионеров — нет,— сказал Сергей.— Потому что пионер — это и есть, по-моему, самый бродящий.

— Не надо, Серега. Все беспокоиться будут. Лучше на будущий год поедем в деревню к твоим родным и там походим.

Я не так хотел сказать: хотел сказать, что сам бы пошел с Серегой, да нельзя. Нет, и не так. Не знаю, как, только по-другому.

— Что это, по заказу, что ли? — угрюмо сказал Сергей.— Я пойду.

Больше отговаривать я не стал.

Я на кухне выпросил сухарей («У меня живот болит»,— сказал), соли отсыпали за завтраком. А маленький котелок он привез с собой. Помнишь, я тебе писал, что в лагере он хочет следопытничать? Привез он с собой и самострел. Не знаю, где взял. Все это мы увязали, и получился маленький узелок.

Ушел Серега после «мертвого» часа. На вечерней линейке его не хватились, потому что дни стали короче, линейка бывает уже затемно, и я ответил за Серегу:

— Здесь.

Не хватились и утром. Борис Григорьев сказал, что Сережка будто здорово занозил руку и пошел к Вере Исаевне. Это я слух пустил. А в обед прибежала бледная Леля и спросила, где Сережка.

Я стиснул зубы, а потом пожал плечами:

— Не знаю.

Дали тревогу. Искали на речке, в лесу, в деревне. Дедушка Михаил шарил багром по речным омутам, и меня трясла лихорадка.

«Мертвого» часа не было. Искали до самого вечера.

Серега пришел вечером. За спиной у него до земли свисали крылья ястреба. Он мне закричал издали:

— Какую я, Мишка, сухарницу сварил! А ночью холодно! И страшно...

Прибежали ребята, Леля, Сан Саныч, дедушка Михаил.

Серега отвечал:

— Охотился. Захотелось — и пошел.

— Ну, охотник,— сказала Леля,— завтра лагерный совет соберем!

Петя проиграл отбой, и все пошли ужинать. В столовой было тихо, как никогда. Я не доел и побежал в шалаш, к деду Михаилу, и рассказал ему, как было дело. И про Дальний Восток, про тайгу — наши мечты.

Потом он сказал строго:

— А ты что молчал? Иль мы в игрушки играли, когда искали? Уйди!

Я по привычке поднял яблоко и ушел.

В этот вечер в нашей палатке долго не спали, потихоньку шептались. Ребята ругались с Серегой и с завистью спрашивали его, пахла дымом сухарница или нет. И хорошо, что Сережка отвечал без похвальбы, а то бы и я с ним разругался не знаю как.

А потом я пошел в уборную и увидел, что в клубе горит свечка. Я подкрался к окошку и стал слушать. Плохо только, что окно было закрыто от комаров. Говорил дедушка Михаил:

— ...стало быть, никак его нельзя исключать: он жизнь щупает. Я вот, помню, в его года морду разбил поповскому сынку, а отец меня из дому погрозился выгнать. Выходит, я тоже жизнь пробовал, а она была леснушка, кислятина горькая.

Я понял, что дедушка как-то очень хорошо заступается за Серегу.

Как только дедушка Михаил сказал, все заспорили и закричали:

— А я вам говорю!

— А вот и нет!

Я слышал голос Сан Саныча, Лели и других вожатых.

Потом в клубе задвигали стульями, погасла свечка. Стало тихо, и я понял, наконец, что не голуби на чердаке клюют коноплю, а у меня зубы стучат от холода. Пошел спать и еле согрелся.

Серегу оставили в лагере. Об этом Леля сказала утром на линейке после совета лагеря и, как полагается, хорошенько Сергею пригрозила. И мне пригрозила.

А я все-таки не утерпел и рассказал ребятам обо всем, что слышал ночью, хоть мне и очень хотелось одному это знать.

И сейчас мы все спорили: что это значит — жизнь щупать?

Борис Григорьев пробурчал:

— Разве тут будешь щупать, если ни шагу без няньки? В лодке поехал без вожатого — и уж целый скандал.

А я подумал:

«Тайга — это обязательно «щупать»!»

По-твоему как, Борис?

5. Последнее письмо

Сегодня — последний день. Все последнее: завтрак, линейка, зарядка. А последний ужин был вчера.

Уже приехали автобусы, и мы угощаем шоферов яблоками.

Только сейчас оказалось, что знакомых мест не пересчитать.

Ходим, со всеми прощаемся. Девочки немного хнычут.

Перед обедом ходили купаться. Шли, обступив дедушку Михаила.

— Бар-р-р-гу-зииин,— мечтательно протянул Сергей.— Хорошее слово, дедушка Михаил, а?

— Не слово — песня! — согласился дедушка Михаил.— Только, чур, не в слове дело.

Меня как-то особенно проняло, и я выпалил:

— Честное слово, не в слове!

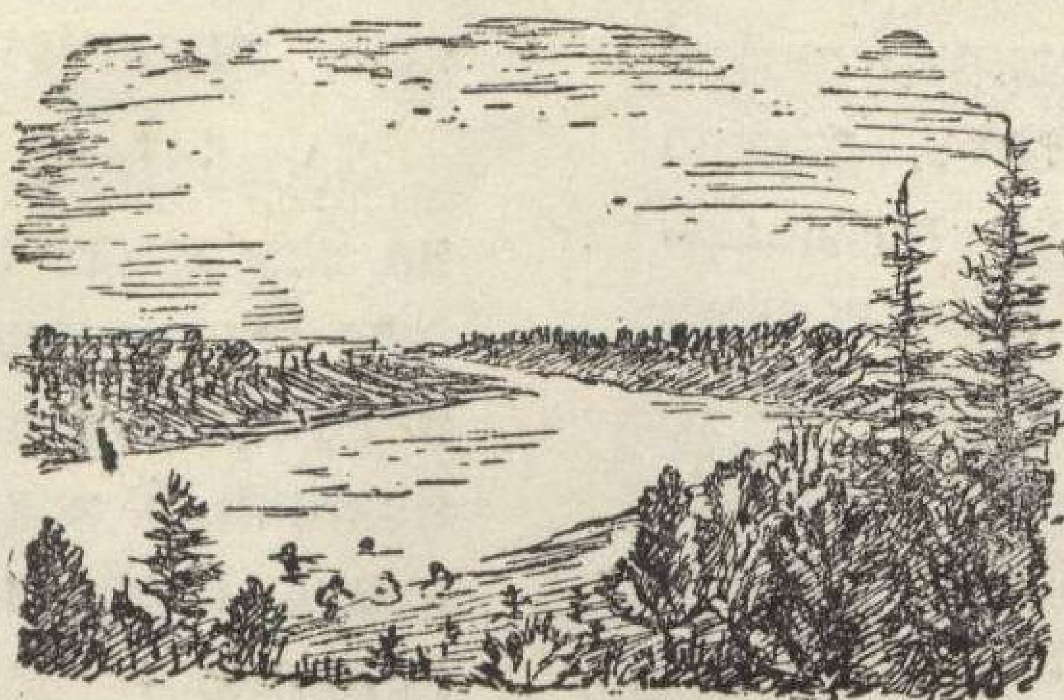
Все засмеялись.

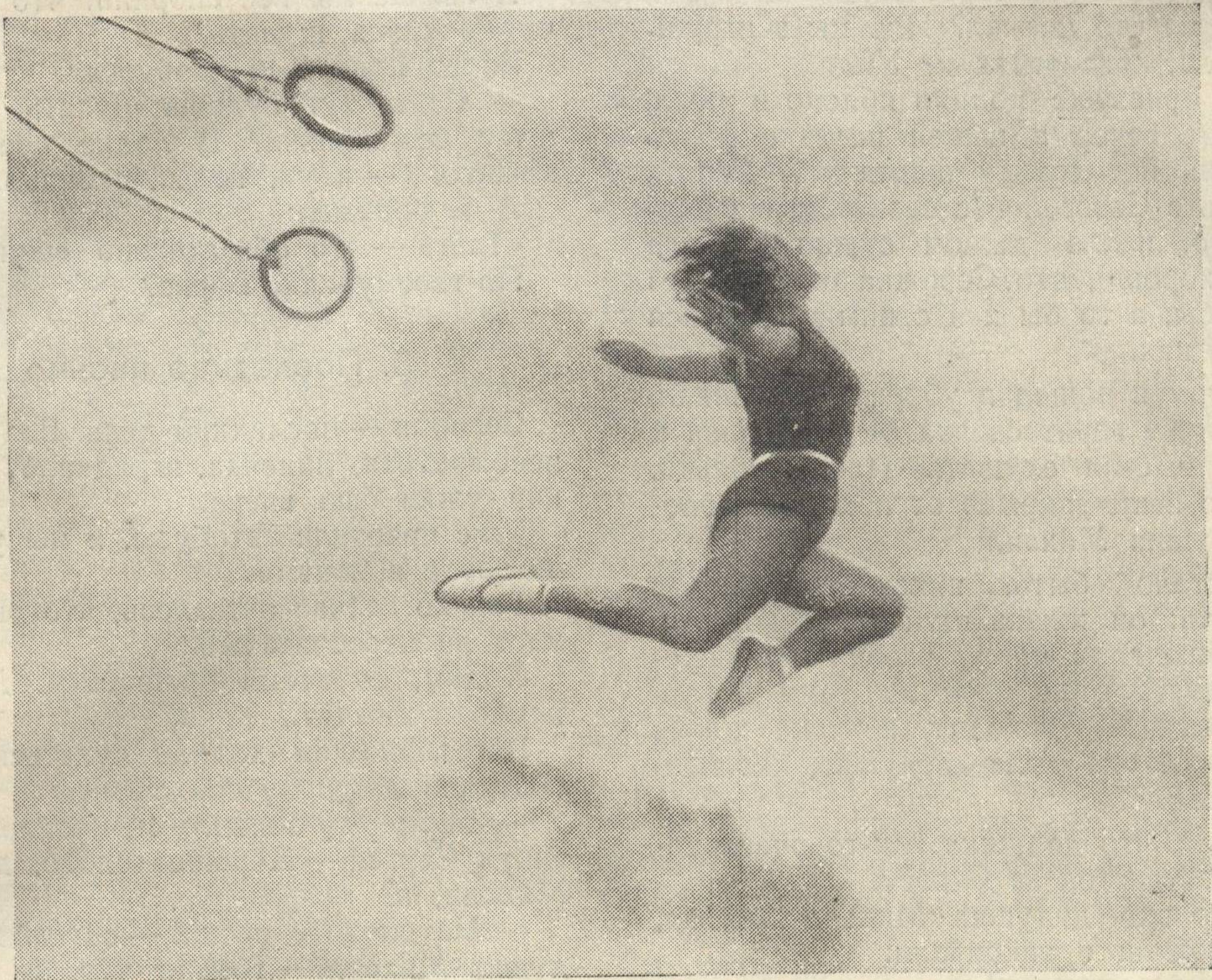
С речки подул свежий ветерок нам в лицо, очень захотелось купаться, и мы бросились скорее раздеваться.

Когда вернулись, я стал писать тебе письмо. Чуть было не забыл написать: мы с дедушкой Михаилом уговорились, что если в тайге попадутся непонятные следы, срисовывать и присылать ему.

Я тебе пишу, чтобы все было по уговору, хоть я, наверно, раньше приеду, чем придет письмо.

Ты, Борька, учебники мне купил?

Соскок с колец. *Фотоэтюд И. Прохоровой.*

Будь готов к труду и обороне

Когда большие силы японцев напали на одиннадцать советских пограничников у озера Хасан, первыми на помощь пограничникам пришли бойцы подразделения лейтенанта Левченко, ныне Героя Советского Союза. Его бойцы были хорошими физкультурниками. Они пробежали несколько километров по сопкам и болоту. И несмотря на это тотчас же вступили в бой с захватчиками и сбросили их с сопки.

Из хорошего физкультурника выйдет хороший боец, защитник нашей родины. Физкультурнику легче овладевать военными знаниями. Вот почему в Красной Армии каждый боец и командир любят физкультуру и стремятся быстро бегать, далеко и высоко прыгать, стильно плавать, с помощью ежедневной гимнастики сделать свое тело ловким и сильным. У каждого рода войск есть своя гимнастика: танкисты стараются особенно укрепить руки; пехота больше занимается легкой атлетикой; летчики тренируют чувство равновесия.

Большинство значкистов ГТО 2-й ступени — это бойцы Красной Армии. На человека с таким значком нужно смотреть с большим уважением: не так просто его получить.

А первый шаг к нему — значок БГТО. Это такой значок, который должен висеть на груди у каждого пионера. Просто должно быть неудобно тем ребятам, у которых его еще нет. В нашей стране сталинской заботы о детях сделано все, чтобы из ребят могло вырасти здоровое, крепкое поколение строителей коммунизма. В лагерях, на площадках, стадионах, водных станциях, в походах и на экскурсиях каждый из советских ребят может и должен стать хорошим физкультурником, значкистом БГТО.

Заработать значок БГТО, конечно, трудновато, но без труда ничего не дается. У тех ребят, которые его не получили, не столько слабые мускулы и дряблое тело, сколько слабая воля. Знаменитый полярный исследователь Амундсен был в детстве очень слабым мальчиком. Но он мечтал стать полярным исследователем и упорно занимался физкультурой, много ходил на лыжах. Физкультура из хилого мальчика выработала такого крепыша, который во время самых тяжелых путе-

Кто не занимается регулярной физической тренировкой, тот уподобляется человеку, сознательно решившему состариться к 45 годам...

К. Е. Ворошилов

Валя Тюрина — лучшая юная гимнастка Москвы.

Можете ли вы сделать на брусьях такую стойку?

шествий шел впереди своих самых закаленных спутников.

Все мировые рекордсмены спорта начинали заниматься спортом с детства.

Герой Советского Союза летчик Громов рассказывает:

«С детства я регулярно занимаюсь гимнастикой. Занятия эти приносят мне истинное наслаждение. Даже в дни подготовки к дальним беспосадочным перелетам, когда свободного времени было буквально в обрез, я и тогда не прерывал ежедневных 15-минутных гимнастических упражнений... Гимнастика укрепляет мышцы, вырабатывает реакцию быстроты, тренирует дыхание... Для меня совершенно очевидно, что те, кто приучают себя к ежедневной тренировке, всегда будут здоровыми, бодрыми...»

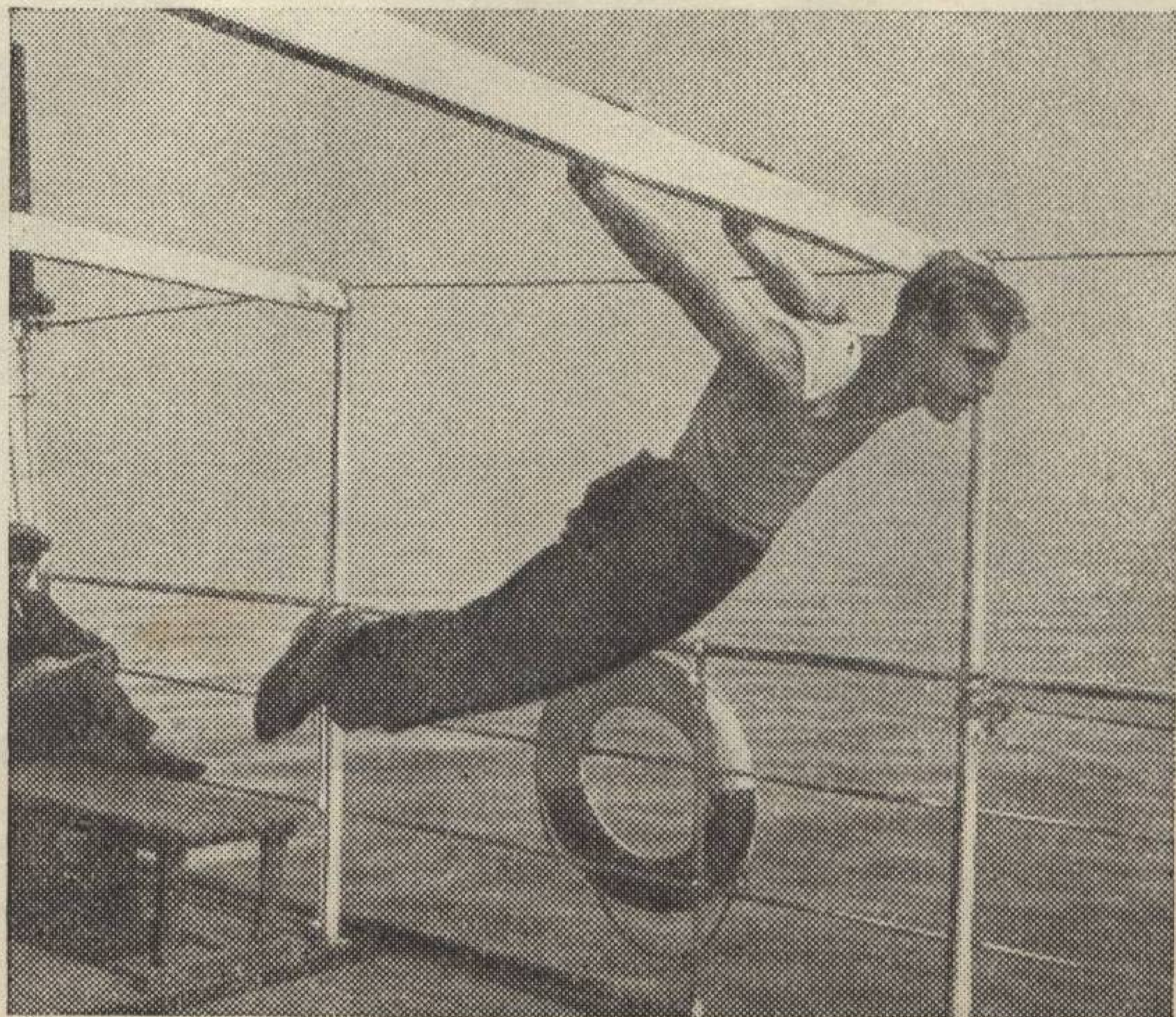
Каждый настоящий пионер должен последовать этому совету знаменитого летчика. Утром быстро вскочите с постели, откройте окно и 15 минут позанимайтесь гимнастикой. С этого обязательно должен начинаться ваш день.

18 июля — Всесоюзный день физкультурника. В физкультурных парадах принимают участие тысячи ребят. Они показывают любимому Сталину и всей стране, какое здоровое поколение растет у нас в стране.

Каждый из вас может стать значкистом БГТО, если только захочет. Мы надеемся, что все без исключения читатели «Пионера» к новому году будут иметь значки БГТО, станут хорошими физкультурниками.

Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов горячо советует всем командирам Красной Армии заниматься гимнастикой. Те, кто занимается ежедневной физкультурной зарядкой, всегда бодры, жизнерадостны, работоспособны и выносливы. Они всегда готовы к выполнению любой боевой задачи. Ежедневная физическая тренировка так же полезна, как ежедневное принятие пищи.

На снимке вы видите, как капитан парохода «Днепр» Самольянов, плавающий в Охотском море, занимается гимнастикой на палубе.

Жить летом в лесу, охотиться за утками и ловить рыбу очень заманчиво...

О лете, проведенном так, рассказывает Володя Воронков в «Робинзонах».

Но могли ли эти ребята пробыть в лесу целый месяц, если бы они не знали, как устроить шалаш, сварить уху и зажарить утку на костре, как починить одежду и выстирать белье?

Наверно, нет. Весь их отдых превратился бы в сплошные мучения. А нашим «робинзонам» было хорошо потому, что они привыкли к самостоятельности.

Самостоятельность — хорошее и очень нужное качество. Человеку самостоятельному легче справиться со всякими трудностями, ему легче жить в коллективе, и коллективу с ним хорошо.

Чем раньше станешь самостоятельным, тем лучше.

Для этого ничего необыкновенного не требуется. Просто нужно делать то, чего вы раньше старались избегать: штопать себе носки, стирать, убирать комнату, колоть дрова, носить воду, варить обед, когда этого не может сделать мать, и так далее.

Любое маленькое дело, сделанное самостоятельно, дает человеку уверенность в себе, смелость, решительность. Прежде всего нужно научиться обслуживать себя, чтобы ни от кого не зависеть. Это и есть самостоятельность. Все это делать можно и зимой, и летом, и дома, и особенно в лагере. Там очень много всяких дел, где можно проявить себя.

ПРЫЖОК.

Фото Миши Соклакова (Б. Запорожье)

„Робинзоны“

Володя Воронков, Москва

Я, Вова Рыбаков и Коля Фатеев решили путешествовать. Думали, думали, решили ехать в Харьков.

Билеты возьмем до Харькова, а понравится — слезем где-нибудь по дороге, решили мы. На семейном совете, где собрались все взрослые, наш план одобрили. Только поставили условие: писать домой регулярно. Мы, конечно, с этим условием согласились и стали готовиться к путешествию.

Сначала отправились в магазин, купили охотничьи и рыболовные принадлежности. Потом закупили различные мелкие вещи: нитки, иголки, ножи. Взяли с собой на всякий случай аптечку с лекарствами и целый месяц учились делать перевязки, чтобы в случае беды оказать помощь друг другу. Когда было все готово, мы стали собираться к от'езду. Все белье, которое мы должны были взять с собой, мы выстирали, выгладили и положили его в три рюкзака. Одежда была у нас одинаковая: военные брюки и гимнастерки. Я предложил надеть всем сапоги, кроме того мы взяли с собой еще тапочки, потому что в сапогах все время ходить тяжело.

Наконец настал долгожданный день. В пять часов утра меня разбудили, я зашел за Вовой и Колей. Они быстро собрались, и к половине седьмого мы были уже на вокзале.

...Подошел поезд. Мы сели в свой вагон.

Поехали. По дороге любовались природой, то и дело менявшейся: то расстилались леса, то шли колхозные поля. Не доезжая до Харькова 75 километров, мы решили сойти, так как нам понравились красивые места. Это был Белгород.

От станции мы пошли в обратную сторону по железной дороге. Но так как было уже поздно, я предложил переночевать невдалеке от дороги.

Но Вова сказал, что лучше переночевать на вокзале, а когда рассветет, идти искать место для шалаша. Так мы и сделали.

Солнце еще только всходило, когда мы пошли по насыпи железной дороги в ту сторону, куда хотели идти еще вчера.

Пройдя немного, увидели реку. Это был Донец. Вдоль его берегов рос камыш. Было так красиво, что мы решили прожить здесь не меньше пятнадцати дней.

Но вот и самая река. На берегу двое ребят усердно ловили рыбу.

Я подошел к ним и спросил:

— Как ловится рыба?

— Хорошо! — ответил один из них.

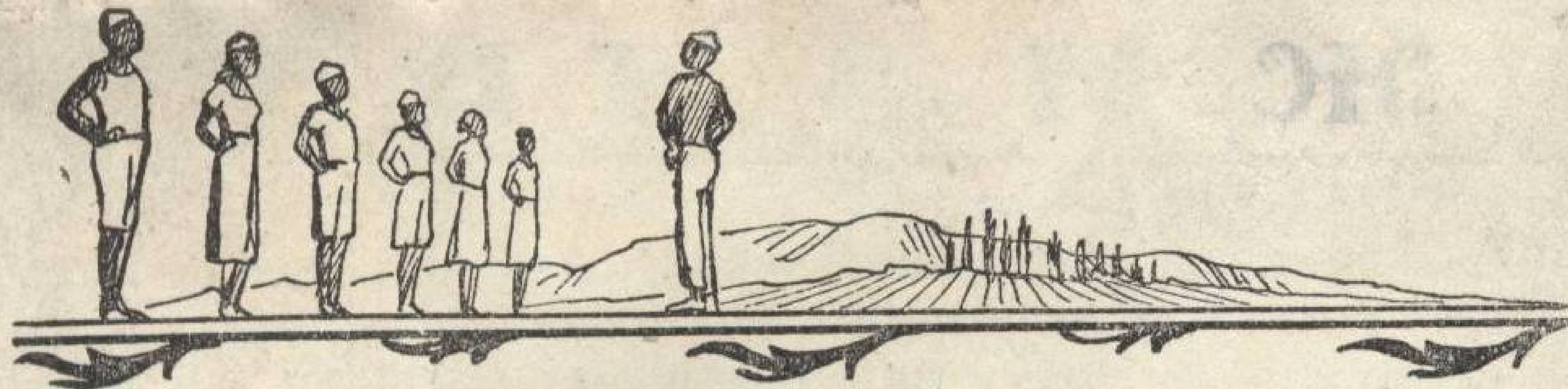
Коля спросил:

— А как с охотой?

Тот же мальчик сказал, что здесь много уток.

Мы рассказали, кто мы и зачем сюда приехали. Ребята назвали свои имена. Одного из них звали Ваней, ему было 15 лет; другого — Шурой, ему было 14 лет, но он был выше Вани.

Я спросил ребят, где нам лучше устроить шалаш. Ваня сказал, что недалеко есть островок, на него почти никто не ездит,

никто там не живет, а островок очень хороший.

— А где можно достать лодку, чтобы доехать до острова? — спросил я.

— Обождите здесь,— сказал Шура,— мы скоро приедем сюда на лодках, у нас их две.

Долго ждать наших новых товарищей не пришлось. Не прошло и получаса, как под’ехали лодки, мы сели в них и отправились на остров. К нему было под’ехать трудно: кругом рос камыш. Первым выпрыгнул на остров Вова. Ваня и Шура втащили лодки на берег. Потом все вместе пошли искать место для шалаша.

Остров почти весь зарос камышами. Скоро мы нашли маленькую полянку, окруженную мелким кустарником.

— Вот здесь и обоснуемся,— сказал Вова.

— Приступим к строительству! — сказал я.

Я и Коля начали копать основу для шалаша, Вова и Шура пошли резать камыш, а Ваня поехал на берег за досками и гвоздями. Покончив с основой шалаша, Коля и я пошли помогать резать камыш. Вскоре приехал Ваня, он привез четыре бревнышка, гвоздей и немного досок.

Когда был весь материал, приступили к постройке шалаша.

Быстро вкопав четыре бревна по углам и сделав крышу из досок, мы завалили ее землей, потом начали делать из камыша стенки.

Мы завалили крышу землей и начали делать из камыша стенки.

Оставшимся камышом мы набили матрацы и положили их на пол шалаша. Работа была закончена, и мы с Вовой пошли ловить рыбу, а Коля остался разводить костер.

Ваня и Шура поехали домой, оставив нам одну лодку. Поймав немного рыбы, Вова сварил уху. Кушали мы с большим апетитом. Так как мы за этот день очень устали, то решили тут же лечь спать. Первым лег Вова, а я и Коля пошли ставить жерлицы и кружки на ночь. Поставив снасти, мы тоже отправились спать. В шалаше Вова, накрывшись пальто, крепко спал.

Я долго не мог заснуть. Первое время мне было боязно: шуршание листьев казалось шагами людей, казалось, будто кто-то крадется к нам.

Вдруг подул сильный ветер. Раздался треск сухих сучьев. Мне показалось, что сейчас наш шалаш сломается. Я отвернулся к стенке шалаша и вскоре заснул.

Утром нас разбудили Ваня и Шура. Они звали нас кушать уху. Мы искупались и начали завтракать. Уха была хорошая, кушали все с удовольствием, а Вова несколько раз брал добавку. Кончив завтракать, мы взяли ружья с патронами и поехали на охоту.

Было прекрасное утро. Ярко светило солнце, и лучи его скользили по воде. Нас обдувал легкий влажный ветерок.

Скоро мы заехали за поворот — и остров исчез в камышах. Пробираясь то и дело по узким просветам в камышах, мы выезжали на плесы.

Мы миновали плесы и снова поехали по выкосу в камышах. Вдруг показались большие плесы. Мы приготовили ружья, так как Шура и Ваня знали, что здесь водятся утки. Действительно, около плесов мы заметили большую стаю уток, сидевших на воде.

Первым выстрелил Вова, а за ним я. Быстро перезарядив ружья, мы дали очередной залп. Но это было напрасно, так как утки были уже далеко.

Собрав уток, их было три, мы поехали дальше.

Вскоре Вова захотел кушать, и мы вернулись на остров.

Коля разводил костер, а я и Вова ощипывали уток. Когда костер был готов, Вова начал жарить уток, а я и Коля пошли проводить наших товарищей, они торопились домой.

Уток мы жарили на вертеле и с большим апетитом уплетали их. Вова оказался хорошим поваром, и мы с Колей решили написать об этом его родителям. Пусть дивятся!

Стало смеркаться. Вова и Коля уснули, я пошел ставить жерлицы и кружки.

По дороге к шалашу меня напугала утка. Она вылетела из куста так внезапно, что я отшатнулся в сторону и хотел даже бежать. Но потом взяв себя в руки пошел нарочно медленно и спокойно.

— Надо бороться со страхом,— сказал я себе.

...Солнце еще только всходило, когда я проснулся.

Первым долгом я искупался невдалеке от жерлиц. Потом проверил улов. На этот раз улов был большой. Я принялся варить уху, разогревать жареную утку.

Вдруг я заметил, что к нам двигается лодка.

Вскоре я различил наших товарищей. Сойдя с лодки, Ваня подал мне сковородку и немного масла. Я начал разогревать утку уже на сковородке. Когда завтрак был готов, я разбудил Колю и Вову. Коля не хотел вставать — он не привык в городе вставать рано,— но мы все так дружно принялись его будить, и он встал довольно быстро. Когда Коля и Вова искупались, мы принялись за еду. Я пригласил наших товарищей позавтракать с нами. Сидели все вместе и подсмеивались над Колей, над его любовью поспать, и говорили, что он «соня».

— Да бросьте вы смеяться надо мной,— рассердился, наконец, Коля.— Мне сон приснился. Мне снилось, что я живу в деревне. Недалеко от нашей деревни — другая деревня, и там наша школа. Однажды я задержался в школе. Домой пришлось идти вечером через лес. В лесу водились волки. Другой дороги не было, и мне пришлось идти лесом. Сначала я шел неспеша. Незаметно дошел до леса. Вдруг мне стало жутко, и я пошел быстрей, а потом побежал. Бежал долго, но лес все не кончался. Вдруг в десяти шагах от меня показалось несколько огоньков. Волки! Я сделал два шага, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил меня за руку. Я думал, что это на меня накинулись волки, но тут проснулся и увидел перед собой не волков, а Вову, дергавшего меня за рукав.

Я пригласил наших товарищей позавтракать с нами.

— Значит, я спас тебя от волков,— сказал Вова,— иначе они растерзали бы тебя. Говори: спасибо.

— Скажу,— ответил Коля,— только в другой раз, сейчас некогда.

Мы еще посмеялись над «спасенным» Колей, но он был настроен уже мирно и не обижался на нас.

После завтрака поехали кататься на лодках.

Когда мы проезжали около меловых гор, Шура предложил посмотреть их. Мы согласились сделать небольшой поход на меловые горы. Сойдя с лодок, мы подтащили их к железным быкам, а сами пошли на меловые горы. Горы были в 40 метров вышиной.

Стали подниматься наверх. Пройдя немного, услышали шум падающего вниз мела. Я обернулся назад и увидел, что вместе с мелом вниз катится Коля. Я крикнул ребятам, и мы стали спускаться к Коле. Он сидел на мелу и почесывал затылок. Коля был весь в мелу и с большой шишкой на голове.

Вова заметил, что у Коли сохранилась только одна, левая, тапочка. Тогда мы отправились на поиски другой. Первым заметил ее Коля, хотя он никуда не шел, а лежал на склоне горы, недалеко от нас. Коля быстро стал взбираться на гору.

Но вдруг он исчез. Мы подбежали к тому месту, где он только что был, и увидели, что он снова катится с горы.

На этот раз он ударился не так сильно. Я предложил в третий раз полезть на гору, но Коля запротестовал.

Решили ехать «домой». Вскоре мы были на острове.

Утром нас разбудили Ваня и Шура. Вова с Шурой пошли проверять улов. К их приходу мы приготовили завтрак.

Улов на этот раз был плохой, поймали только небольшого щучонка.

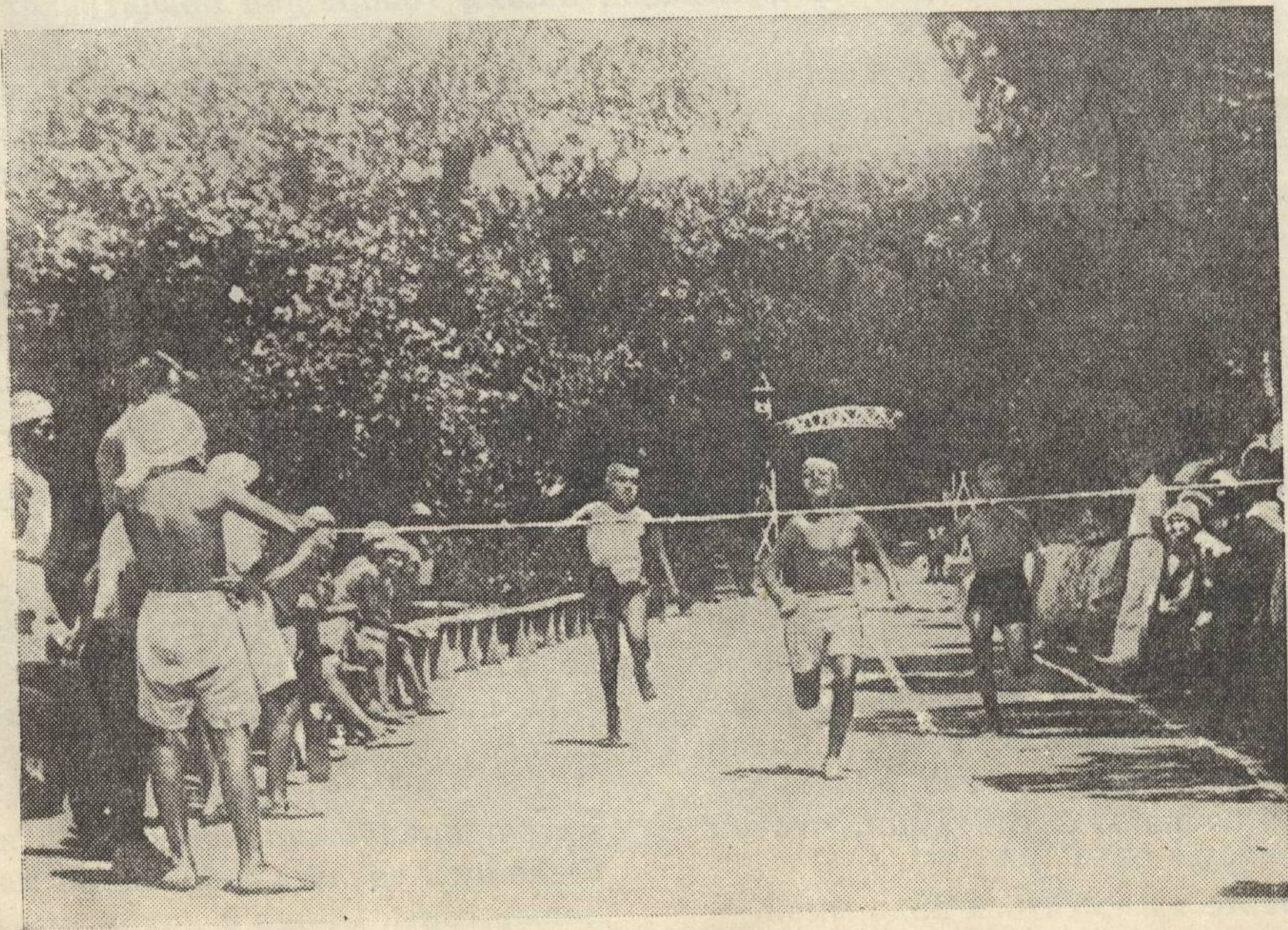
— Надо ехать на охоту,— сказал Ваня.

Мы спустили лодки на воду. Сначала ехали по течению, потом повернули в камыш. Вдруг Ваня заметил, что на нас надвигается большая туча. Поехали обратно. Постепенно стало темнеть. Вскоре тучи настигли нас, пошел мелкий дождик, вскоре он усилился. Когда мы проезжали около берега, Ваня предложил пойти к нему. Мы согласились, под'ехали к берегу, примкнули лодки и побежали по направлению к городу. Вскоре мы добежали до дома Вани. Тут мы провели весь день и ночь. Наутро поехали на остров.

Так мы прожили и все остальное время: ловили рыбу, охотились, купались и загорали. За время, проведенное в Белгороде, мы отдохнули, набрали сил к новому учебном году.

Мы теперь частенько вспоминаем про наших друзей — Шуру и Ваню,— которые так помогали нам, когда мы жили на острове, и с которыми мы крепко сдружились.

Фото Бори Иванова. Снимок сделан в «Артеке».

Финиш.

Любимый край

Стихотворение Вани Малышкина, Хабаровск

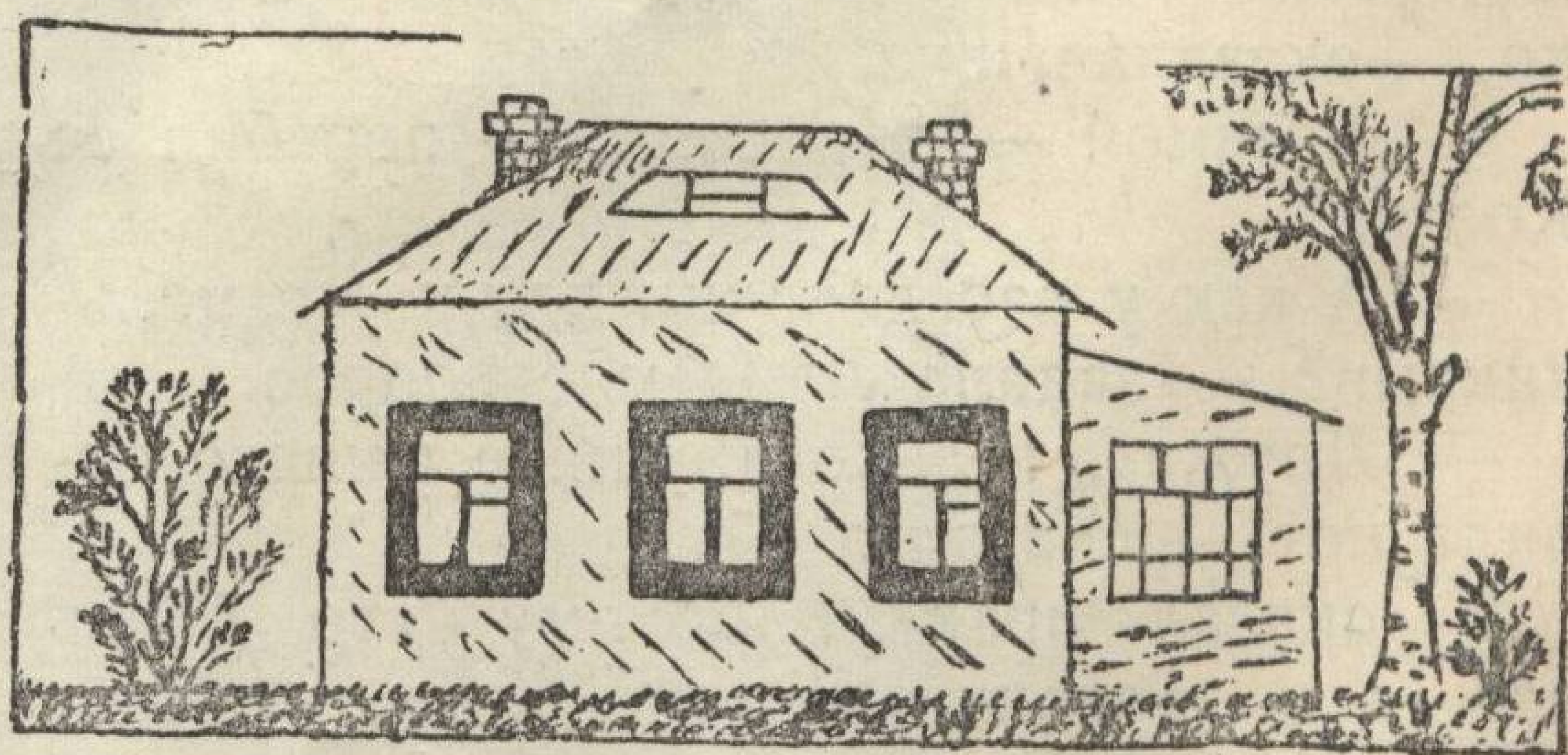
В Советской стране не кончается май—
Она непрерывно цветет;
А край наш —
Он самый цветущий край,
Идущий всегда вперед.
Здесь на виду растут города,
Врезаясь в свод голубой;
Здесь люди ничуть не жалеют труда
На стройку страны родной.
В нашем краю беспредельный простор,
Он и могуч и богат.
Здесь много лесов и высоких гор
Богатства в себе хранят.
Реки текут и чисты и свежи,
Ветер над нами поет.
Может у нас и работать и жить
Радостно дружный народ.

Мы изменили свой старый вид,
Мы не замедлим ход:
Там, где сегодня тайга шумит,
Завтра построим завод.
Там, где идет сквозь густые кусты
Граница по серым горам,
Крепче усилим свои посты,
Чтоб враг не пробрался к нам.
Могучею стройкой земли страны
Красуются вдаль и вширь,
И мы, прекрасного края сыны,
С достоинством смотрим на мир.
Ни в чем никаких нам препятствий нет:
Трудись, веселись без забот.
О край наш!..
Он самый любимый в стране,
Чудесный Дальний Восток!

Костер в лесу

Лева Сидоров, Москва

Мы живем на даче — я и мой братишка Алик. Алику девять лет, а мне—четырнадцать. Недалеко от нас река или, верней, большой ручей. В нем мы купаемся. Правда, там есть и глубокие места, но вообще мелко. Я пионер и на даче познакомился с деревенскими пионерами. Особенно я подружился с Леной и Костей; они часто приходят ко мне, и мы втроем, а иногда и Алик, идем куда-нибудь гулять. Я был в городе звеньевым, Лена была тоже звеньевая, а Костя — председателем отряда. Втроем мы прочитали за лето немало книг, потом из города я привез номера журналов за целый год. Ребята очень обрадовались, и мы стали читать журналы.

Наша дача.

Один раз собрались компанией в десять человек, Алик тоже пошел с нами. Мы пошли в лес за ягодами, захватив с собой котелок и немножко овсяной крупы, не забыли ложки и соль. Лес от нас недалеко, километров пять, не больше. Компания наша состояла из четырех девочек и пяти мальчиков. Девочек звали Лена,

Женя, Лида, Роза, а мальчиков — Петя, Толя, Костя, Алик и Володя. Мы вышли за околицу и, чтобы скоротать время, запели песню «Широка страна моя родная...» Я запел первый, а за мной—остальные. Дорога, по которой мы шли, заросла густой зеленой травой, и мы, сняв тапочки, шагали босиком.

Пройдя картофельное поле, мы пошли быстрее, можно было бы и побежать, но нас стеснял Алик. Он бегал быстро, да скоро уставал. После картофельного поля потянулся зеленый и пестрый от цветов луг. Босиком было очень приятно идти по зеленому ковру. Солнце только взошло. Мы спешили в лес. Там мы хотели провести летний костер. Для этого, как я уж говорил, мы взяли с собой крупу, чашку для каши и котелок. А при мне были спички, которые я еще накануне положил в карман. Когда мы спели все песни, которые знали, у нас завязался разговор. Меня все время расспрашивали, как мы проводим сбор, что делаем в будни, куда ходим в свободное время.

— Лева, — спросила меня Лена, — а как ты проводишь время перед сном?

— Я, Лена, в десять часов ложусь спать, но перед сном обязательно почитаю какую-нибудь книжку. Встаю полвосьмого, как большинство встает у нас в городе.

— А у нас в деревне ребята летом встают в шесть часов, а бывает и раньше, когда только еще восходит солнышко, — сказала Лена.

— А зимой — в восемь, — перебил ее Костя.

— А как у вас девочки дружат с мальчиками? — задала Лена мне вопрос.

— Дружат, только дружнее вашего отряда нет, — сказал я ей.

Я сказал правду, потому что здесь все — и девочки и мальчики — были очень дружны.

Разговаривая, мы подошли к лесу. Лес был сосновый, и потому воздух был очень чистый. Мы пошли по тропинке и скоро наткнулись на ягодное место. Черники было так много, что мы через несколько часов набили ею две наши карзины с верхом. Был полдень, пора было закусить, голод давал себя знать. Мы прошли еще дальше в лес и увидели лесной родничок. На дне родничка были камушки, и он весело журчал по ним. Недалеко была полянка, и мы устроились на ней. Натаскав дров, развели костер и, повесив на палочках котелок, стали рассказывать сказки. Больше всех сказок знал Костя, он рассказывал про бабу-ягу, и мы так смеялись, что даже охрипли.

Мы так заслушались Костю, что не заметили, что каша у нас сварилась. Лена первой заметила, что каша давно кипит. Она выложила кашу в миску, и мы, взяв ложки, принялись за еду.

Скоро котелок опустел, и мы разлеглись на траве отдохнуть после обеда. Лежали и болтали обо всем на свете.

Отдохнув, мы взялись за руки и пошли плясать вокруг костра.

С одной стороны я держал за руку Лену, а с другой — Женю. Обе они танцовали хорошо и недурно пели деревенские частушки.

Мы очень долго танцовали, и у меня с непривычки заболели ноги. Не знаю, как другие ребята, но я устал. Наплясавшись, залили костер водой, чтоб не было лесного пожара, и пошли домой. К пяти часам вечера мы были дома.

На даче я жил все лето, и часто мы куда-нибудь ходили всей компанией. А когда я уехал в город, мы стали переписываться, советовались насчет отрядной работы. Так закрепилась у нас в отряде дружба с деревенскими пионерами.

Фото Володи Барышникова (Баку)

„СНИМАЮ".

Фото Вани Господарина (Красноярск)

В ЗАСАДЕ. Военная игра в пионерском лагере.

О дружбе, героизме, честности

(Ответы на письмо Толи Плитт)

Надо ли давать „сдачи"

В своем письме пионеры 29-й московской школы писали, что им не нравятся ребята, которые не умеют постоять за себя, и если их кто-нибудь ударит, то они бегут жаловаться, а не дают «сдачи».

Я с этими ребятами несогласна и вот почему: по-моему, если дать «сдачи», то в свой черед получишь такой же ответ, ты опять дашь «сдачи», и так без конца. Получится драка. По-моему, это не выход из положения. У нас в классе была одна девочка, которую ребята почему-то не взлюбили: они всегда дергали ее за косы, дразнили. Она очень сердилась на них и всегда давала «сдачи». Но это только усиливало их взаимную неприязнь.

Потом этой девочке надоели вечные ссоры, она перестала обращать внимание на них, и, удивительное дело, от нее все отстали.

По-моему, все зависит от того, как поставит себя человек в классе. Бывает так, что какая-нибудь девочка первая начинает ссору или драку, а потом бежит жаловаться. Конечно, таких девочек не уважают.

К. Колпакова

Про старших ребят

Ваня Швидак, Киев

В пионерском отряде 5-го класса усиленно готовились к выступлению. Разучивали песни, танцы, ставили пьесу. Но вдруг стряслась беда. Главная участница спектакля заболела. Представление срывается. Что делать? Решили попросить девочку из 8-го класса сыграть эту роль. Раньше она играла ее и помнила почти наизусть. Но ученица 8-го класса А. Б. грубо отказалась.

— Еще чего не хватало,— сказала она,— стану я играть с малышами.

В 6-м классе учится один мальчик высокого роста для своего возраста. Ему 15 лет, но он считает ниже своего достоинства носить пионерский галстук, ходить на сборы.

— Меня дядей называют,— часто говорит он,— а я буду носить галстук, может, еще прикажешь носить октябрятскую звездочку?

Он пренебрегает узкими брюками: «Это теперь не в моде»,— говорит он.

Оля Г. никогда не берет в руки веника, чтобы подмести комнату, она все слагает на свою бабушку. «Бабушка, убери со стола! Бабушка, замети, а то ко мне придут. Бабушка, где чернила?» — слышится каждый день в комнате Оли. И бабушка хлопочет, а Оля ведет себя, как барыня.

А подумали ли эти ребята, кем они должны расти? Я думаю, нет. По-моему, надо с такими ребятами поговорить, а то они перенимают у некоторых взрослых только плохое (курят, ругаются и т. д.). А ведь у нас взрослые — очень хороший народ, и у них можно научиться хорошему.

От редакции:

Ваня Швидак прав. Просим всех ребят прочесть его письмо на сборе звена. Наверно, и в других школах есть такие ребята, как Оля и А. Б., о которых рассказывает Ваня. Поговорите о них, помогите им исправиться.

Мы должны дружить

Валя Романюк, Киев

Мне не так давно мама рассказала, что когда она была маленькая, ее папе пришлось много хлопотать, чтобы ее приняли в школу. Когда она пришла в школу, дети встретили ее неприветливо, некоторые дети богачей начали толкать из угла в угол. Через два — три дня она увидела, что не только с ней так обращаются, но еще с четырьмя ребятами; это были дети бедняков-евреев.

Так было в царской России, это было в прошлом. Но почему теперь некоторые дети иногда плохо относятся к еврейским ребятам? В прошлом году моей маме много пришлось разговаривать с детьми, которые обижали моего брата Мишу. Но ее разговоры не помогали, тогда мама написала статью в детскую газету «На зміну». После этого Витя Кочубей, Кима Гольдман, Галя и Женя Сосницкие поняли, что

они вели себя плохо, и стали хорошими друзьями, в особенности Витя Кочубей. Только Вова Откаленко попрежнему груб и дерзок. Я думаю, что он еще плохо понимает, что советские ребята не имеют права плохо относиться друг к другу.

Об истинном героизме

Я думаю, что класс, в котором учится Толя Плитт, — очень недружный класс. В дружном классе, где хорошие пионеры, не может быть таких случаев, чтобы один делал плохой поступок, а все молчали. Буянов хулиганит, а все смотрят на него, как на героя. Он чувствует это и еще больше хулиганит. А был бы в толином классе настоящий, мужественный человек, он подошел бы к Буянову и прямо ему сказал, что подло так поступать со старушкой, как поступил он, и не побоялся бы угроз Буянова. Вот это было бы хорошо! Разве можно назвать геройским поступком прыжок с трамвая на ходу? Это — бесцельное и опасное шутовство. Делают это ребята обычно для того, чтобы похвастаться перед товарищами: «Глядите, какой я смелый!» А если его товарищи и вправду смотрят на него, как на человека очень смелого, то он старается другой раз их удивить еще больше.

Настоящие пионеры должны об'яснять всем ребятам, что истинное геройство ничего общего с лихачеством не имеет. Летчики, спасшие челюскинцев, — это герои. Они рисковали своей жизнью для того, чтобы спасти сотню других жизней. Это был благородный риск. Человек, совершающий подвиг, должен быть неразрывно связан со своим народом, тогда и подвиг его будет народным.

Наташа Панкратова

Москва.

Ошибка детей нашего дома

Я работаю управдомом, мне очень часто приходится сталкиваться с детьми, и поэтому мне захотелось написать о ребятах нашего дома. У нас очень хороший двор: большой, весь в деревьях, с площадками для игр, с газонами. И ребят в нашем дворе очень много. А к нашим ребятам приходят еще и ребята из других дворов. Так что иногда выйдешь во двор, такой шум стоит, что ничего не разберешь. Одни играют в футбол, другие гоняют голубей, третьи катаются на велосипедах, прыгают, играют в войну.

Но не все ребята играют, не всегда шумят они потому, что увлечены игрой, каким-нибудь интересным занятием.

Иногда ко мне прибегают расстроенные жильцы, приходит дворник и я выслушиваю жалобы на ребят.

Недавно один наш жилец вынес проветрить матрац и положил его около беседки. Ваня Фабричный и Юра Никишин сразу же нашли для него применение... Они залезли на крышу беседки и стали прыгать с нее на матрац. Жилец хотел их прогнать. Тогда ребята стали на него кричать, ругать его и даже грозили побить. Пришлось позвать дворника, ребят утихомирили.

Во дворе у нас булочная. Туда привозят хлеб в машине. Когда хлеб выгружают, ребята стараются стащить несколько батонов. Недавно наш дворник Кравченко поймал в парадном Леню Гевеленко, когда тот уплетал хлеб. Леня стащил хлеб не оттого, что был голоден: хлеба ведь у нас много, он просто, очевидно, считает, что он большой молодец, потому что не побоялся выхватить из-под рук продавца батон и с ним скрыться.

Некоторые ребята в нашем дворе не захотели учиться, бросили школу. Фима Сырцов спрятал свои книги и тетради в сарае, а сам убежал играть.

Бывает так, что приходится ребят бранить, пугать милицией, но часто мы стараемся просто об'яснить им, что они поступают плохо. И я вижу, что все они, в конце концов, совсем не плохие ребята. Но они просто не умеют найти себе занятия. А желая показать свою смелость, свою удаль, хулиганят.

Товарищ Ярославский очень хорошо об'яснил в своей статье, что хулиганство — совсем не признак смелости. И мне очень хотелось бы, чтобы наши ребята прочли эту статью и поняли, как они порой ошибаются.

М. А. Касилина

Москва.

Мои подруги

Тоня Морозова, Москва

У меня большая переписка. Я переписываюсь с двадцатью девочками. Живут они все в разных концах Советского Союза, и нам очень интересно переписываться. Они прочли мой адрес в «Пионерской правде» (там была моя заметка), написали мне, я ответила, и с тех пор мы стали переписываться. Письма у всех девочек веселые, они довольны своей жизнью. Рассказывают об учебе, пионерском отряде, своих домашних делах, кино, книгах, театре. У каждой девочки есть свое любимое дело, и уж все задумали свое будущее. Но, может быть, это их тайна, поэтому я об этом ничего не скажу.

Я переписываюсь с пятью девочками из Донбасса. Они учатся все вместе в 6-м классе. Класс у них, как они рассказывают, дружный, учатся все хорошо и отдыхают весело. Около них большой лес, они ходят туда, собирают ягоды, грибы, купаются в Дону. Мне очень нравится, что все пять девочек: Нюся Бетина, Эльза Бычкова, Валя Растворцева, Маруся Толстуха, Лида Смирнова — так хорошо дружат. Они, мне кажется, никогда не ссорятся между собой, не так, как другие девочки.

В Новороссийске у меня двое знакомых — две сестры Лида и Женя Зеленские. Они тоже дружные. Они так хорошо описали свой город, что мне очень хочется туда поехать. Он стоит на берегу Черного моря, и чуть наступает лето, девочки уже купаются в море. А лето там длинное, не то, что в Москве, там очень теплый климат.

Не так давно я получила письмо с Дальнего Востока, от Ани Бабичевой. Там тоже хороший край. Сейчас-то я не могу поехать туда, а вот вырасту, тогда весь Советский Союз об'езжу. И вот тогда встречусь и с Женей, и с Лидой, и с Аней, и со многими другими девочками.

Но у меня есть знакомые и поближе, под Москвой. С ними я увижусь скоро. Это девочки из Рублева: Феня Заринова, Нина Шиловская, Зоя Фомина.

Зоя — председатель пионерского отряда, она всегда спрашивает меня, что нового у нас в отряде, ей очень хочется, чтобы у них в отряде было интересно. Я ей описываю все очень подробно, и она отвечает мне тем же.

Очень интересная переписка у меня с девочками из Толочина. Там у меня восемь знакомых девочек. Все эти девочки — очень активные пионерки. Они уже сдали нормы на два оборонных значка и сейчас сдают еще на два. Они хотят иметь все четыре оборонных значка.

Их класс держит переходящее красное знамя школы, и я думаю, что мои подруги во многом помогают классу.

Еще я переписываюсь с Галей Полоховой из города Струпки. У нее нет ни отца, ни матери, поэтому она живет в детском доме. Жить ей там хорошо. Она отличница и вожатый звена. С Галей у меня очень хорошая переписка.

У меня еще много подруг в других городах, но о них я напишу в другой раз.

Фото Миши Горлова (Харьков)

НАШ УРОЖАЙ. На опытном участке.

Отрядный дневник

В своем отряде мы завели интересный дневник. Все пионеры поочереди записывают в этот дневник все, что случилось с ними за день. Мы посылаем две страницы из дневника: один день, описанный пионером М. Верцманом, и другой день — пионером Хари.

Наверно, летом наш дневник станет еще интереснее. Ведь летом у всякого свои приключения и один день непохож на другой.

Советуем всем пионерским отрядам завести у себя такие дневники.

Совет отряда 5-го класса 416-й школы, город Одесса

День М. Верцмана

В этот день я с товарищем условился пойти во Дворец пионеров. Пришел я к нему, и мы поехали. Во Дворце было весело. Мы осмотрели все комнаты, в том числе и выставку, посвященную XVIII с'езду партии. Мне очень понравились макеты, сделанные ребятами.

Потом пошли в комнату игр. Там мы играли в игру «Морской бой», «Хоккей» и др. Наконец, началась лекция о великом преобразователе России Петре I. Лекция была очень интересная. Затем мы смотрели исторический фильм «Петр I».

Начало вечереть. Я пошел домой и занялся чтением книжки «Записки парашютиста». Автор этой книжки — мастер парашютного спорта Фотеев. Книжка понравилась.

День пионера Хари

Встал я в половине восьмого, позавтракал и пошел в школу. День в школе я провел хорошо, получил по русской литературе «отлично».

Пришел домой и сел делать уроки. Приготовив уроки, я пошел смотреть кинокартину «Девушка с характером». Мне эта картина понравилась, там рассказывается о том, как одна девушка задержала шпиона и привела его на заставу. Потом я пошел в библиотеку и взял книгу «В морской глубине» Н. Плавильщикова. Это очень интересная книга, надо посоветовать ребятам прочесть ее. Ученый-водолаз Вильям Биби спустился на морское дно и изучал там жизнь рыб. Очень интересно!

Когда я вернулся домой, уже темнело. Пообедав, я играл во дворе с мальчиками в разные игры. Сделал несколько снимков. Потом поужинал. Так закончился мой день.

Наш литературный журнал

У нас в школе очень хорошо работает литературный кружок. На кружке мы изучаем творчество братских народов СССР, а также творчество лучших поэтов и писателей.

Мы выпускаем свою газету, в ней печатаем стихи, рассказы, очерки самих ребят. Когда мы вывешиваем новый номер, собирается много ребят и все читают нашу газету. Теперь члены кружка решили издавать «Литературный журнал». В нем сто страниц. Так как мы не сможем выпустить его во многих экземплярах, а читать его захочется всем,— мы решили отдавать его в библиотеку.

Анатолий Бабенко,
Полтавская область, Бригадировская школа

4500 марок

Сережа Самойлов, Баку

В нашей стране очень много ребят, собирающих марки. Как и во всяком деле, есть среди них и настоящие, искренние энтузиасты. Они любят марки. Но есть среди них и такие коллекционеры, которые собирают только для того, чтобы похвастаться.

Я хочу поделиться с вами своим опытом. Начал я собирать марки еще до школы (сейчас я в 6-м классе). Начал сравнительно удачно. Набрал 300 марок. Были среди них и ценные. Беспрестанно меняя, мне удалось накопить около 4½ тысяч марок (3000 подлинников, 1500 двойников). Собираю я все марки, всех стран света. Сейчас особенно интересуюсь марками Африки, Азии и Австралии. Для каждой части света у меня отдельный альбом, где марки расклеены в алфавитном порядке. Если в стране есть провинции, выпускающие свои марки, как княжества в Индии, Пруссия в Германии, различные департаменты Колумбии и т. д., я наклеиваю их после марок страны тоже в алфавитном порядке. Особо ценные марки вклеиваю в специальный марочный альбом. Все марки я приклеиваю краюшками от марок, которые беру на почте. Ценность марки я определяю страной, где она выпущена, годом выпуска, рисунком, ее формой, сохранностью; я смотрю, часто ли она встречается. Если у марки оторваны зубчики, если она пожелтела или пропиталась клеем,— я ее считаю бракованной. Но если она все же ценная,— я ее беру. Чем реже встречается марка, чем раньше она выпущена, тем она ценнее.

Я хотел бы поговорить о коллекционировании марок с другими филателистами.

Шефство над конями

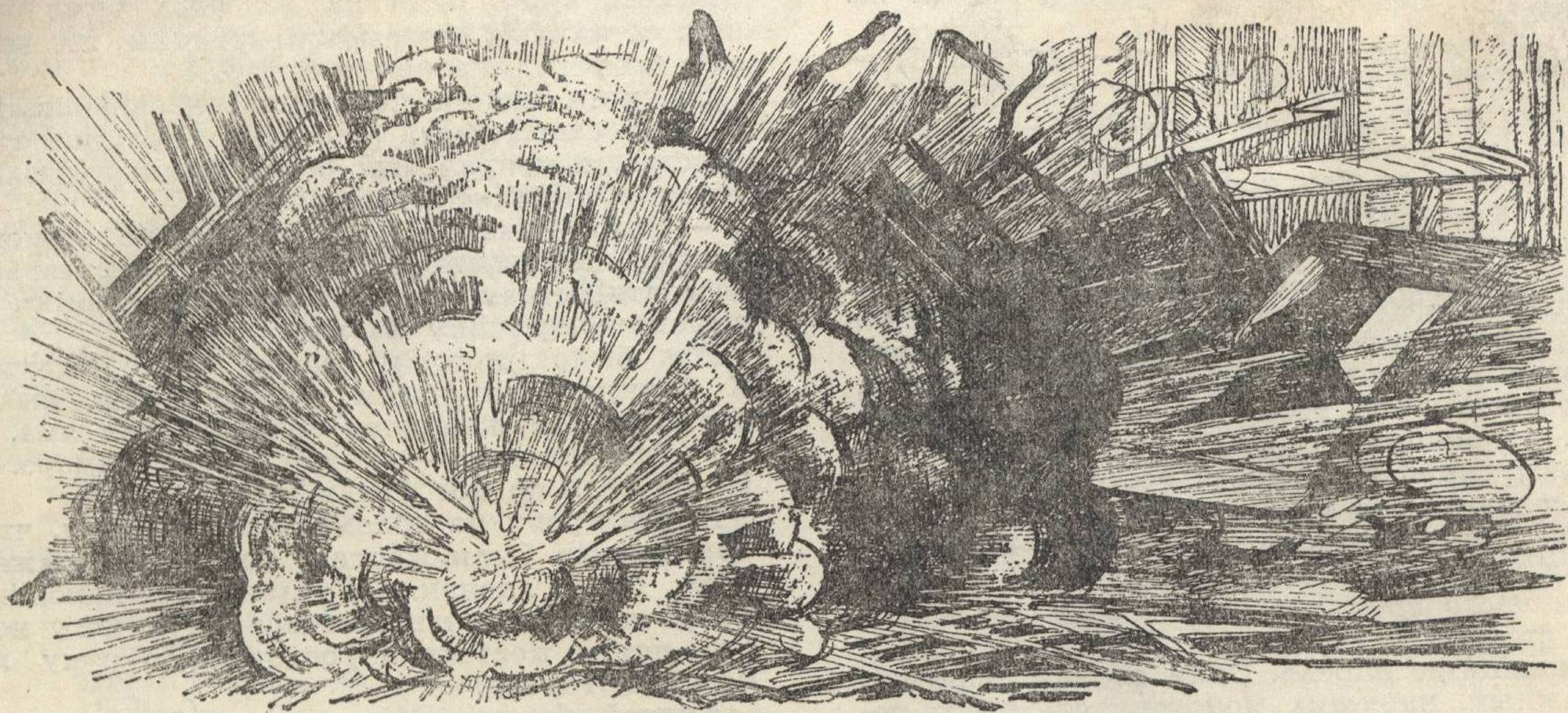
Наши пионеры очень любят лошадей. В прошлом году пионерские отряды имени Ворошилова и имени Ленина взяли шефство над конями колхоза «Авангард». С тех пор прошли зима и весна. Теперь уж конюхи не гонят ребят из конюшни. Все убедились, что наши пионеры — хорошие помощники. У каждого из них есть своя лошадь, и они следят, чтобы она всегда была вычищена, накормлена и напоена.

Шура Файфер очень хорошо ухаживает за лошадью «Бранти». Он сам чистит ее, убирает стойло, кормит, а теперь, когда у «Бранти» появился жеребенок, он стал ухаживать и за жеребенком.

Весной родилось много жеребят, и пионеры решили вырастить их, а одного, самого смышленого жеребенка выучить слушаться команду, чтобы по команде «ложись» он лег, по команде «гобки» перепрыгивал через барьер и т. д.

Как пойдет наша дрессировка — напишем.

Пионервожатый Павел Дмитрюков,
Буденновский район, село Клинкино

Жюль Верн

Необыкновенные приключения экспедиции Барсака

(Продолжение)

Перевод с французского А. Волкова

Рис. П. Митурича

IX. Катастрофа

Отсутствие тока с гидростанции продолжалось недолго. Гарри Киллер был первой жертвой своего маневра, показавшегося ему вначале очень ловким. Правда, он не давал энергии заводу, но зато и сам лишился ее. Сельскохозяйственные машины остановились; электрические насосы, накачивавшие воду из реки в два резервуара – один на заводе, а другой над казармой Черной Стражи – перестали действовать; наконец, когда настала ночь, весь город оказался погруженным во тьму, и это взбесило Гарри Киллера, тем более что завод сиял огнями своих мощных прожекторов.

Видя, что партии неравны, деспот решил дать ток на рассвете 10 апреля. Он позвонил Марселю Камарэ, и гости инженера снова слышали, как директор говорил «да», «нет», «хорошо», потом, как и накануне, рассмеялся и прекратил разговор.

Он сообщил, что Гарри Киллер предложил соглашение. Условились, что Киллер снова даст ток со станции, завод же будет оказывать обычные услуги Блекланду. Но соглашение ничуть не меняло общего положения. Мир устанавливался только в границах договора, в остальном продолжалась война. Гарри Киллер попрежнему настаивал на выдаче пленников, а Марсель Камарэ отказывался их выдать.

В конце разговора Гарри Киллер просил инженера снабдить его жидким воздухом для планеров, так как у него не оставалось ни капли и его сорок машин сделались бесполезными.

Марсель Камарэ, не желая растрачивать своих запасов энергии и снабжать врага самым мощным оружием, отказал наотрез. Деспота охватила жестокая злоба, и он поклялся укротить завод голодом. Тогда-то инженер бросил трубку, смеясь над этой угрозой. Остальные, наоборот, приняли ее весьма серьезно. Если завод был неприступен благодаря средствам защиты, изобретенным Камарэ, то он был гораздо беднее средствами нападения, а кроме того Камарэ не хотел пользоваться даже теми, какие имелись в его распоряжении. В таких условиях осада может длиться бесконечно, и придет день, когда голод заставит завод сдаться.

Камарэ, которому Барсак изложил свои опасения, пожал плечами.

– Провизии нам хватит надолго, – уверил он.

– На какое же время? – настаивал Барсак.

– Я не знаю точно. Дней на пятнадцать, может быть, на три недели. Но это совершенно неважно, так как через сорок восемь часов мы кончим планер, находящийся у нас в постройке. Я вас приглашаю на испытания, которые мы произведем двенадцатого апреля, ночью, чтобы не видали из дворца.

Это было радостное и притом неожиданное известие. Планер в огромной степени улуч-

шал положение. Все же принесет ли он им спасение?

— На заводе сто человек, — заметил Барсак. — Ваш планер не сможет увезти всех.

— Он подымает десять, — ответил Камарэ, — и это уже неплохо. Отсюда триста пятьдесят километров до Сэя и семьсот — до Тимбукту. Так как мы будем летать ночью, чтобы избежать торпед, планер может делать по три полета в Сэй или по два в Тимбукту. Сто пятьдесят человек населения завода, считая женщин и детей, будут освобождены в пять суток в первом случае и в восемь — во втором.

Сообщение об этом плане, вполне реальном, уменьшило страх, который породили угрозы Гарри Киллера, и все с нетерпением стали ждать его выполнения.

Два дня показались осажденным бесконечными. Они старались, как могли, убить время и часто прогуливались в саду под защитой стен. Час за часом прошли десятое и одиннадцатое апреля. Один случай, впрочем, неважный, нарушил монотонность этого последнего дня. Около пяти часов дня Камарэ доложили, что насос, подающий воду из реки в резервуар, не работает. По приказу инженера занялись ремонтом клапанов. Речь, впрочем, шла о незначительной работе, которая закончилась менее, чем в двое суток.

На рассвете третьего дня окончилось это нервное ожидание. Никто не пропустил зрелища несмотря на ранний час. Когда собрались в саду, планер уже был перенесен туда рабочими.

Инженер поднялся на платформу и пустил мотор. Прошло несколько минут, очень длинных для зрителей, боявшихся разочарования. Но скоро они успокоились.

Аппарат поднялся без усилий, потом, распустив крылья, пронесся по воздуху и вернулся туда, откуда отправился. Марсель Камарэ, посадив на планер десять человек, поднялся снова и сделал три круга над садом. Испытания были закончены.

— Сегодня, в девять часов вечера, отправляется первая партия, — заявил Камарэ, спускаясь с платформы.

И все было забыто: осада, плен, все эти дни беспокойства и тоски. Через несколько часов кошмар окончится. Они будут свободны. Все поздравляли друг друга. Механики поместили планер в ангар, чтобы приготовить его к предстоящему ночному полету в Тимбукту.

Обычные работы на заводе не прекращались. Двенадцатого закончили разборку насоса; в нем не оказалось никаких поломок, и оставалось лишь собрать его снова. В восемь с половиной часов вечера совсем стемнело, и Марсель Камарэ дал сигнал к отправлению. Уже задолго до этого восемь пленников и две женщины, жены рабочих, ожидали в саду, откуда должен был вылететь планер. Повинуясь приказу начальника, дюжина механиков направилась к ангару. Они уже открыли дверь...

И в этот момент произошла катастрофа. Раздался ужасающий взрыв. Ангар развалился, как карточный домик. На его месте была куча обломков.

После минуты вполне понятного оцепенения все бросились на помощь рабочим. К счастью, лишь один из них был легко ранен, остальные остались невредимы, так как еще не успели войти в ангар.

Но, хотя никого не пришлось оплакивать, все же осажденных постигло огромное несчастье, непоправимая беда. Планер разлетелся на мелкие кусочки.

— Риго, — сказал Камарэ со спокойствием, которое не покидало его в самых серьезных обстоятельствах, — надо разобрать обломки и выяснить причину взрыва.

Рук было много, и работа пошла быстро. К одиннадцати часам вечера почва была расчищена и обнаружилась глубокая яма.

— Это динамит, — холодно сказал Камарэ. — Но он ведь не мог придти сам!

Пятна крови на обломках показывали, что при взрыве были жертвы; работа продолжалась. Скоро появились зловещие находки. Около полуночи нашли оторванную ногу негра, потом жестоко изуродованную руку и, наконец, голову.

Амедей Флоранс, как хороший репортер, внимательно следил за работой; он тотчас узнал мрачную находку.

— Чумуки! — вскричал он.

Все об'яснилось. Чумуки был виновником и первой жертвой взрыва. Оставалось узнать, как он проник на завод. Ведь тем же путем могли проникнуть и другие. Нужно было отбить охоту к этому у противников и поразить их страхом. С этой целью жалкие останки Чумуки по приказу Камарэ были переброшены через стену на эспланаду, где их найдут люди Гарри Киллера. Они узнают, что вход на завод грозит опасностью. Разборка обломков продолжалась.

— Вот еще один! — внезапно вскричал рабочий.

Марсель Камарэ приблизился. Среди камней показалась человеческая нога. Скоро было отрыто все туловище. Это был белый средних лет, плечо его было раздроблено. Доктор Шатоннэй наклонился к раненому.

— Он жив! — сказал он.

Человек был перенесен к Камарэ, где доктор сделал ему перевязку. Назавтра его допросят, если он будет в силах говорить.

Разборка обломков закончилась. Рабочие пошли на отдых. Инженер и его гости также направились к себе. Через несколько шагов Амедей Флоранс остановился и спросил Камарэ:

— Что же мы теперь будем делать без планера?

— Построим другой. Материалы есть.

— А сколько времени на это потребуется?

— Два месяца.

— Гм!.. — просто сказал Флоранс и задумался.

Два месяца! А у них было провизии на пятнадцать дней.

X. Идея репортера Флоранса

Мало кто сомкнул глаза в последние часы ночи. Положение обсуждалось со всех сторон, но никто не видел выхода. Сам Марсель Камарэ ничего не мог придумать, кроме постройки нового планера: но было бы самообманом возлагать надежды на аппарат, изготовление которого потребует двух дол-

гих месяцев, когда провизии всего на пятнадцать дней.

Вдобавок, после тщательной проверки оказалось, что они располагают провизией не на пятнадцать, а всего только на девять—десять дней. Уже в конце апреля они будут страдать от голода. Чтобы оттянуть неизбежный конец, решено было немедленно перейти на порции.

После завтрака, отличавшегося в этот раз крайней скромностью, Марсель Камарэ, сопровождаемый гостями, внезапное вторжение которых стоило ему так дорого, отправился к раненому.

— Кто вы такой? — спросил Марсель Камарэ.

— Фергус Давид.

— Это кличка. Скажите вашу настоящую фамилию.

—Даниэль Фран.

— Национальность?

— Англичанин.

— Ваше положение в Блекланде?

— Советник. Так называют тех, кто правит вместе с Киллером.

— Давно вы здесь?

— С самого начала.

— Вы знали Киллера прежде?

— Да. Я познакомился с ним в отряде капитана Бакстона.

Жанна задрожала, услышав эти слова; судьба посылала ей нового свидетеля.

— В отряде Бакстона? — повторил Камарэ. — А почему я вас не узнал?

— Наверное, я очень изменился, — с философским равнодушием заметил раненый.— И все же я был с вами, господин Камарэ.

Жанна Бакстон не могла выдержать и вмешалась:

— Вы были в отряде Бакстона, когда туда явился Киллер?

— Да.

— Почему капитан Бакстон так легко его принял?

— Не знаю.

— Правда ли, — продолжала Жанна, — что со дня, когда Гарри Киллер явился в отряд, он стал настоящим начальником?

— Правда, — ответил Фран, изумленный, что его допрашивают о таких давних событиях.

— Это по приказу Гарри Киллера отряд Бакстона занялся жестокостями, которые потом привели его к разгрому?

— Да.

— Капитан Бакстон к этому непричастен?

— Нет.

— Вы слышите, господа? — сказала Жанна, поворачиваясь к своим компаньонам.—Почему же капитан Бакстон уступил власть Гарри Киллеру?

— Откуда я могу это знать? — нетерпеливо возразил Фран.

Казалось, он был чистосердечен. Жанна перестала настаивать.

— Знаете ли вы, по крайней мере, какова была смерть капитана Бакстона?

— Он погиб в битве, — с полной уверенностью ответил Фран. — Многие другие пали с ним.

Жанна Бакстон вздохнула.

— Я кончила, — сказала она.

Инженер возобновил допрос:

— Как вначале достали негров, строивших город?

Фран широко открыл глаза. Что за глупый вопрос!..

— Чорт побери! В деревнях, конечно.

— Каким образом?

Фран поднял здоровое плечо:

— Это насмешка!.. Точно вы не знаете! Их забирали, вот и все.

— Ага! — сказал Камарэ и опустил голову с подавленным видом. — А машины, которые нужны были вначале... Откуда они?

— С луны, понятно, — язвительно сострил Фран.

— Они прибыли из Европы?

— Ясно.

— А как их доставили?

— Очевидно, не по воздуху. Господин Камарэ, это смешные вопросы! Машины прибыли на пароходах.

— А где их выгрузили? — спокойно продолжал Камарэ.

— В Котоноу.

— Но ведь от Котоноу до Блекланда далеко. Как их перевезли сюда?

— На верблюдах, лошадях, быках, неграх,— лаконически ответил Фран, терпение которого истощилось.

— В продолжение этого пути, я думаю, умерло много негров?

— А мне неинтересно было считать их, — проворчал Фран.

Камарэ перешел к другой теме:

— За машины надо было платить?

— Чорт! — сказал Фран, который находил вопросы все более нелепыми.

— Значит, в Блекланде есть деньги?

— Денег-то хватает.

— Откуда они?

Фран потерял терпение:

— Зачем вы спрашиваете о том, что должны знать лучше меня? Ведь планеры сделаны не для забавы! Вы знаете, что время от времени они перевозят Гарри Киллера и других на Биссагоские острова, откуда они едут на пароходе в маленькую прогулку по Европе, а чаще всего по Англии. Ну, а вы знаете, что в Европе есть банки, богатые старушки и куча людей, которым выгодно нанести визит... без приглашения.

— Эти поездки случались часто? — спросил Камарэ, лицо которого покраснело от стыда.

— Три—четыре раза в год. Последняя была месяца четыре назад.

— Кого посетили на этот раз?

— Не знаю. Я не был с ними. Кажется, банк. Но знаю, что никогда еще не было подобной удачи.

Камарэ помолчал. Казалось, он сразу постарел на десять лет.

— Последнее слово, Фран, — сказал он. — Сколько негров работает на полях?

— Тысячи четыре. Может быть, и больше. И тысячи полторы женщин.

— Их достают так же, как и прежде?

— Нет, — ответил Фран самым естественным тоном.—Теперь, когда есть планеры, их увозят.

— Ага! — сказал Камарэ. — Ну, а как вы вошли сюда?

Фран поколебался. Вопрос был серьезный. Все же ему пришлось ответить:

— Через резервуар. Третьего дня закрыли щиты в реке, чтобы вы не могли поднимать воду, и опорожнили дворцовый резервуар. Резервуар завода также опустел, а он сообщается с нашим посредством прохода под эспланадой. Вот этим ходом мы и прошли с Чумуки.

За несколько часов до этого инженер узнал, что насос снова заработал. Он понял, что Гарри Киллер, на которого подействовала гибель Чумуки, открыл щиты, и вода пошла, как обычно.

— Хорошо. Благодарю вас, — сказал Камарэ, выяснивший все, что ему надо было знать.

Тринадцатое и четырнадцатое апреля прошли без новых происшествий. Блокада была строгой. Кругом, на набережной, на эспланаде, были посты Веселых Парней, наблюдавшие за заводом, откуда никто не мог выйти. Ничто не предвещало, что это положение изменится вплоть до момента, когда голод заставит осажденных сдаться.

После гибели планера Амедей Флоранс все время искал способа выпутаться из затруднения. Идея пришла к нему вечером четырнадцатого апреля. Утром пятнадцатого он долго совещался с Тонганэ, а потом пригласил своих друзей отправиться с ним к инженеру.

Камарэ, запершись у себя, в уединении болезненно переживал открывшуюся ему истину. Он понял, что Блекланд был основан и держался на насилии, воровстве и убийствах. Он узнал теперь постыдное происхождение золота, благодаря которому была осуществлена его работа.

И он был соучастником бесчисленных преступлений! Не он ли несмотря на свою безгрешность доставил средства для их выполнения? Думая о своей жизни за эти десять лет, он испытывал ужас, и его уже колеблющийся рассудок слабел. Он начинал ненавидеть Блекланд, воздвигнутый им для своей славы.

Амедей Флоранс и его товарищи нашли Камарэ погруженным в мрачные мысли. Утонувший в кресле, неподвижный, с остановившимся взглядом, он, казалось, лишился последних сил. Впрочем, он уже двое суток ничего не ел.

Такой собеседник не подходил Флорансу, который желал видеть перед собой прежнего искусного инженера. По его приказу Тонганэ принес пищу, которую предложили Камарэ. Тот послушно с'ел, и кровь прилила к его бледным щекам.

— Мне пришла мысль, как выбраться из нашего безвыходного положения, — начал Флоранс. — Мы можем обеспечить себе помощь многочисленных союзников, которые у нас под рукой.

— Каких союзников? — одновременно спросили Барсак и Шатоннэй.

— Негров из невольничьего квартала. Ведь их четыре тысячи, не считая женщин. Вот сила, которой нельзя пренебрегать.

— Правильно, — сказал Барсак, — но эти негры безоружны и даже не знают о нашем существовании.

— А поэтому, — ответил Флоранс, — надо войти с ними в переговоры и вооружить их.

— Кто же пойдет к этим неграм? — спросил Барсак.

— Такой же негр, как и они, — Тонганэ.

— Но ведь завод осажден! Если он появится, его встретит туча пуль.

— Ну, он не должен выходить через дверь. Ему надо выбраться ночью в поле, смешаться с толпой черных и войти с ними в город. Господин Камарэ, нельзя ли просверлить туннель под стенами завода и города, туннель, который прошел бы под дорогой для караула и окончился бы в поле?

— Без сомнения, — ответил Камарэ, поднимая голову.

— Сколько времени потребует эта работа?

— В обычных условиях это затянется надолго, — подумав, сказал Камарэ. — Но можно сэкономить время посредством машины, которую я сейчас придумываю и которая даст хорошие результаты в этой песчаной почве. Чтобы сделать машину и пройти туннель, достаточно будет пятнадцати дней.

Как только перед Камарэ оказалась техническая задача, он почувствовал себя в своей стихии. Мозг его уже заработал, взгляд оживился.

— Еще вопрос, — сказал Флоранс. — Туннель не займет всех ваших людей?

— Их еще останется достаточно.

— Не могут ли свободные от работы изготовить за тот же срок оружие в количестве трех — четырех тысяч штук: пики, ножи, топоры, дубины, всякие колющие, режущие и дробящие инструменты?

— Это возможно, — ответил Камарэ.

— А сможете ли вы переправить в назначенный день это оружие в невольничий квартал так, чтобы этого не заметили люди Гарри Киллера?

— Это труднее, — безмятежно отвечал Камарэ, — но можно сделать в темную ночь.

Амедей Флоранс вздохнул с облегчением.

— Тогда мы спасены! — вскричал он. — Вы понимаете, господин Камарэ, Тонганэ выйдет через туннель и смешается с черными рабами. Ночью он подготовит восстание. Эти несчастные только и ждут случая сбросить ярмо. Получив оружие, они не станут колебаться. Надо начинать работу!

— Я начал, — спокойно ответил инженер, уже усевшийся у чертежного стола.

Постройку начатого было планера забросили, и все рабочие занялись кто изготовлением оружия, кто постройкой новой туннельной машины; некоторые зачем-то высверливали толстое бревно, и, наконец, еще одна партия рыла у подножия стены широкий колодец.

Двадцать первого апреля колодец достиг глубины десяти метров; Камарэ счел это достаточным, и началась проходка горизонтальной галереи. Инженер изобрел стальной конус около пяти метров длиной и метр тридцать сантиметров в диаметре, на поверхности его правильно чередовались по винтовой линии возвышения и прорезы. Электромотор заставлял вращаться этот ин-

струмент, который, проникая в рыхлую почву, буквально ввинчивался в нее; песок сыпался внутрь конуса через отверстия и удалялся через колодец.

Когда этот гигантский винт проник в почву, которую сам же и поддерживал, к нему присоединили цилиндр такого же диаметра, толкаемый мощными домкратами. Таким образом, готовый горизонтальный туннель будет представлять металлическую трубу длиной около восьмидесяти метров. Когда же он будет закончен, останется, пользуясь конусом меньших размеров, просверлить вертикальный ход к поверхности земли.

Пока выполнялись эти работы, Камарэ нигде не было видно. Он появлялся с мрачным и рассеянным видом лишь для разрешения какой-нибудь сложной технической проблемы и снова скрывался в свое жилище.

Туннель был окончен в назначенный срок. На рассвете тридцатого апреля восемьдесят метров трубы были проложены, и осталось только прорыть выходной колодец; эту работу надо было кончить до восхода солнца.

И пора было: уже с двадцать седьмого апреля провизия была на исходе, и порции, и без того недостаточные, были еще уменьшены.

Настроение заводского персонала понемногу менялось. Работали для спасения жизни усердно, но лица были сумрачны, и рабочие часто обменивались словами, полными горечи. Они уже начали терять доверие к начальнику, которому еще недавно приписывали сверх'естественную силу. Да, этот волшебник несмотря на свой гений не мог помешать им умирать с голоду! Обаяние его меркло.

С другой стороны, по заводу начала гулять легенда, начало которой крылось в нескольких словах о Жанне Бакстон, сказанных Камарэ во время первого выступления, перед разрывом с дворцом. В то время увлечению Гарри Киллера его пленницей не придали большого значения. Но по мере того, как положение ухудшалось и истощение ослабляло рассудок осажденных, эту фантазию Гарри Киллера стали выдвигать на первый план.

Многие осажденные стали считать бесспорным, что они страдают, переносят осаду и голодовку исключительно из-за прекрасных глаз мисс Бакстон. Если бы она сдалась, был бы немедленно заключен мир. Жертвы, приносимые ста пятидесятью человеками ради спасения одной, казались чрезмерными.

Жанна Бакстон знала об этом повороте настроения: по некоторым уловленным словам, по мрачным взглядам она отгадала их враждебность и поняла, что они считают ее ответственной за опасности, которым подвергаются.

Хотя она была далека от мысли приписывать себе такое большое значение, все же это единодушие влияло на нее, и мало-помалу она сама начала склоняться к мысли, что если она сдастся Гарри Киллеру, эта жертва, быть может, освободит других осажденных.

Без сомнения, жизнь ее будет ужасна возле человека, которого она подозревала в убийстве брата. Но ведь обвинение не было доказано, и кроме того, если не хватит сил, она может найти убежище в смерти. Наконец, это был ее долг, каким бы жестоким он ей ни казался.

Эта идея так овладела ею, что она не могла удержаться и открыла ее друзьям. Она обвиняла себя в трусости и говорила о сдаче Гарри Киллеру при условии, что он обеспечит безопасность остальных. Слушая ее, бедный Сен-Берен плакал.

— Вы хотите обесчестить нас, мадмуазель! — с негодованием кричал Амедей Флоранс. — И обесчестить бесполезно! Гарри Киллер слишком уверен, что получит нас всех, и не продаст этого удовольствия по дешовке. Да он и не сдержит своих обещаний, если даже их даст!

Барсак, доктор Шатоннэй и даже Понсэн заговорили хором, и Жанна отказалась от своего благородного, но бессмысленного проекта.

Впрочем, теперь, когда туннель был кончен, проект этот отпадал сам собой. Через несколько часов Тонганэ скроется и на следующий день даст сигнал к восстанию и освобождению заключенных. После полудня началось сверление вертикального колодца, к полуночи труба вышла на свежий воздух, и верный Тонганэ исчез во тьме.

Вертикальная труба была убрана, и песок засыпал узкий колодец.

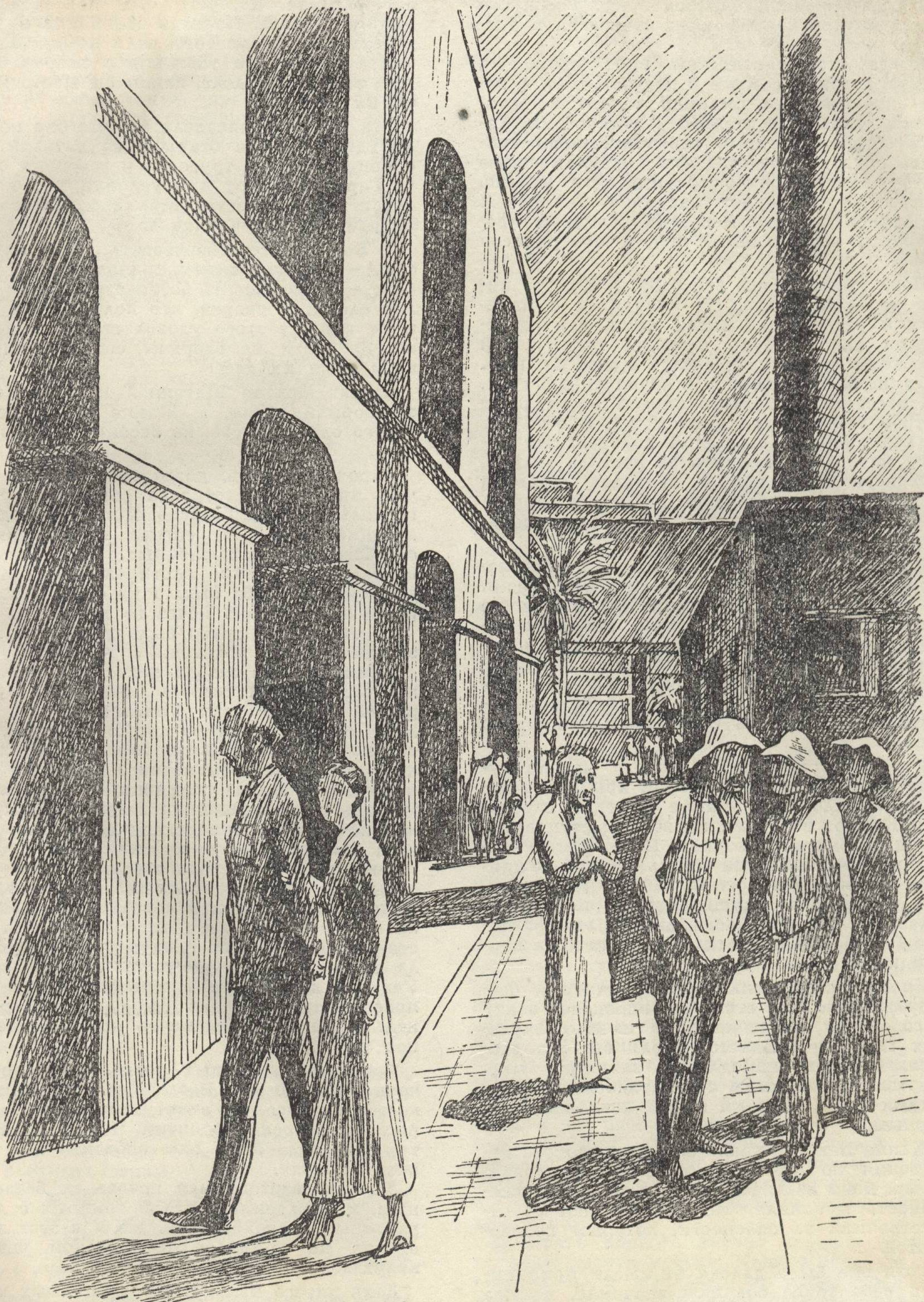
Прямо против завода находился угол стены, отделяющей квартал белых от квартала рабов. С этого угла Тонганэ должен был дать сигнал к отправлению оружия, как только ему представится благоприятный случай. И уже вечером первого мая туда были направлены взоры осажденных, которые собрались на возвышенной площадке, устроенной по приказу Камарэ над жилищами рабочих, ближайшими в Красной Реке.

Но, как и предполагалось, в этот день ожидание было напрасным. Допуская, что Тонганэ даже попал в невольничий квартал, он еще не имел времени организовать восстание. Однако и на следующий день сигнала не было. На заводе начали беспокоиться. Успокоили себя лишь тем, что в эту ночь ярко светила полная луна и, все равно, нельзя было переправлять оружие, сложенное на площадке.

Тревога осажденных росла. Третьего мая ночь была темная. Бездействие Тонганэ было тем опаснее, что в этот день были с'едены последние крохи провизии. Через два, много три дня надо было или победить или умереть с голоду.

День четвертого мая показался бесконечным, и осажденные ждали темноты с лихорадочным беспокойством. Но и в этот вечер сигнал не появился над стеной черного квартала.

День пятого мая прошел при самых мрачных предзнаменованиях. Постились уже третий день, и желудки сжимались от голода. Мастерские были пусты. Рабочие, их жены и дети угрюмо бродили по двору завода; обменивались словами, полными горечи, и

Проходя мимо одной из групп, Жанна Бакстон услышала свое имя.

без стеснения обвиняли Тонганэ в том, что он забыл тех, кого обещал освободить. Чорт возьми! Он не так глуп, чтобы заботиться о них.

Проходя мимо одной из групп, Жанна Бакстон услышала свое имя.

— Пусть говорят, что угодно! — кричал мужчина, не беспокоясь, слушают его или нет. — Это — безобразие — терпеть такие вещи из-за этой вертушки! Уж если бы это только зависело от меня!

— Тебе не стыдно так говорить? — спросила его женщина.

— Стыдно? Ты смеешься, матушка! У меня ребенок, и он просит есть!!

— А ты думаешь, у меня нет ребят?

— Если хочешь, чтобы твои умирали с голоду, дело твое. Но если завтра мы будем еще здесь, я пойду к хозяину, и мы с ним потолкуем. Нельзя же оставаться в таком положении для удовольствия этой барышни, чтобы ее чорт побрал!

— Ты просто трус! — с негодованием вскричала женщина.

Жанна Бакстон зашаталась, пораженная прямо в сердце. Вот как о ней говорят! В глазах этих несчастных она единственная причина их страданий! Эта мысль была для нее невыносима. Но как убедить их, что они ошибаются?

Час за часом, минута за минутой день пятого мая, наконец, прошел. Солнце село. Пришла ночь. Уже в третий раз после ухода Тонганэ густые тучи скрывали луну. Воспользуется ли он этим благоприятным обстоятельством и даст ли долгожданный сигнал?

Никто уже не надеялся, и, однако, все глаза, как и каждый вечер, были устремлены на угол стены, где должен был появиться сигнал.

Семь часов... Восемь часов... Восемь с половиной пробило на часах завода. Ждали напрасно.

Несколько минут спустя после половины девятого по взволнованной толпе осажденных пробежала дрожь. Нет, Тонганэ не покинул их! Над стеной черного квартала показался сигнал.

Нельзя было терять ни секунды. По приказу Камарэ, на вышку было принесено странное сооружение. Это была деревянная пушка. В ее ствол был вложен снаряд, и сжатый воздух выбросил его в пространство.

Снаряд пронесся над набережной, рекой, кварталом Веселых Парней и упал в невольничьем квартале, увлекая за собой стальную проволоку с крючком, который должен был зацепиться за верхушку стены.

Камарэ стал осторожно вращать барабан, на который была намотана проволока. Скоро он почувствовал сопротивление. Попытка увенчалась успехом. Между осажденными и невольниками пролегла воздушная дорога.

По этой дороге немедленно началась транспортировка оружия. Сначала пакет со взрывчатыми веществами, потом четыре тысячи ножей, топоров, пик были посланы друг за другом. Около одиннадцати часов операция была закончена. Все покинули площадку и, вооружившись чем попало, столпились у большой двери. Сбившись в плотную группу, с женщинами в центре, они ждали удобного момента для выступления.

Но в этой группе недоставало одной женщины — Жанны Бакстон. Сен-Берен, Амедей Флоранс, доктор Шатоннэй напрасно выкрикивали ее имя, напрасно искали ее во всех уголках завода. Им пришлось примириться с фактом.

Жанна Бакстон исчезла.

XI. Что было за дверью

Жанна Бакстон в самом деле ушла; она вышла через дверь, закрытую только на засов. Часовой у циклоскопа видел молодую девушку, покинувшую завод, но не узнал ее. Инструкции предписывали ему избегать ненужного кровопролития, и он не стал пускать против нее ос. Заводская набережная отделялась от эспланады стеной; в стене была железная дверь, обычно закрытая, но со времени начала враждебных действий постоянно остававшаяся открытой.

Жанна Бакстон убежала в припадке подлинного безумия. Мысль, что все считают ее причиной общего несчастья, была ей ужасна. Но что, если они правы? Если она единственная добыча, которую Киллер надеется получить в борьбе? Тогда всякое промедление преступно, и она упрекала себя за то, что так долго колебалась. Она спешила ко дворцу, прижимаясь к стене, ярко освещенной прожекторами завода.

Веселые Парни, стоявшие на постах, ее заметили. Но и они не сочли нужным употребить оружие против одинокой фигуры, которая к тому же могла принадлежать их партии.

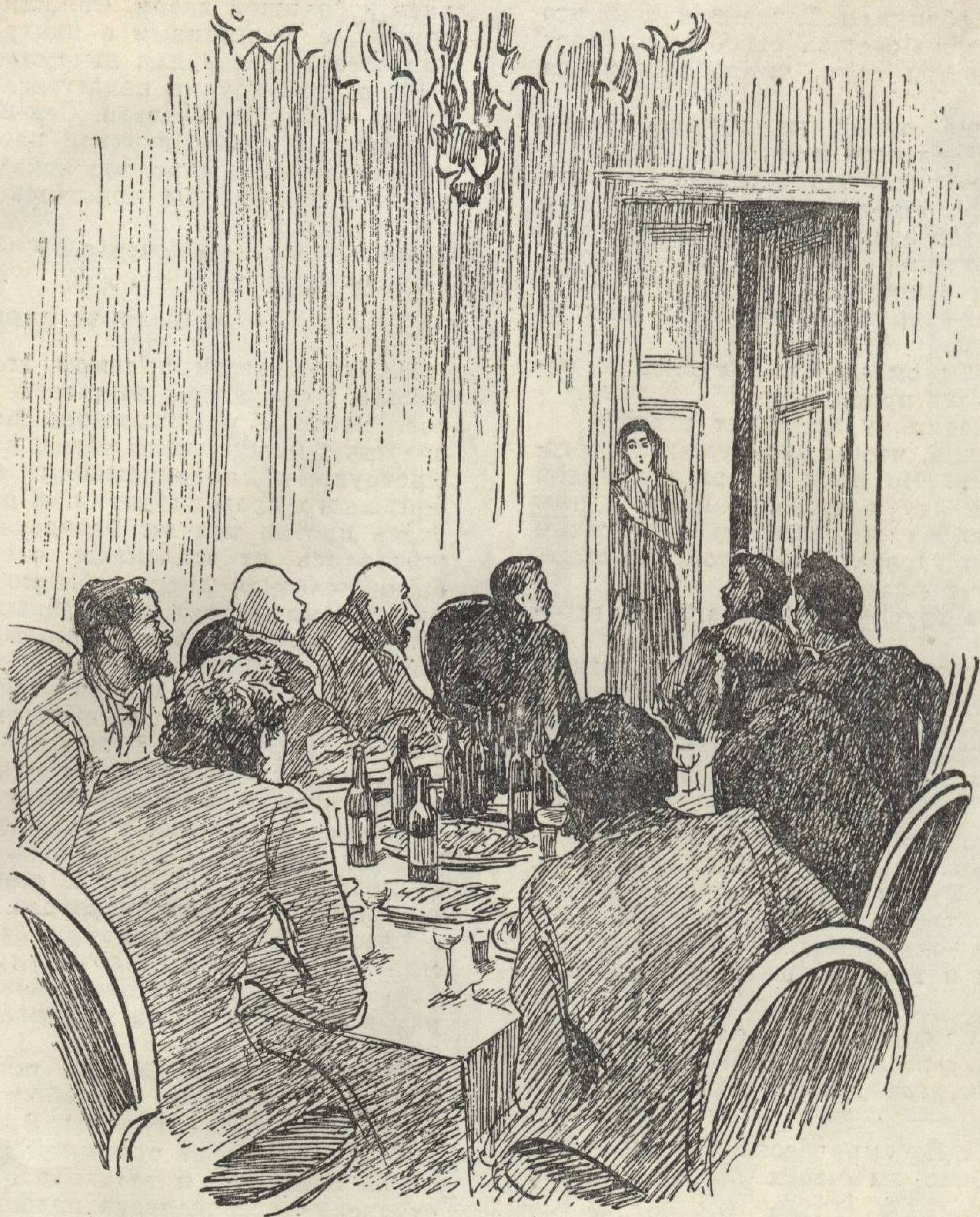
Миновав стену, Жанна пошла через обширную эспланаду, не обращая внимания на попадавшиеся группы Веселых Парней. Ее смелость была причиной того, что никто ее не задержал, и только в двадцати шагах от дворца два человека подошли к ней. Эти люди ее узнали и вскрикнули от удивления. Не зная ее намерений, но помня о благосклонности к ней начальника, они пропустили ее и даже проводили до дворца и открыли перед ней дверь.

Дверь захлопнулась, лишь только Жанна переступила порог. Отныне она была в полной власти Гарри Киллера и не могла надеяться на чью-либо помощь.

Во дворце ее прибытие вызвало изумление. Черный слуга поспешил проводить ее к Киллеру. Она прошла за слугой по лестницам и коридорам и вошла в ярко освещенную комнату, которую тотчас же узнала: это была «тронная зала». За столом, уставленным бутылками и стаканами, развалился Гарри Киллер. Вокруг него в небрежных позах сидели восемь человек с грубыми физиономиями. Гарри Киллер развлекался со своими советниками.

Заметив молодую девушку в рамке двери, эти полупьяные люди закричали от изумления: ничто не могло их удивить больше, чем это внезапное появление одной из осажденных.

— Мадмуазель Морна! — вскричали они, шумно поднимаясь.

Заметив молодую девушку в рамке двери, полупьяные люди закричали от изумления.

— Одна? — спросил Гарри Киллер, бросая беспокойный взгляд по направлению к коридору.

— Одна, — дрожащим, но твердым голосом ответила Жанна Бакстон.

Ноги ее ослабли, и ей пришлось опереться на косяк двери.

Пораженные люди долго молча смотрели на молодую девушку. Ее приход был необыкновенным событием. Она же под этими взглядами понемногу теряла уверенность и начинала горько сожалеть о своей смелой выходке.

— Вы пришли оттуда? — спросил, наконец, заплетающимся языком Гарри Киллер, показывая пальцем в направлении завода.

— Да, — пробормотала Жанна Бакстон.

— Зачем вы явились сюда?

Тон голоса был не из приятных. Значит, они ошибались, бедные, изголодавшиеся рабочие, возлагая на нее всю ответственность за свои несчастья; более, чем когда-либо, она испугалась, что ее самоотречение не улучшит их судьбу.

— Я пришла сдаться, — прошептала она.

— Так! Так! — насмешливо сказал Гарри Киллер и повернулся к своим компаньонам: — Оставьте нас!

Восемь советников поднялись и, покачиваясь, направились к двери. Гарри Киллер задержал их жестом и обратился к Жанне Бакстон:

— Я вас не спрашиваю о Чумуки; мы нашли его куски. Но что с другим?

— Это не мы убили Чумуки, — ответила Жанна. — Он погиб при взрыве планера. Его спутник ранен. О нем заботятся на заводе.

— А планер?

— Уничтожен.

Гарри Киллер, довольный, потер руки, а восемь советников исчезли.

— Итак вы сдаетесь? — спросил он свою пленницу, когда они остались одни. — А почему же вы сдаетесь?

— Чтобы спасти других.

— Непостижимо! — вскричал Гарри Киллер издеваясь. — Те, другие, дошли до крайности?

— Да, — призналась Жанна, опустив глаза.

Гарри Киллер в порыве радости налил полный стакан и выпил одним духом.

— Дальше? — сказал он.

— Вы хотели на мне жениться, — пробормотала Жанна, покрываясь румянцем стыда. — Я согласна, но с условием, чтобы возвратили свободу остальным.

— Условия! — вскричал пораженный Гарри Киллер. — Вы думаете, что можете их ставить, моя крошка?! Завтра или послезавтра я возьму завод и вас вместе с ним. Вы сегодня могли не приходить. Я подождал бы еще денек, — он встал и, качаясь, пошел к ней. — У вас много самоуверенности... Условия, чтобы стать моей женой! Ха-ха! Вы будете моей женой, когда я этого захочу. Нет, в самом деле, кто мне может помешать, хотел бы я знать?

— Можно умереть, — ответила Жанна.

— Умереть? — повторил Гарри Киллер, остановленный этим словом, произнесенным с холодной энергией. — Умереть... — снова сказал он, нерешительно почесывая подбородок, потом, после новой паузы, воскликнул, охваченный новой мыслью: — Ба! Завтра увидим... А пока будем веселиться! — он протянул ей стакан: — Пить!

Стаканы следовали за стаканами. Через четверть часа Гарри Киллер храпел.

Молодая девушка снова имела в своей власти это животное, убийцу брата. Она могла ударить его в сердце тем же оружием, которым он поразил Джорджа Бакстона. Но к чему? Не уничтожит ли она последнюю надежду помочь тем, ради кого она сюда пришла?

Она долго смотрела в задумчивости на спящего деспота. Но внезапная боль заставила ее побледнеть. Голод, повелительный, жестокий голод терзал ей внутренности. Жанна осторожно открыла дверь, через которую ушли советники, и в соседней комнате увидела стол с остатками обеда. Она бросилась к столу и, схватив наугад несколько кусков, с жадностью проглотила их. По мере того как она ела, жизнь возвращалась в ее истощенный организм, она согревалась, сердце ее билось сильнее, к ней возвращались физические и моральные силы.

Подкрепившись, она вернулась в залу, где оставила Гарри Киллера. Он все еще спал и громко храпел. Жанна Бакстон села перед ним, решив дождаться его пробуждения.

Прошло несколько минут. Гарри Киллер пошевелился, и что-то покатилось на пол. Жанна наклонилась и подняла предмет, выпавший из кармана спящего. Это был маленький ключ. При виде этого ключа она вспомнила постоянные отлучки Гарри Киллера, вспомнила, как ей хотелось узнать, что там, за дверью. И вот случай дает ей возможность удовлетворить свое любопытство. Искушение было слишком сильным.

Легкими шагами она приблизилась к двери и вставила ключ в замочную скважину. Дверь бесшумно открылась. За ней была лестница в нижние этажи. Осторожно прикрыв за собой дверь и ступая на цыпочках, Жанна Бакстон стала спускаться по лестнице, слабо освещенной единственной лампочкой.

Лестница привела ее в подвальный этаж. Жанна в нерешительности остановилась на пороге вестибюля. Негр-часовой, сидевший на диванчике, шумно вскочил при ее появлении. Жанна тотчас успокоилась: часовой не имел враждебных намерений, наоборот, он почтительно прислонился к стенке, чтобы дать пройти ночной посетительнице. Она поняла причину этого неожиданного уважения, когда узнала в часовом человека из Черной Стражи. Негр часто видел ее во дворце и был убежден в ее влиянии на Господина.

Она твердым шагом подошла к запертой двери и вставила ключ в замочную скважину. И эта дверь открылась перед ней, как и первая. Жанна оказалась в длинном коридоре, где направо и налево была дюжина дверей. Все они, кроме одной, были открыты. Жанна Бакстон окинула взглядом ближайшие комнаты, вернее, камеры, без свежего воздуха и света, меблированные лишь столом и жалким ложем. Камеры были пусты.

Оставалась одна закрытая дверь. Жанна Бакстон в третий раз пустила в ход тот же ключ, и дверь открылась. Она сначала ничего не разглядела в комнате, там царил мрак. Потом ее глаза привыкли к темноте, она увидела смутную тень и услышала ровное дыхание спящего.

Точно предчувствуя каким-то сверх'естественным образом удивительное открытие, которое ей предстояло, Жанна ослабела. Трепещущая, с бьющимся сердцем, без сил, она оставалась на пороге, а ее взгляд напрасно пытался проникнуть во тьму. Наконец, она вспомнила, что в коридоре, у двери, есть выключатель, и повернула его.

Какое неожиданное и ужасное потрясение испытала Жанна Бакстон!

Если бы она нашла в этой подземной тюрьме одного из тех, кого только что оставила на заводе, если бы даже нашла там своего брата Джорджа Бакстона, в смерти которого была уверена десять лет, она не была бы так поражена.

Пробужденный внезапным светом, человек поднялся на кровати. Одетый в лохмотья, сквозь дыры которых просвечивало тело, покрытое бесчисленными ранами, худой, как скелет, он с трудом пытался распрямиться, поворачивая к свету расширенные от страха глаза. Но несмотря на эти ужасные следы долгих пыток, несмотря на изможденное лицо, несмотря на бороду и всклокоченные волосы Жанна Бакстон не могла обмануться и без колебаний узнала несчастного узника.

В глубине блекландской темницы она нашла того, кого оставила шесть месяцев назад в Англии за мирным трудом. Этот человеческий обломок, это замученное существо был ее брат Роберт-Льюис Бакстон!

Жанна была охвачена суеверным ужасом. Она оставалась недвижимой и немой.

— Льюис! — воскликнула она, наконец, устремляясь к несчастному брату, который бормотал с растерянным видом:

— Жанна! Ты здесь! Здесь!

Они упали друг другу в об'ятия и долго рыдали.

— Жанна! — прошептал, наконец, Льюис.— Как могло случиться, что ты пришла ко мне на помощь?

— Я расскажу потом,— ответила Жанна.— Поговорим о тебе. Об'ясни мне...

— Я ничего не могу сказать! — вскричал Льюис с жестом отчаяния.— Я ничего не помню. Тридцатого ноября в моем кабинете я был оглушен жестоким ударом. Я очнулся связанный, с заткнутым ртом, в каком-то ящике. Меня перевозили, как багаж, двадцатью разными способами. В какой я стране? Не знаю... Вот уже четыре месяца, как я не покидаю этого каземата, и каждый день мое тело терзают щипцами, меня бьют бичом...

— О! Льюис! Льюис! — застонала Жанна, рыдая.— Но кто же этот палач?

— Это — самое худшее...— начал Льюис.— Ты даже не отгадаешь, кто предается таким жестокостям, это...— Льюис внезапно замолк.

Его протянутая рука указывала на что-то в коридоре, а глаза выражали неописуемый ужас.

Жанна посмотрела на дверь. Она побледнела, и рука ее вытащила из-за корсажа оружие, найденное в могиле брата. Перед ними стоял Гарри Киллер.

XII. Гарри Киллер

— Гарри Киллер! — вскричала Жанна.

— Гарри Киллер? — спросил Льюис Бакстон и удивленно посмотрел на сестру.

— Он самый,— проворчал Киллер хриплым голосом.

Он сделал шаг вперед, и его громадная фигура загородила всю дверь.

— Это так, по-вашему, сдаются? — забормотал он со злобой.— Или вы думаете, что я уж так сговорчив?

— Не подходите! — вскричала Жанна, размахивая кинжалом.

— Ого! — иронически заметил Гарри Киллер.— У осы есть жало!

Все же он благоразумно остановился посреди камеры, не спуская глаз с кинжала, которым грозила ему Жанна Бакстон.

Воспользовавшись его нерешительностью, она увлекла с собой брата к двери, отрезая таким образом отступление противнику.

— Да, я имею оружие,— отвечала она дрожа,— и какое оружие! Я нашла этот кинжал в могиле... в Кубо!

— В Кубо? — повторил Льюис.— Не там ли, где Джордж...

— Да, в Кубо, где пал Джордж, погибший не от пули, но сраженный этим оружием, на котором написано имя убийцы — Киллер!

Гарри Киллер сделал шаг назад. Бледный, растерянный, он оперся о стену каземата и смотрел на Жанну с каким-то страхом.

— Киллер, говоришь ты? — вскричал в свою очередь Льюис.— Ты ошибаешься, Жанна. Не таково имя этого человека. Оно другое, оно еще хуже и не ново для тебя....

— Другое?

— Да... Ты была еще малюткой, когда он нас покинул, но ты много раз слышала о нем. Это сын твоей матери, Вильям Ферней, это твой брат!

Разоблачение, сделанное Льюисом Бакстоном, произвело совершенно различное впечатление на двух других действующих лиц этой сцены. В то время как Жанна, уничтоженная, бессильно опустила руку, Вильям Ферней—оставим за ним отныне его настоящее имя — вновь получил всю свою самоуверенность. Казалось, он даже сразу протрезвился. Он выпрямился и устремил на Жанну и Льюиса взгляд, горящий ненавистью и неумолимой жестокостью.

— А! Так вы Жанна Бакстон! — произнес он свистящим голосом. И он повторил еще раз, скрипя зубами: — А! Так вы Жанна Бакстон!

И внезапно, давая выход всем своим скверным чувствам, он заговорил, заговорил так быстро, что даже не успевал выговаривать слова:

— Ага! Вы были в Кубо!.. Да, верно, я его убил... Вашего брата Джорджа... Красавчика Джорджа, которым так гордилось семейство Бакстонов!.. Я убил его два раза... Сначала душу... Потом тело... И теперь я держу здесь вас, вас обоих!.. В моей власти, под сапогом!.. Вы мои!.. Я могу сделать с вами что угодно!..

Он приблизился на шаг, но ни Жанна, ни Льюис не могли сделать ни одного движения. Он наклонился к ним:

— Вы думаете, что знаете очень много? Вы ничего не знаете... Но я вам расскажу... Все!.. И с удовольствием!.. Ага! Он меня выгнал, ваш отец!.. Пусть теперь порадуется!.. Мне недостает только одного... Я хочу, чтобы он знал... перед смертью... чья рука наносила ему удары... Эта рука... Вот она!.. Моя!..

Он еще приблизился. Он почти касался брата и сестры, которых ужасал этот приступ бешеной злобы.

— Ага! Меня выгнали... Разве мне нужны были эти жалкие деньги, которые мне предложили?.. Мне надо было золота, много золота, горы золота!.. И я его добыл... лопатами... грудами... без вас... один!.. Как!.. Люди вашего сорта называют это преступлениями... Я крал!.. Убивал!.. Все!.. Все преступления!..

Но золото для меня — не все... Была еще ненависть... к вам, к почтенной фамилии Гленоров!.. Вот зачем я явился в Африку... Я бродил вокруг отряда Джорджа Бакстона... Я явился к нему... разыграл комедию... сожаление... раскаяние... угрызение... Я лгал... лицемерил... Военная хитрость!.. Дурак попался!.. Раскрыл мне об'ятия... Я разделил с ним палатку... стол... Ха-ха! Я воспользовался его глупым доверием... Немножко порошку в пищу каждый день... Какого порошку?.. Не все ли равно?.. Опиум... гашиш... Ищите Джорджа Бакстона!.. Ребенок, бессильный ребенок!..

Начальник?.. Я!.. Какие подвиги!.. Все газеты кричат о них... Джордж Бакстон — сумасшедший... Джордж Бакстон — убийца... Джордж Бакстон — предатель... Как я потом смеялся, читая эти громкие слова!.. Но дальше... Пришли солдаты... Джордж Бакстон мертв... Хорошо!.. Обесчещен... Еще лучше!.. Я убил его, чтобы он молчал...

Тогда я пришел сюда и основал этот город... Неплохо для того, кто был с позором выгнан? Здесь я начальник... господин... король... император... Но радость моя была неполной... У старика еще оставались сын и дочь... Сначала сын... Однажды, когда мне надо было денег, я взял у него... и его самого, в придачу!.. Ха-ха! Сын уложен на месте... сын упакован, как окорок!.. Сын в ящике... И в путь!.. Поезда, пароходы, планеры, в путь!.. Сюда... Ко мне... В мою империю... И я его убью... Как того... Но не так быстро... Медленно... День за днем... А там, в Англию!.. Отец... Ох!.. Лорд!.. Богач!.. Отец знает, что его сын удрал... с кассой!.. Неплохо подростроено, прокляни меня боже!..

Остается дочка... моя сестра... Ха-ха! Моя сестра!.. Теперь ее очередь... Но куда она девалась?.. Искал... Чорт! Она сама является!.. Вот так удача!.. Еще малость — и я бы на ней женился! Можно хохотать до упаду!.. Моя жена?.. Ну уж нет!.. Жена последнего из моих рабов!..

Что же ему осталось?.. Старому лорду... При его знатности и богатстве?.. Два сына?.. Один — предатель, другой — вор... Дочь?.. Исчезла... И он — один!.. Совсем один!.. И она кончилась — порода Гленоров!.. Я отомстил, я хорошо отомстил!!

Эти ужасные проклятия окончились звериным ревом. Вильям Ферней остановился, задыхаясь от ярости. Он протягивал к своим жертвам скрюченные руки. Это уже не было разумное существо: это был бешеный безумец, освирепевшее дикое животное.

Ужасаясь больше за него, чем за самих себя, Жанна и Льюис Бакстон смотрели на него пораженные. Как могла таиться в людской душе такая неукротимая ненависть?!

— На этот вечер, — заключило чудовище, — я вас оставлю вместе, это вас позабавит. Но завтра...

Шум взрыва, который был, очевидно, ужасным, если мог достигнуть каземата, покрыл голос Вильяма Фернея. Он сразу остановился, удивленный, встревоженный, прислушиваясь...

За взрывом последовала глубокая тишина, потом послышались крики, отдаленное завыванье, шум бешеной толпы, к которому примешивались редкие ружейные и револьверные выстрелы...

Вильям Ферней больше не думал о пленниках. Он слушал, стараясь разгадать, что значит этот шум. Человек из Черной Стражи ворвался в камеру.

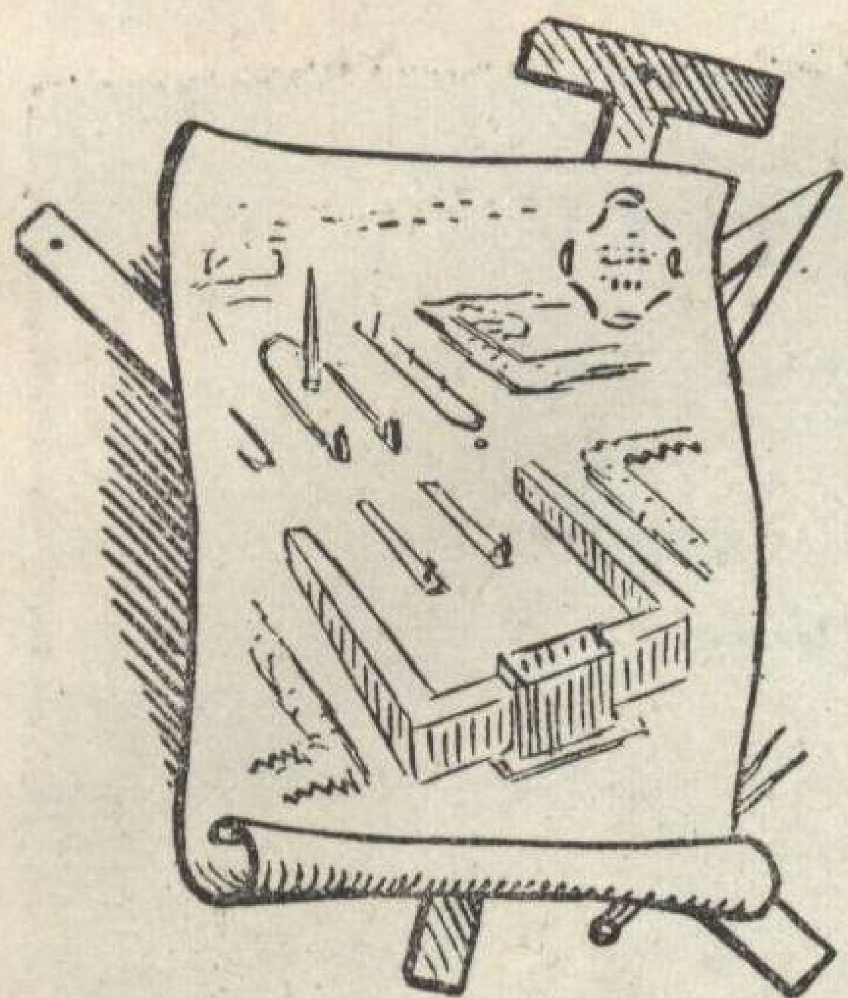
Ужасаясь больше за него, чем за самих себя, Жанна и Льюис Бакстон смотрели на него.

— Господин! — закричал он задыхаясь: — Город в огне!

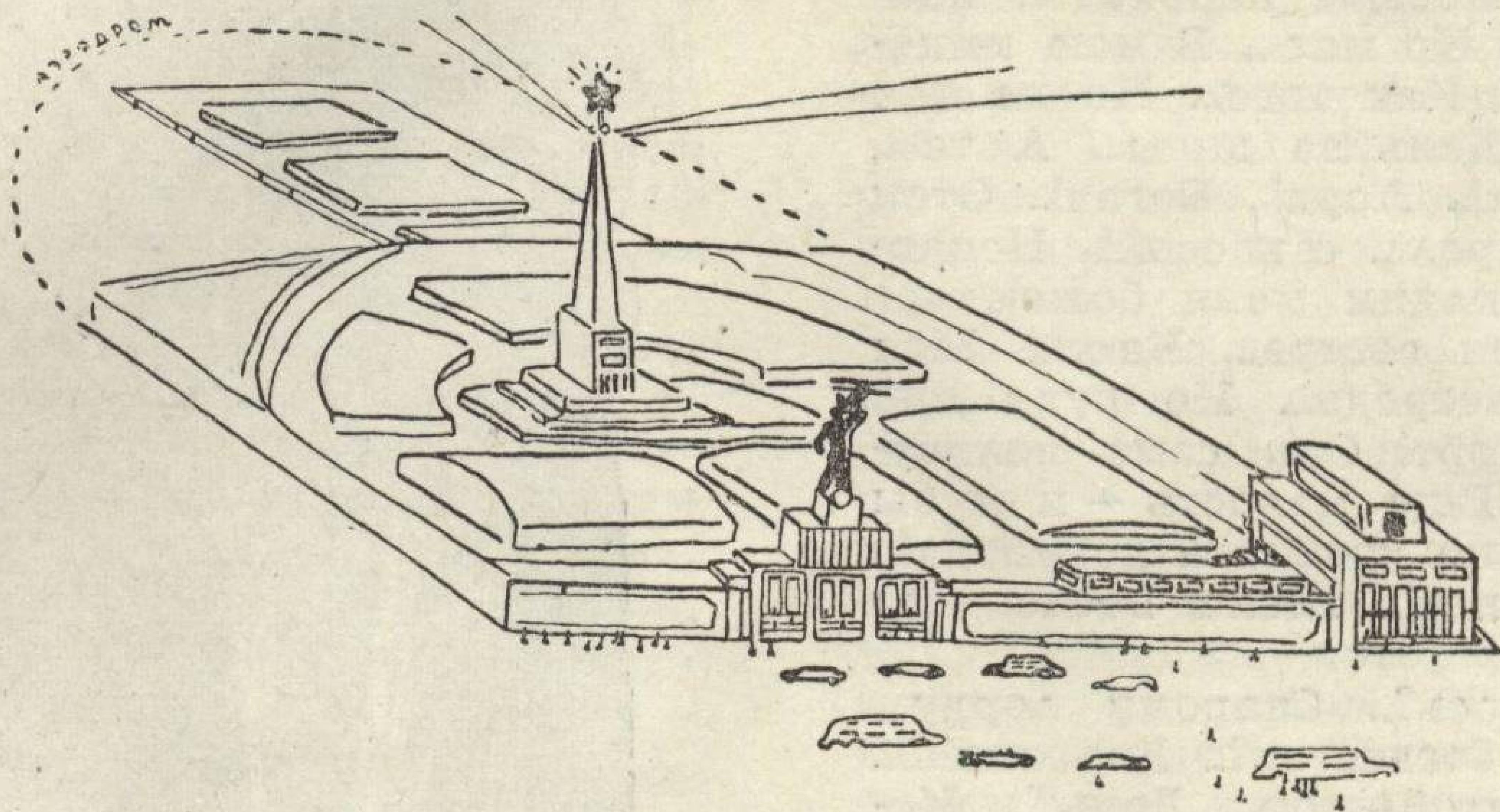
Вильям Ферней громко выкрикнул проклятие и, отбросив одним толчком Жанну и Льюиса Бакстона, преграждавших ему путь, устремился в коридор и исчез.

Развязка была так неожиданна, что брат и сестра ничего не могли понять. В своей растерянности они едва услышали взрыв и крики, освободившие их от палача. Подавленные жестокой сценой, свидетелями которой они были, истомленные недавними страданиями, угнетенные мыслью о старике, который умирал в отчаянии и стыде, они зарыдали.

(Окончание в следующем номере)

Проект Вали Григорьева.

Авиационный завод

Если посмотреть с самолета...

Если с самолета посмотреть на наш новый город, то в югозападной части его увидишь огромный молот, лежащий на площади в несколько километров. Это авиационный завод.

Главный фасад авиозавода имеет вид высокого здания, на крыше которого стоят две скульптуры молодых летчиков, поддерживающих модель самолета. Неподалеку от главного фасада находится авиоинститут.

Войдя через главный вход (в этом здании находятся все учреждения завода) и поднявшись по движущейся лестнице, посетитель очутится на просторной площадке. Отсюда аэробус — «воздушный трамвай» — доставит его в любой отдел заводоуправления.

В центре завода огромная башня, высотой в несколько сот метров, на конце которой укреплена красная звезда. По ночам мощные прожектора, установленные на этой башне, освещают не только территорию завода, но и близлежащие жилые кварталы.

За заводом находится аэродром, на котором происходят испытания новых самолетов.

В случае войны, как только раздастся сигнал воздушной тревоги,— над городом повиснет темная пелена.

Жизнь в городе будет идти своим чередом. На безлюдной до этого вышке завода появятся два военных инженера, которые, движением рычагов управляя установленными там аппаратами, окружат город электрической завесой, благодаря которой фашистские самолеты, если они здесь появятся, будут превращены в клочья.

Город для врага недосягаем.

Валя Григорьев,
416-я школа, Москва

Имени Павлика Морозова

Павлик Морозов.
Скульптура Володи Черняка.

На фасаде одного из зданий нашего города, построенного на берегу реки, развевается флаг Военно-Морского Флота. Это Военно-морская школа имени Павлика Морозова. Широкая мраморная лестница служит входом в красивый большой вестибюль школы. Каждое утро сюда приходят веселые группы стройных ребят, будущих отважных моряков, для того чтобы овладеть высоким мастерством военно-морского, водолазного и спасательного дела.

Для Военно-морской школы построено громадное здание в пять этажей. На первом этаже, кроме вестибюля, оборудованы большой бассейн для плавания и зал для занятий строевой подготовкой. Классы для занятий и макеты подводной лодки и крейсера в одну пятую натуральной величины занимают второй и третий этажи.

На четвертом этаже помещаются библиотека, читальня, комната отдыха и лаборатории. Весь пятый этаж отведен под астрономическую обсерваторию.

В просторном подвальном помещении оборудован хороший тир. В тире юные моряки учатся стрелять из малокалиберных и боевых винтовок и из пулеметов.

В классах, в уютных комнатах отдыха, в тире и вестибюле висят портреты великих мореплавателей и картины, изображающие открытые ими моря и земли.

Летом юные моряки занимаются на учебной базе, построенной недалеко от школы, на берегу реки. В летние жаркие дни на реке бывает много купающихся. А где много купающихся, там возможны несчастные случаи. Будущие краснофлотцы зорко следят за поверхностью воды, готовые в любую минуту броситься на помощь гражданину своего социалистического города.

Игорь Терентьев

Москва

Это речной вокзал, который я предлагаю построить в нашем городе. Высокие колоннады, образуя правильный полукруг, замыкают привокзальную площадь. К воде ведет широкая гранитная лестница. В дни водных состязаний лестница будет служить трибуной для зрителей.

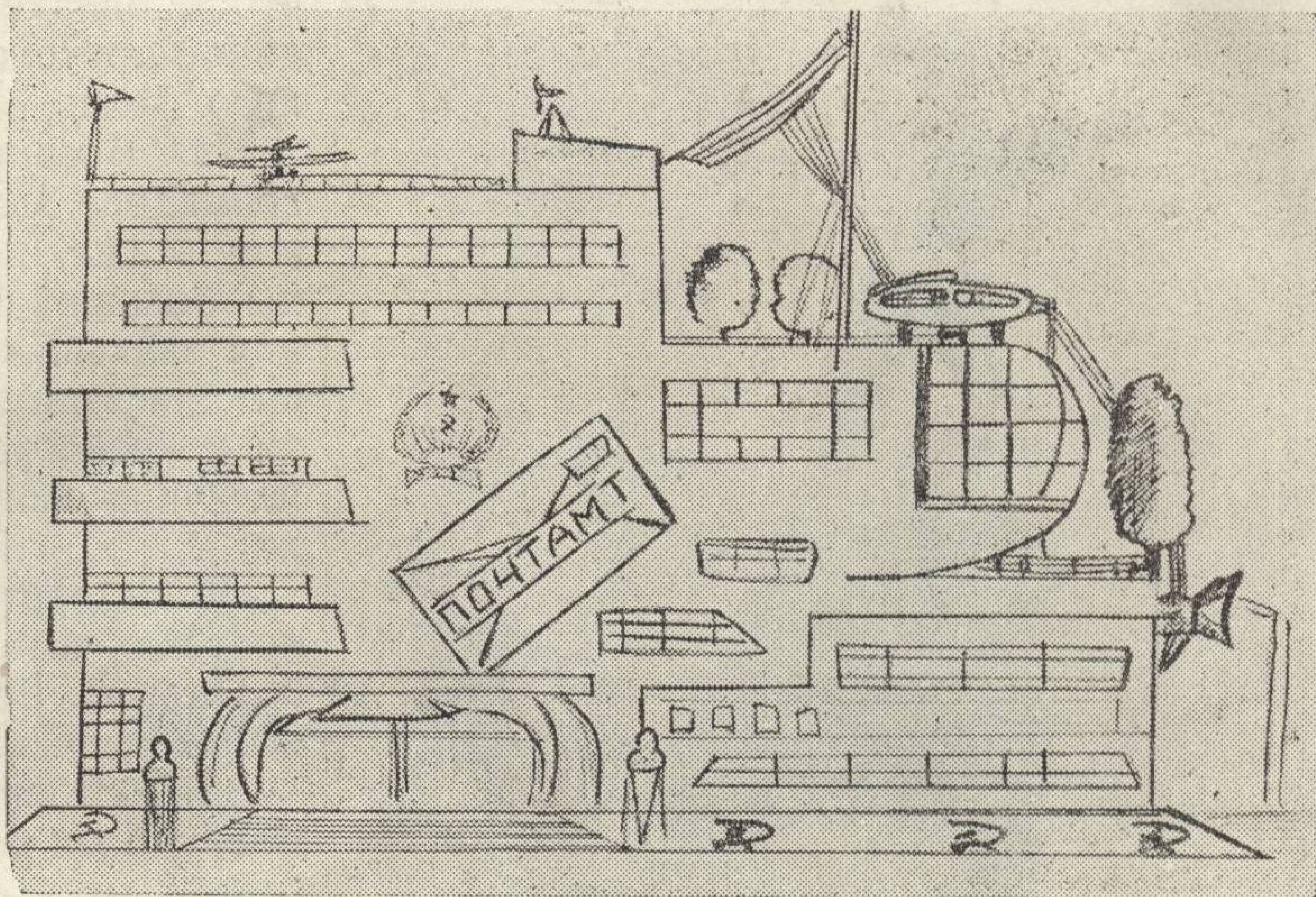
Марк Бубнов, Москва

Мой проект почтамта

Лева Алферов, с. Попутное, Краснодарского края

Я составил проект почтамта. Крыша у почтамта плоская, на ней оборудованы два ангара для автожиров, обслуживающих пригородные селения. В правой стороне верхней части здания помещается кабинет директора, а на крыше кабинета — центральная радиостанция.

Вход в почтамт сделан из нержавеющей стали. Ночью вход в почтамт освещается люстрой, подвешенной к потолку вестибюля. По обеим сторонам ведущей в вестибюль лестницы большие бюсты Ленина и Сталина. На фасаде здания выгравирован большой государственный герб нашей страны. Немного пониже герба — конверт, сделанный из нержавеющей стали. На конверте надпись — «Почтамт».

Город передовой техники

Предложение редакции принять участие в игре «Строим город на Дальнем Востоке» показалось мне очень интересным. Но с чего начать? Ведь я никогда не был в большом городе и имею о нем представление только по рассказам. И все же я решил принять участие в этой интересной и увлекательной игре. Я думаю, что, строя наш город, мы используем все новейшие достижения техники. В нашем городе будет прекрасное телевидение, подвесные электрические железные дороги, над рекой повиснут красивые мосты, а в центре города, под рекой, пройдут просторные тоннели.

Асфальт в нашем городе должен быть не черный, какой обычно сейчас делают в городах, а цветной, улицы широкие, просторные, озелененные, углы домов на перекрестках не прямые, а закругленные.

В парках и на бульварах будет установлено много скульптур легендарных героев гражданской войны: Чапаева, Щорса, Пархоменко, Лазо. На одном из островов нашего города расположится зоосад с животным миром Дальнего Востока.

Наш город имеет большое оборонное значение. Он находится на Дальнем Востоке, недалеко от неспокойных и неумных соседей — японских самураев. Поэтому в городе надо построить оборонные предприятия. Я предлагаю разместить их в разных местах города, для того чтобы их легко было защищать и при нападении с воздуха они не так были заметны.

Борис Гольдберг,

город Рогачев, БССР

Холодильники без льда

ДЛЯ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ. Держите воду в парусиновом или брезентовом ведре, подвешенном на ветру или солнце. Влага просачивается сквозь поры парусины, быстро испаряется и охлаждает воду внутри.

В походе фляги или бутылки зашивают в чехлы из шинельного сукна. Смоченные чехлы хорошо охлаждают на ветру или на солнце содержимое бутылок.

Если нет брезентового ведра, а есть только металлическое, положите поперек отверстия ведра чистое смоченное полотенце так, чтобы середина его несколько утонула в воде, а концы свешивались снаружи ниже уровня воды в ведре. Свешивающиеся концы полотенца привяжите к ведру, акуратно расправив по стенкам ведра.

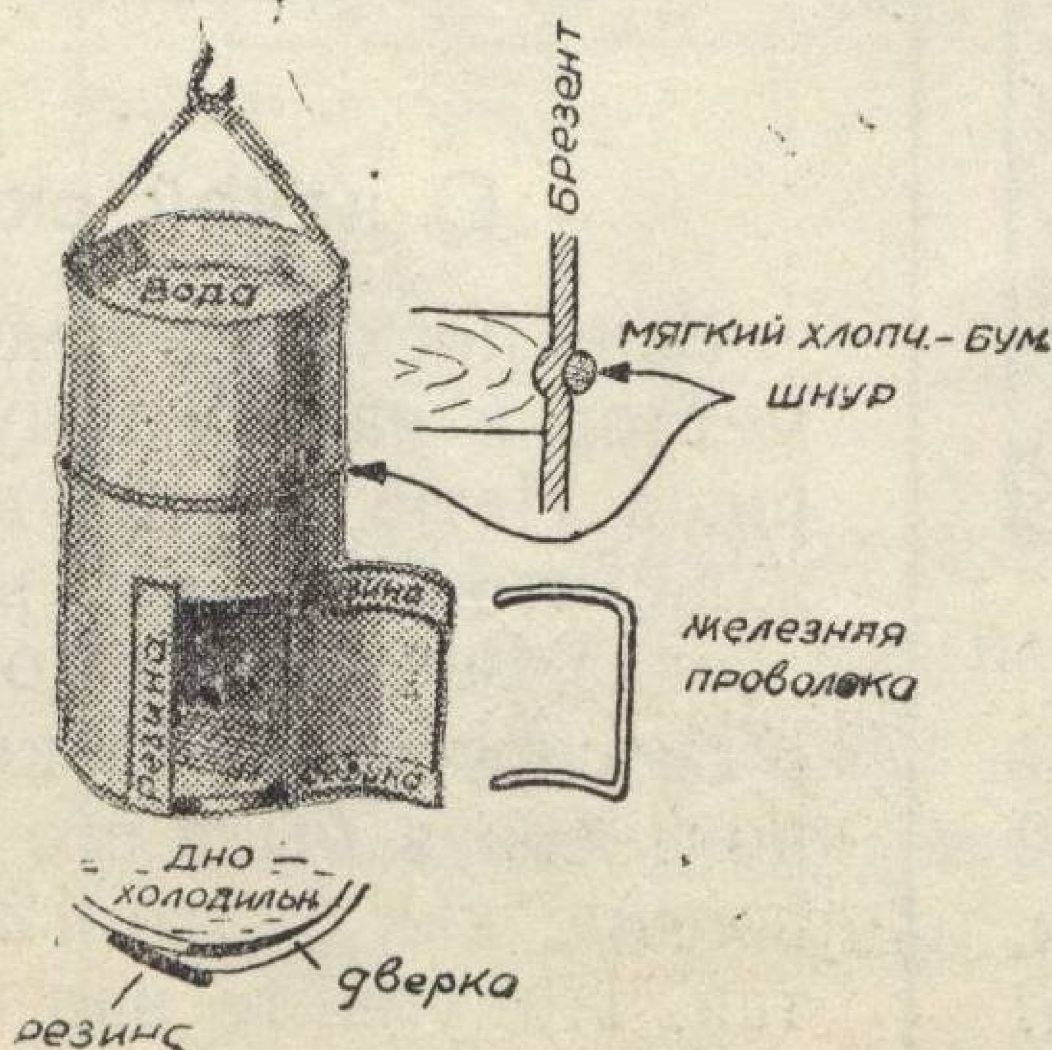

Если вы намочите концы полотенца, то они будут тянуть влагу из ведра и не будут обсыхать, а ветер или солнце, испаряя влагу из них, будут охлаждать воду в ведре.

ХОЛОДИЛЬНИКИ ДЛЯ ПРОДУКТОВ. Сшейте брезентовый цилиндр высотой в два раза больше диаметра. Прибейте мелкими гвоздиками круглое дно из куска доски.

В дне необходимо сделать несколько отверстий для вентиляции, покрытых куском металлической сетки, чтобы не залетали мухи. Прорежьте дверку нужных вам размеров, как на чертеже. В края дверки вшейте каркас из железной проволоки. Дверка с каркасом должна облегать поверхность брезентового цилиндра. К верхнему и нижнему краям дверки подшейте полоски мягкой резины, чтобы между брезентом цилиндра и дверкой не было щели. К цилиндру около бокового края отверстия дверки пришейте такую же резиновую ленту так, чтобы она заходила на отверстие дверки.

На двух третях высоты цилиндра от дна вставьте круг из доски. По окружности этого круга сделайте жолоб, в который вдавливается брезент стенок, когда вы обвяжете цилиндр мягким хлопчатобумажным шнурком. Шнурок должен плотно прикрепить верхний кружок к стенкам цилиндра. К самому верху цилиндра прикрепите шнурки (как дужки у ведра) для подвески его. В верхнее отделение наливается вода, которая через поры брезента смачивает стенки цилиндра. Шнур завязывают так, чтобы он держал верхнее донышко и пропускал сквозь себя влагу в нижнюю часть холодильника.

Так делается холодильник из ведра.

ХОЛОДИЛЬНИК ИЗ ВЕДРА. Выпиливается деревянный круг немного шире верха ведра. С нижней стороны его набивают 3 или 4 брусочка так, чтобы крышка правильно сидела на ведре (см. чертеж). Вдвое сложенный кусок пористой материи (А) обвертывается вокруг крышки так, что нижний край ткани погружен в таз (Б), на котором стоит ведро (см. чертеж). Концы верхнего края материи выступают над диском и продергиваются в несколько щелей, проделанных в небольшой глубокой металлической миске (В), установленной на деревянном кружке. Миска наполняется водой, и ткань погружается в нее так, чтобы концы всасывали воду и поддерживали всю ткань во влажном состоянии. Нижний тазик предназначен для того, чтобы собирать избыток и капли воды и поддерживать весь холодильник. В 3 местах на краях нижнего таза просверлите отверстия для 3 веревок, сходящихся наверху в узел. За него цепляется крюк веревки, на которую холодильник вывешивается на ветер или солнце.

Загадки

Размещение больных

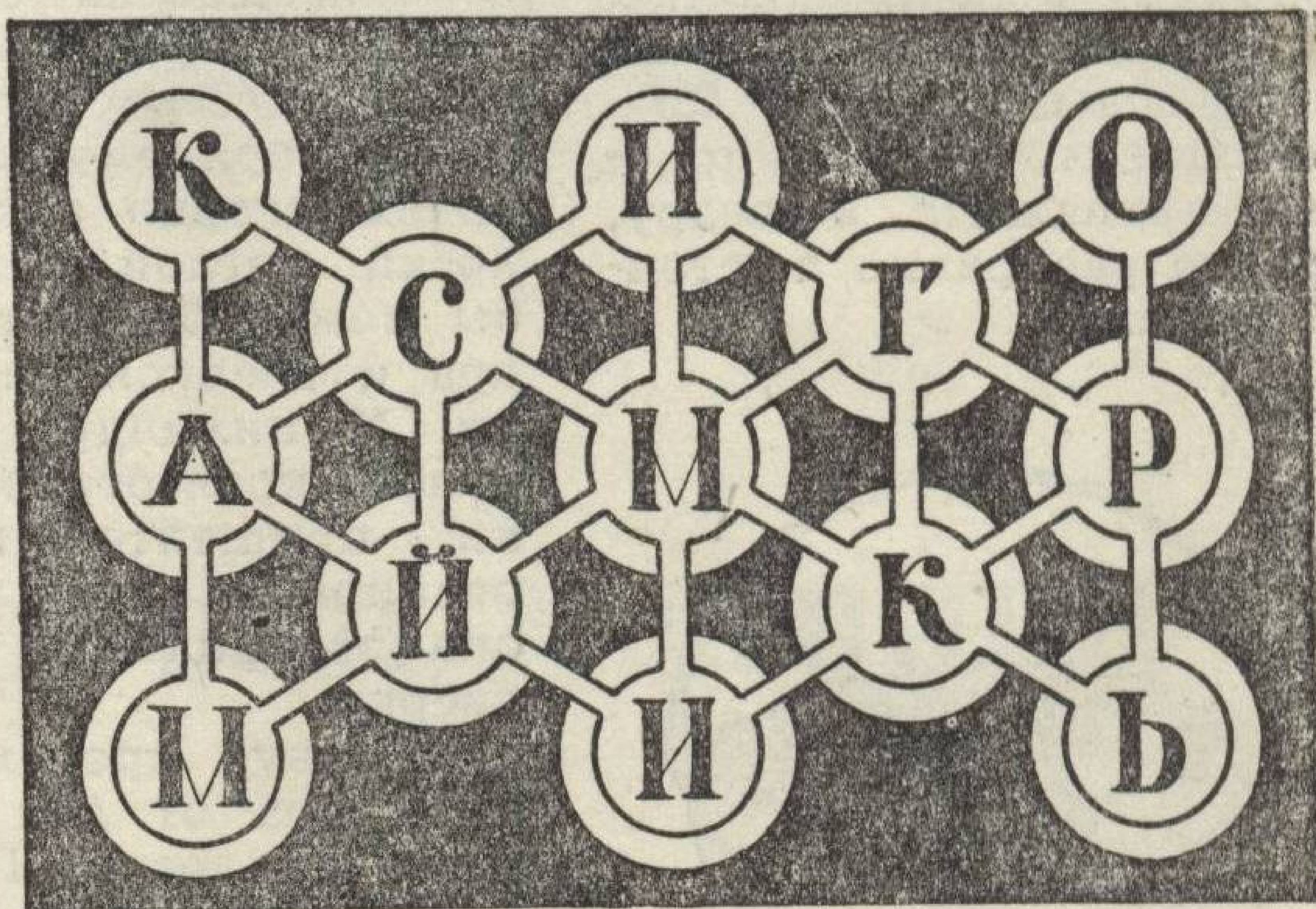
В больнице пятьдесят шесть комнат. В сорок девятой комнате лежит больной. Привезли еще пять новых больных, требующих покоя. Главный врач больницы не знает, как их разместить, чтобы они не могли сообщаться ни между собой, ни с первым больным, зная, что комнаты связаны друг с другом по горизонтальным и вертикальным линиям и по диагоналям, как показано на рисунке. Укажите, в какие комнаты следует поместить новых больных.

1	9	17	25	33	41	■
2	10	18	26	34	42	50
3	11	19	27	35	43	51
4	12	20	28	36	44	52
5	13	21	29	37	45	53
6	14	22	30	38	46	54
7	15	23	31	39	47	55
8	16	24	32	40	48	56

Который час?

Который теперь час, если с 12 часов дня прошла 1/5 того времени, которое осталось до 12 часов ночи?

От буквы к букве

Прочтите имя и фамилию великого писателя, идя от одной буквы к другой.

Загадки

1. Кузнечик стрекочет, а у наших врагов дух вон.
2. Добрый дядя одноглазый всем дарит все то, что видит.

С какой скоростью ехал Ваня?

Ваня поехал на велосипеде со скоростью 10 километров в час на дачу, чтобы навестить своего товарища Петю. Но когда он приехал на дачу, ему сказали, что Петя как раз отправился к нему в город. Тогда Ваня, недолго думая, сел опять на велосипед и со скоростью 15 километров в час вернулся в город. Какая была его средняя скорость? На первый взгляд, как будто 12½ километров в час, но это не так. Подумайте над ответом хорошенько.

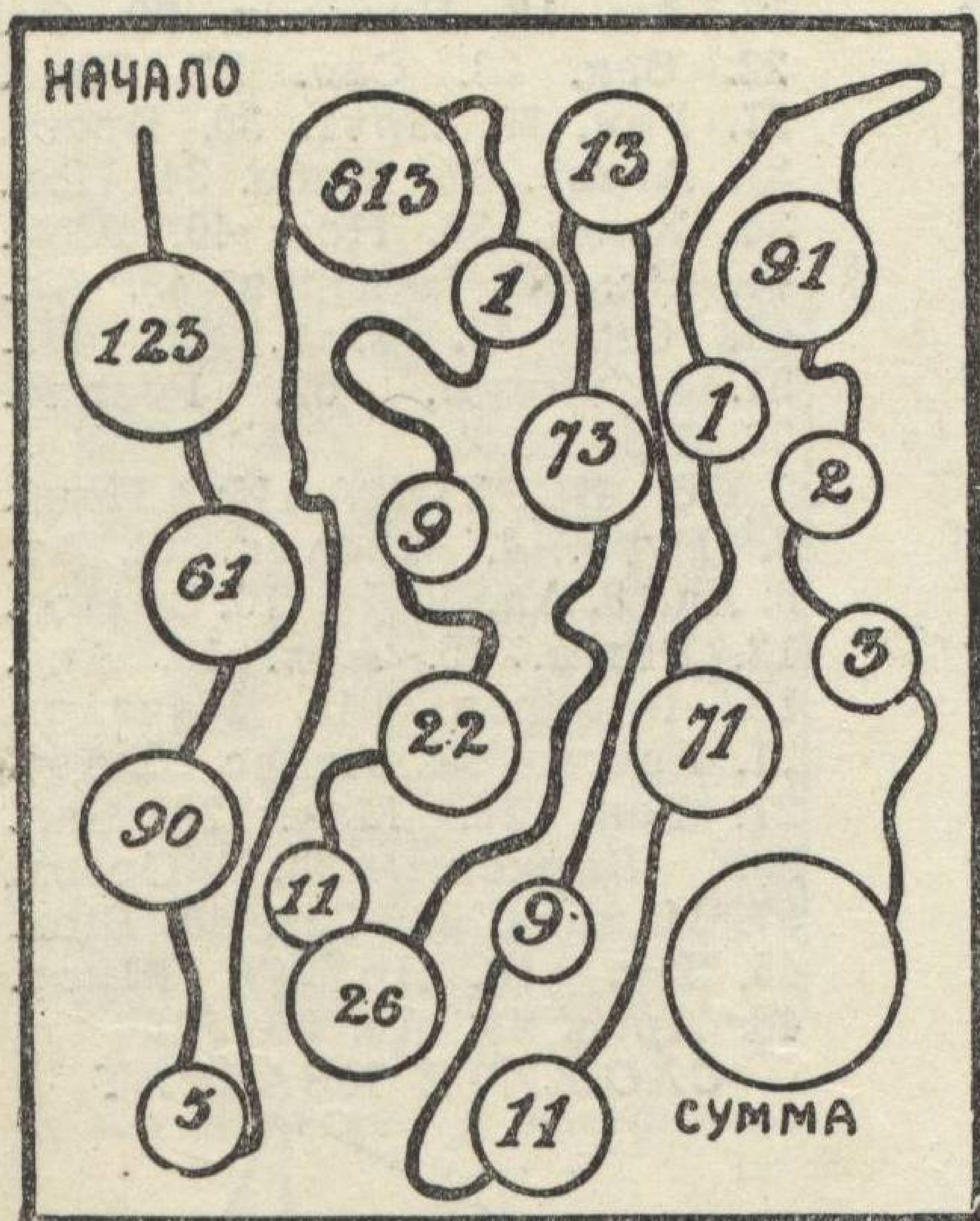
Арифметический лабиринт

Перед вами лабиринт очень странного вида. На пути в этом лабиринте встречаются кружки с проставленными в них числами. Начните идти по этому лабиринту и складывайте числа, встречающиеся вам по пути от начала до конца лабиринта, обозначенного большим пустым кругом. Однако при складывании встречающихся чисел надо соблюдать два правила:

1) все числа трехкратные (т. е. делящиеся на 3) пропускаются и не должны войти в общую сумму;

2) все четные числа должны быть удвоены и в таком удвоенном виде складываются с другими числами.

Когда будет дан ответ на эту задачу, проверьте правильность вашего решения.

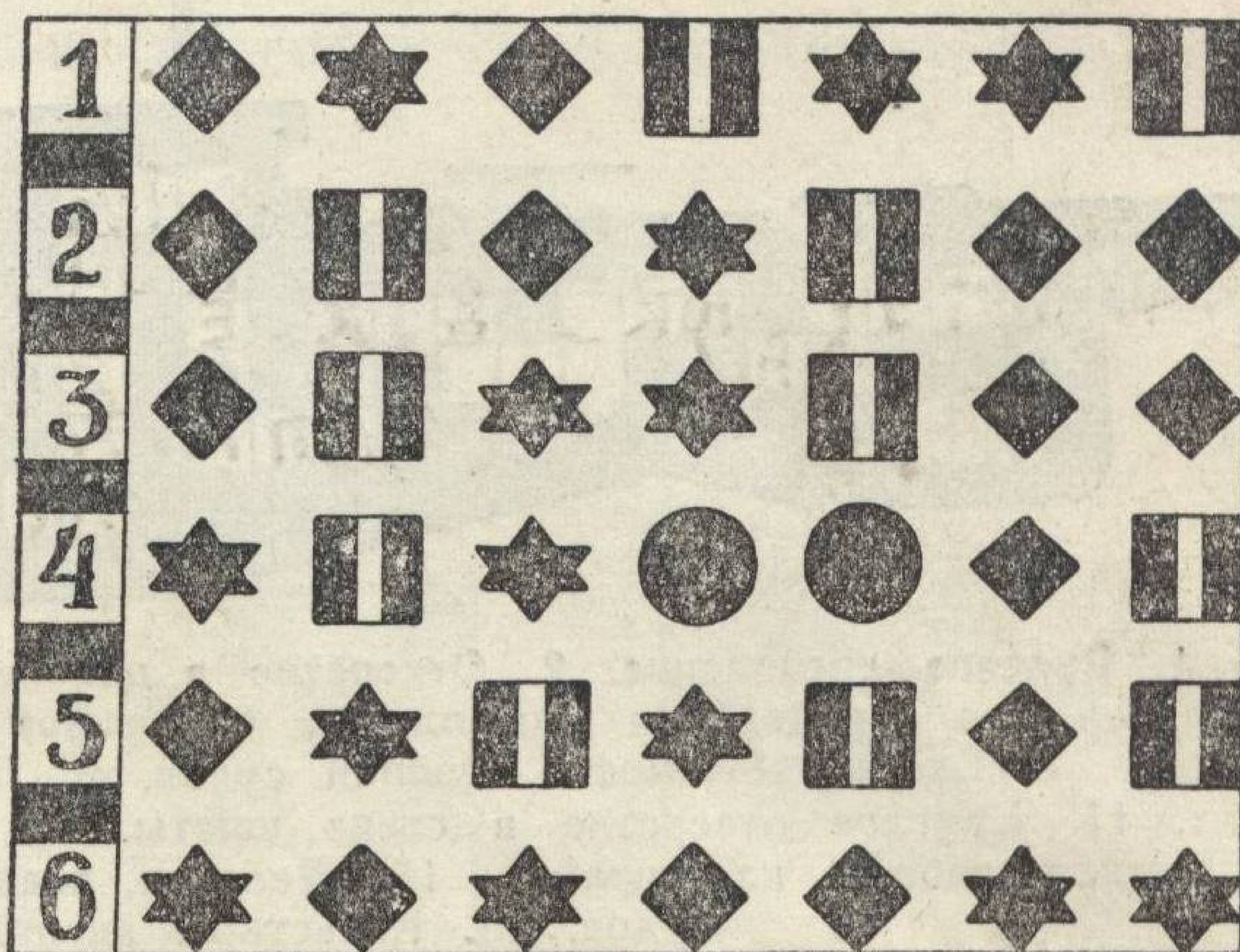

Восхождение на вершину

Путешественник идет по совершенно прямой дороге, ведущей от подножия холма к его вершине. Вверх по дороге он идет со скоростью $1\frac{1}{2}$ километров в час. Достигнув вершины холма, он спускается по той же самой дороге вниз со скоростью $4\frac{1}{2}$ километров в час. Путь от подножия холма до его вершины и обратно вниз занял у путешественника ровно 6 часов.

Каково расстояние в километрах от подножия холма до его вершины?

Наблюдательны ли вы?

Посмотрев минуту на рисунок, постарайтесь в течение пяти минут ответить на следующие вопросы:

1. Есть ли два одинаковых ряда?

2. Есть ли хоть одна фигура, которая встречается только в одном ряду?

3. Есть ли ряд, в котором четыре раза повторяется одна и та же фигура?

4. Нет ли ряда, составленного из одних и тех же фигур, повторяющихся по три—четыре раза?

5. Сколько различных фигур в этом рисунке?

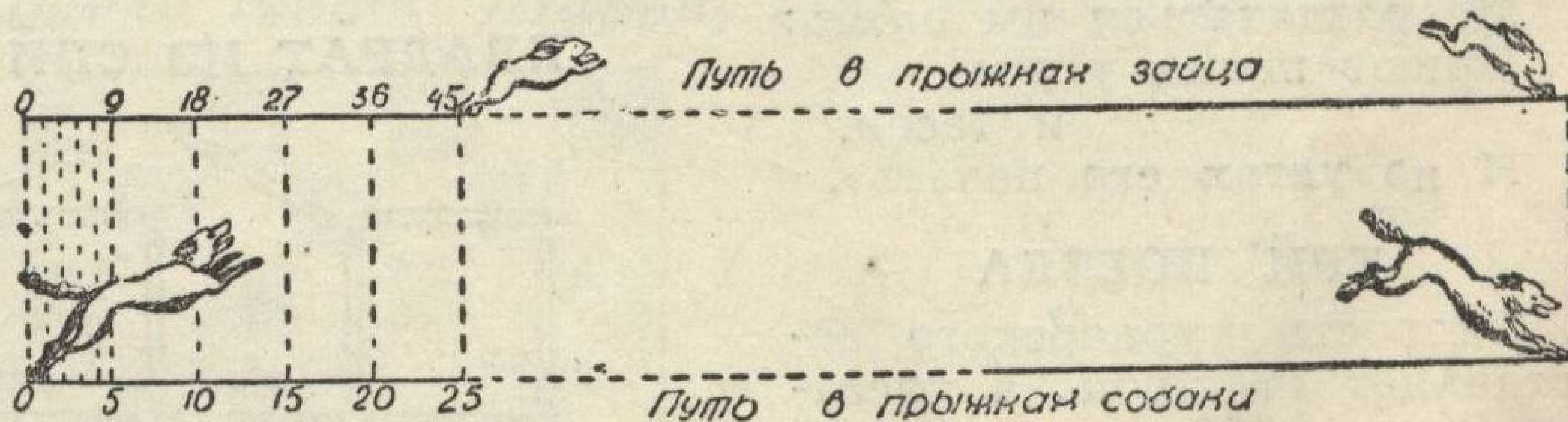
Потом попробуйте показать эту таблицу своим товарищам и попросите их ответить на эти вопросы. Проверьте, кто из них окажется более наблюдательным.

Сколько дней я был в пути?

Сегодня будет половина времени моего пребывания в лагере «Артек». Пять дней тому назад была половина времени со дня выезда в лагерь и до дня отправления обратно домой.

Сколько дней я был в пути?

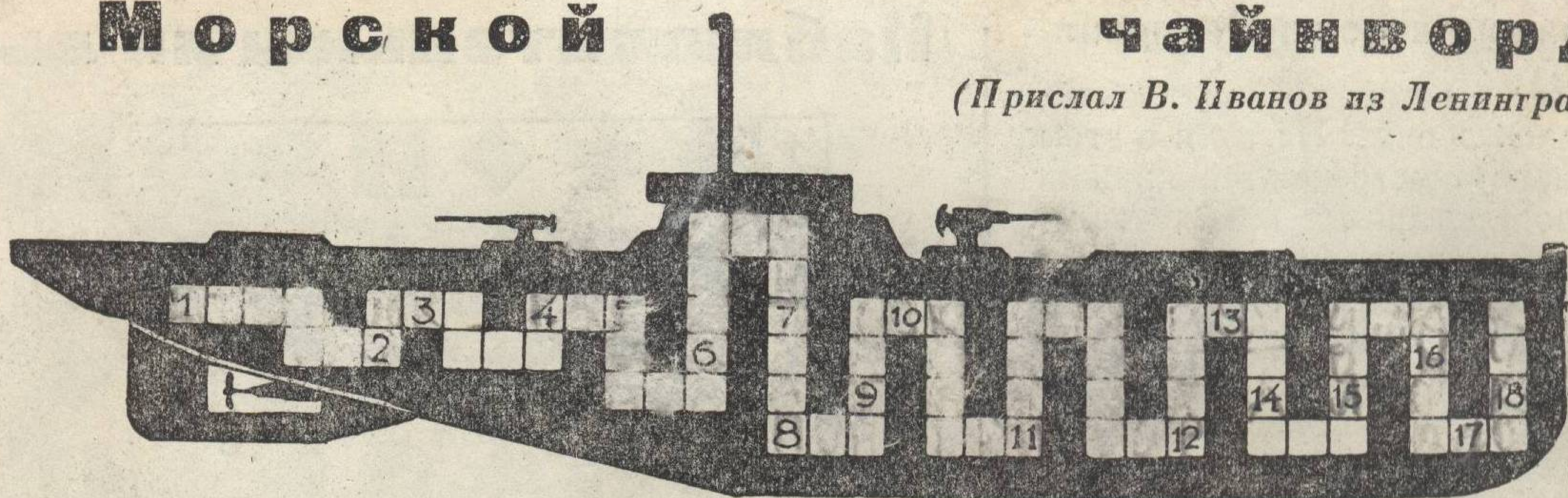
Собака и заяц

Собака погналась за зайцем, который находился от нее на расстоянии 45 заячьих прыжков. Учитывая, что 5 прыжков собаки покрывают расстояние, которое заяц покрывает 9 прыжками, и что в то время, когда заяц делает 3 прыжка, собака делает 2 прыжка, определите: сколько прыжков должна сделать собака, чтобы нагнать зайца?

Морской чайнворд

(Прислал В. Иванов из Ленинграда).

1. Рулевое управление. 2. Отверстие в палубе. 3. Часть мачты. 4. Корабельный повар. 5. Прибор для определения направления. 6. Прибор для определения широты места по небесным светилам. 7. Сходни. 8. Место стоянки судов. 9. Проволочный канат. 10. Отметка времени на судах. 11 Круглое отверстие в стене каюты. 12. Радио на корабле. 13. Прогулочное судно. 14. Сигнал работы на корабле. 15. Человек, знающий фарватер. 16. Север. 17. Место починки судов. 18. Известный английский мореплаватель.

Ответы на задачи № 5

ПОСТАВЬТЕ ЗНАК

Нужно поставить запятую — 2,3.

ЗАГАДОЧНЫЙ КВАДРАТ

с	л	о	н
л	а	п	а
о	п	ы	т
н	а	т	а

Откуда?

Из стихотворения Лермонтова «На смерть поэта»:

«Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать».

ТРИ ПОЕЗДА

Скорость курьерского составляет 150 проц., а пассажирского—125 проц. от товарного. Значит, скорость курьерского больше пассажирского в 1,50 : 1,25 = 1,2 раза, или на 20 процентов.

ВОТ ТАК ПТИЦА!

Ворона — Рона — она — на — а.

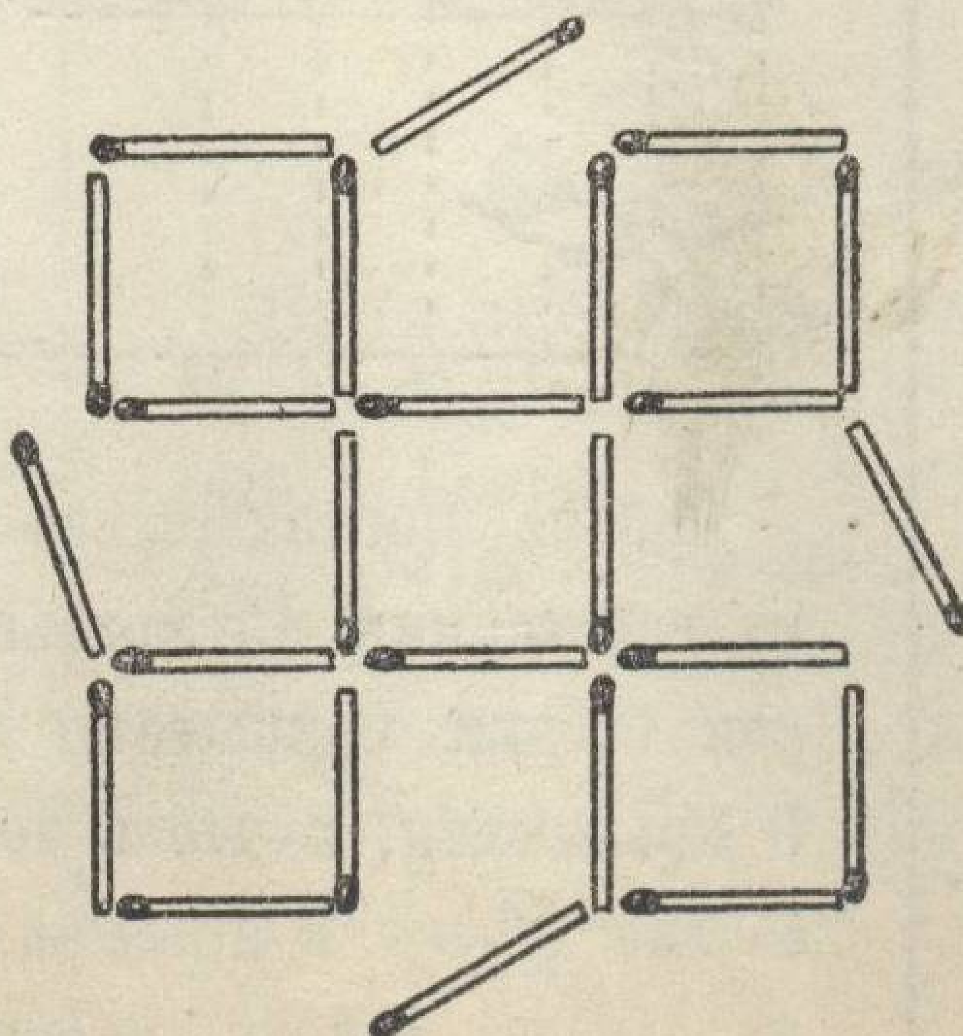
ЗАВТРАК ОХОТНИКА

Если разделить каждую рыбку на 3 части, то получится 24 части, из которых каждый с'ел по 8. Таким образом, рыбак, поймавший 3 рыбок (9 частей), с'ев 8 частей завтрака, отдал только одну, между тем как рыбак, давший 5 рыбок (15 частей), отдал из них 7. Рыбаки получили 1 и 7 монет.

ДВА ПОЕЗДА

Раз число минут хода товарного поезда равно числу километров, пройденных пассажирским, а поезда вышли одновременно, то пассажирский делал в 1 минуту 1 километр. Следовательно, его скорость была 60 километров в час. Тогда скорость товарного — 30 километров.

КВАДРАТ ИЗ СПИЧЕК

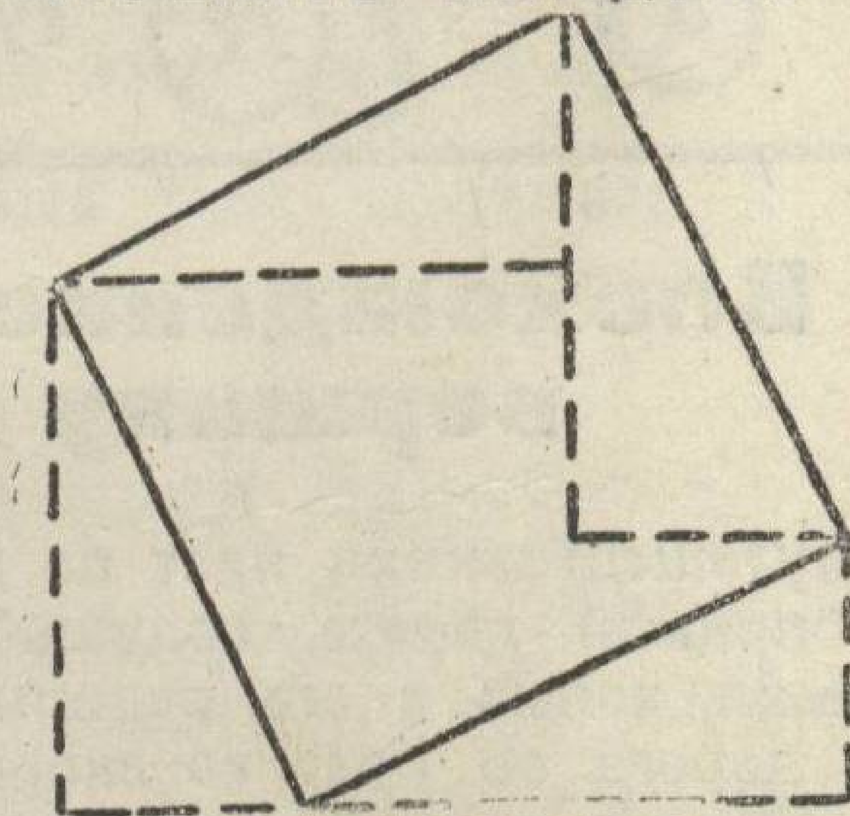

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Индра. 4. Карачи. 7. Толедо. 11. Ру. 12. Бра. 14. Ар. 17. Ли. 18. Прозаик. 20. От. 22. Зак. 23. Сап. 25. Река. 27. Гам. 29. Брут. 30. Брегє. 31. Агава. 32. Жабо. 34. Нок. 36. Хина. 38. Нос. 40. Шоу. 41. На. 42. Неверов. 43. Ли. 44. Он. 47. Юла. 50. Яд. 51. Купрум. 52. Резина. 53. Просо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 2. Наиб. 3. Рута. 4. Кролик. 5. Ау. 6. Аа. 8. Ля. 9. Да. 10. Оратор. 13. Розга. 15. Арк. 16. Лис. 18. Патефон. 19. Качалов. 21. Грыжа. 24. Атлас. 26. Або. 27. Ген. 28. Мак. 29. Бах. 33. Банкок. 35. Ореол. 37. Илиада. 39. Сет. 40. Шок. 45. Ну. 46. Яр. 47. Юмор. 48. Арес. 49. Аз. 50. Яп.

СЛОЖИТЕ КВАДРАТ

АРИФМОГРАФ

Д-ж-а-м-и-л-е (1)
Д-а-р ф-е-й (2)
А-н-а-т-о-л-ь **Ф-р-а-н-с** (3)
О-с-т-р-о-в п-и-н-г-в-и-н-о-в (4)
М-а-р-и-я **С-т-ю-а-р-т** (5)
В-о-л-ь-т-а (6).

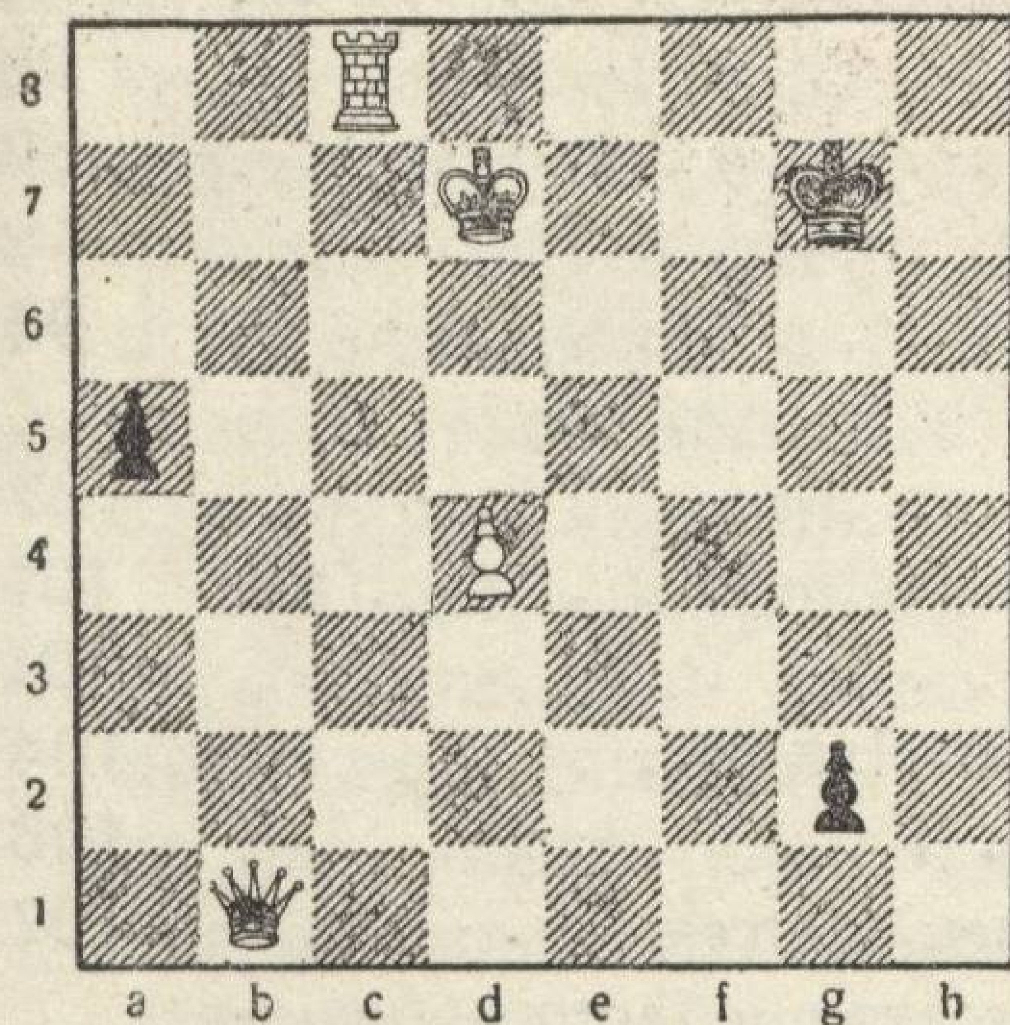
Шестьдесят четыре клетки

Отдел ведет шахматист 1-й категории В. А. Люблинский

Конкурс решений миниатюр

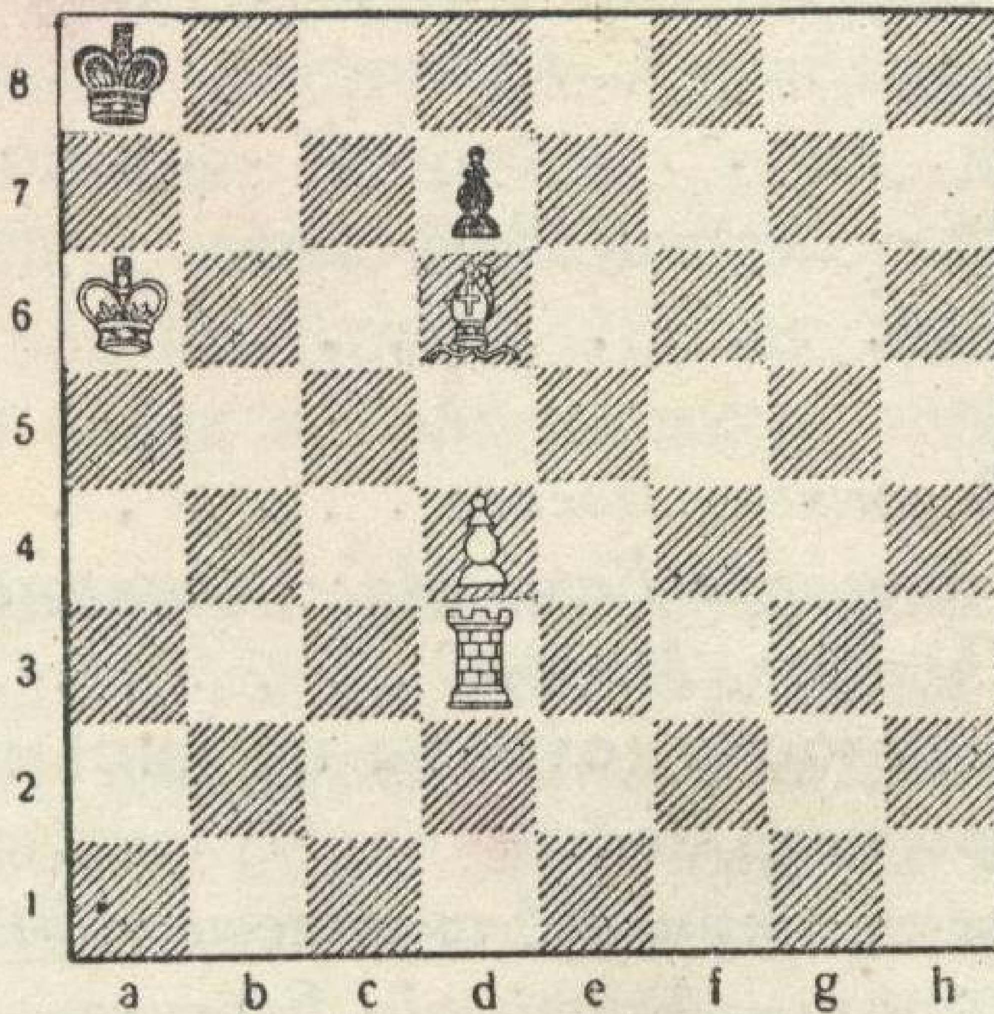
Задачи

Шинкман

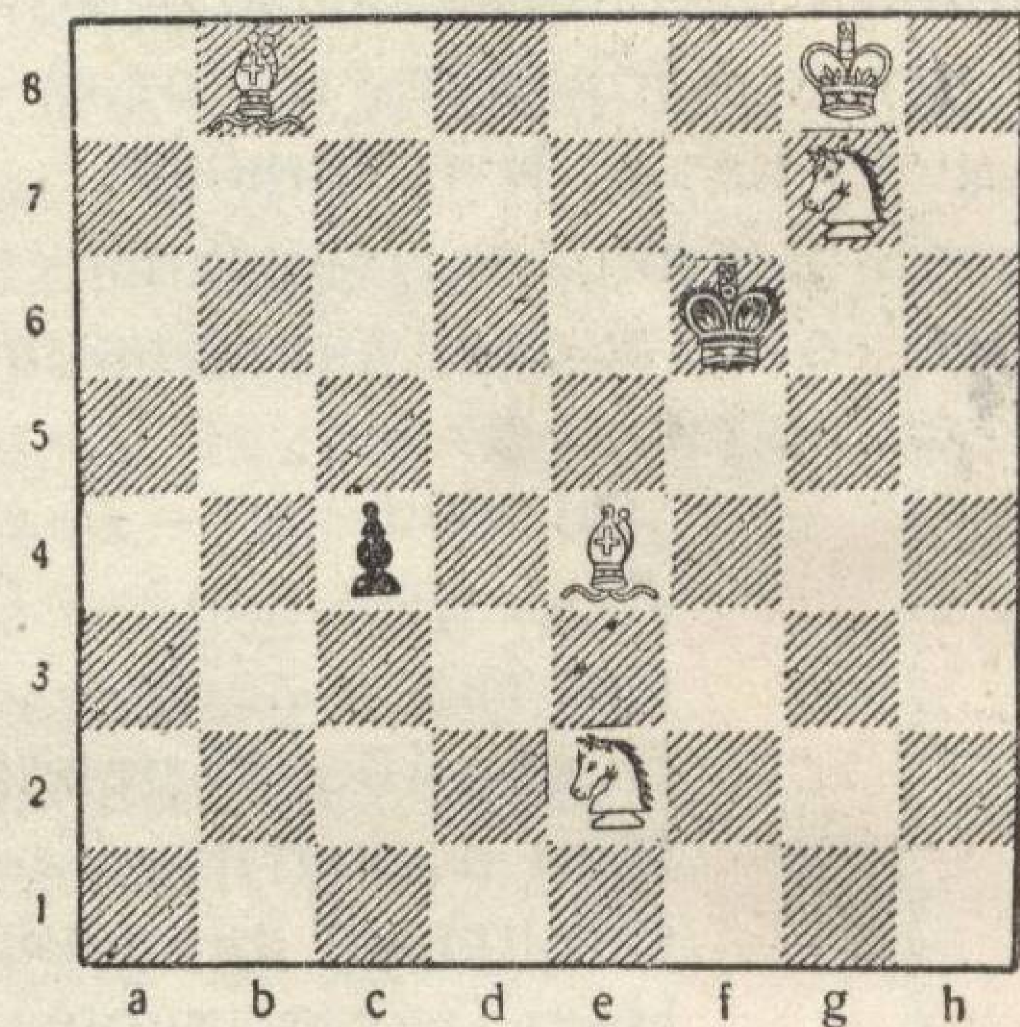
Мат в 3 хода.

Брон

Мат в 3 хода.

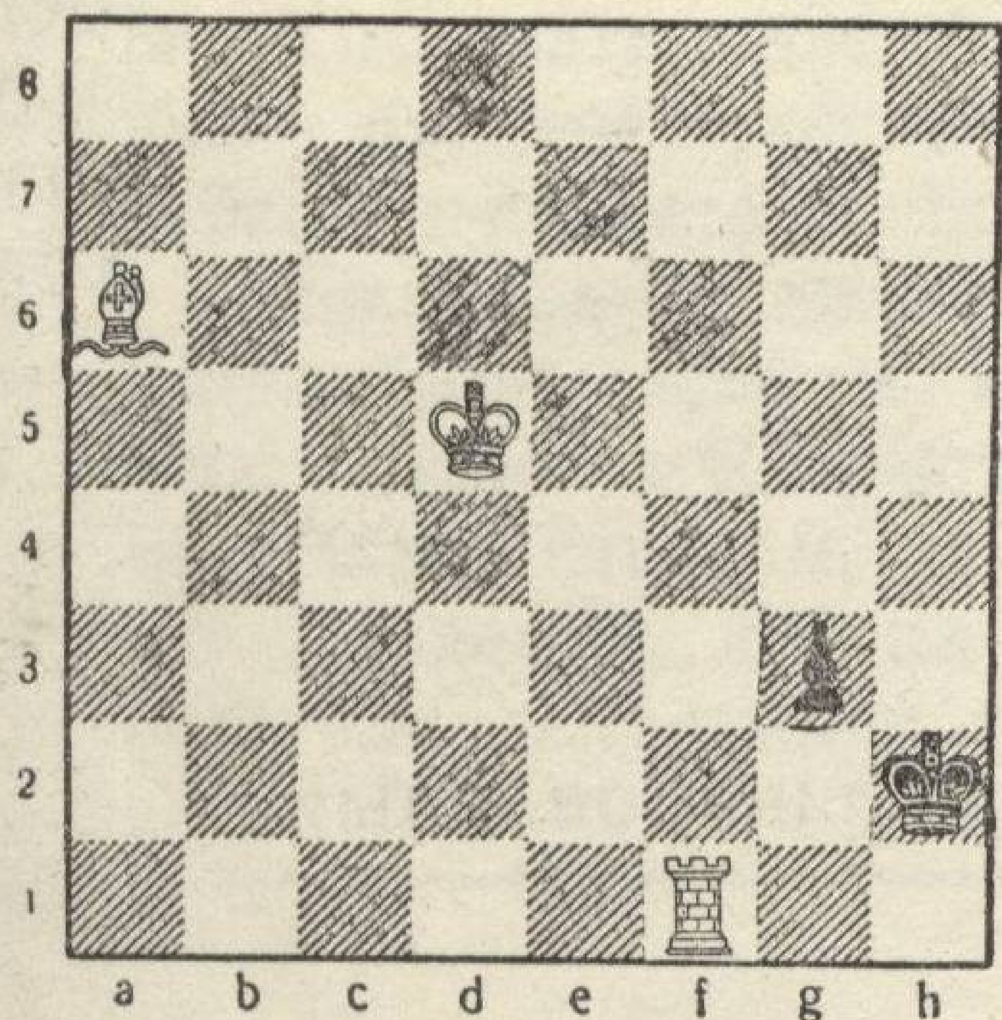
Хавель

Мат в 4 хода.

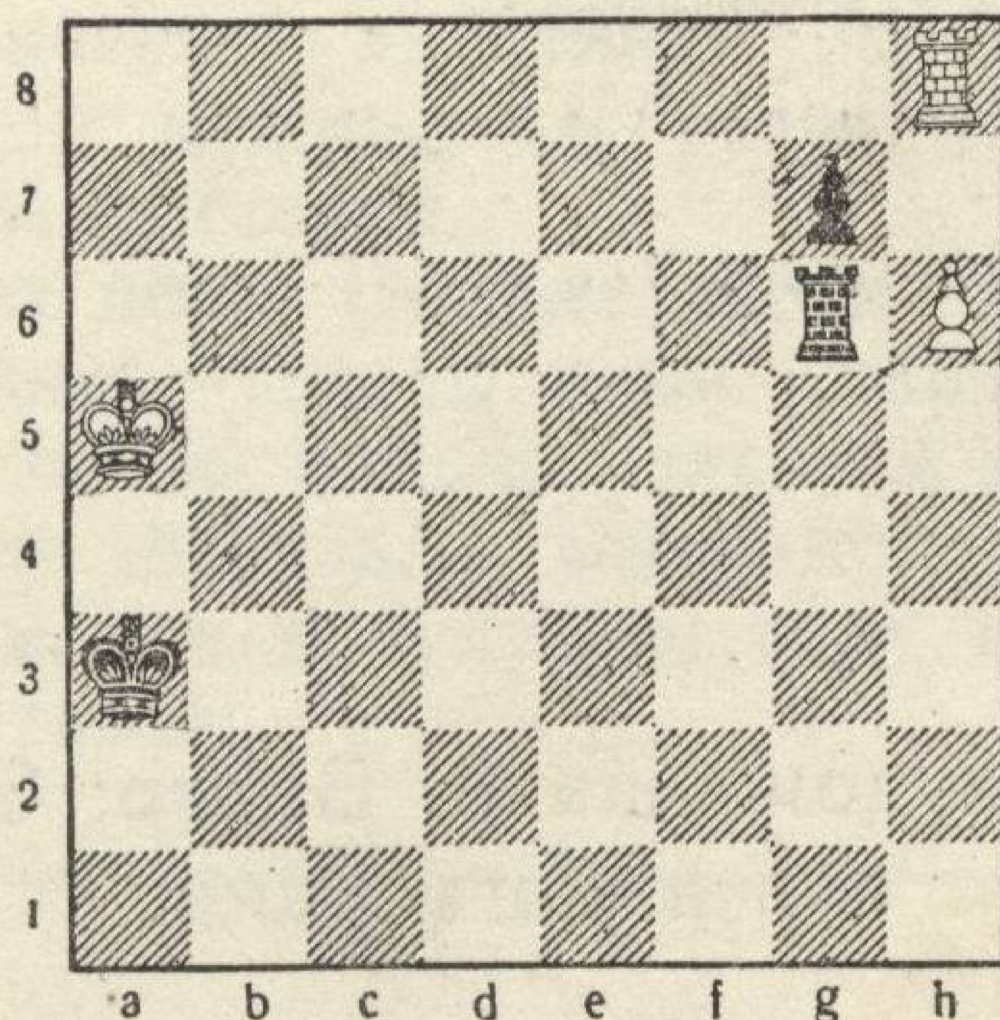
Этюды

Рети

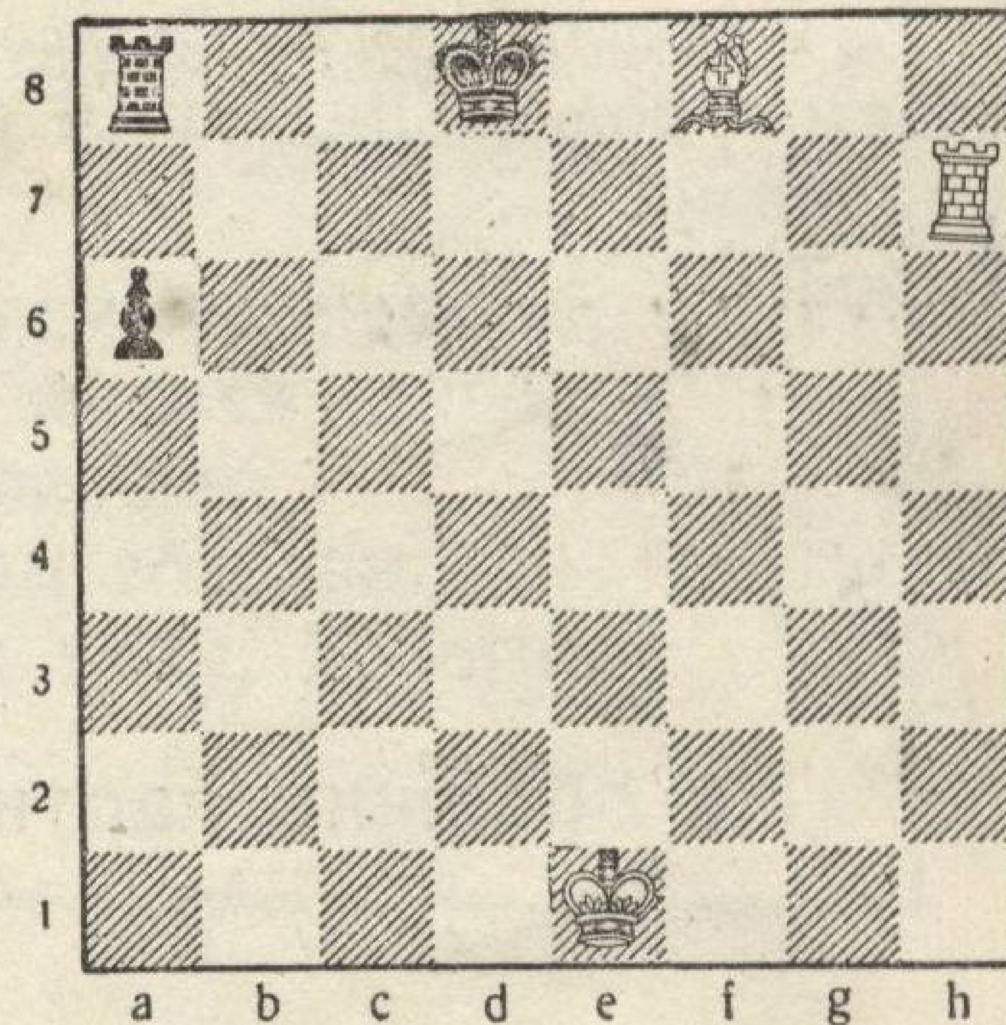
Белые начинают и выигрывают.

Россолимо

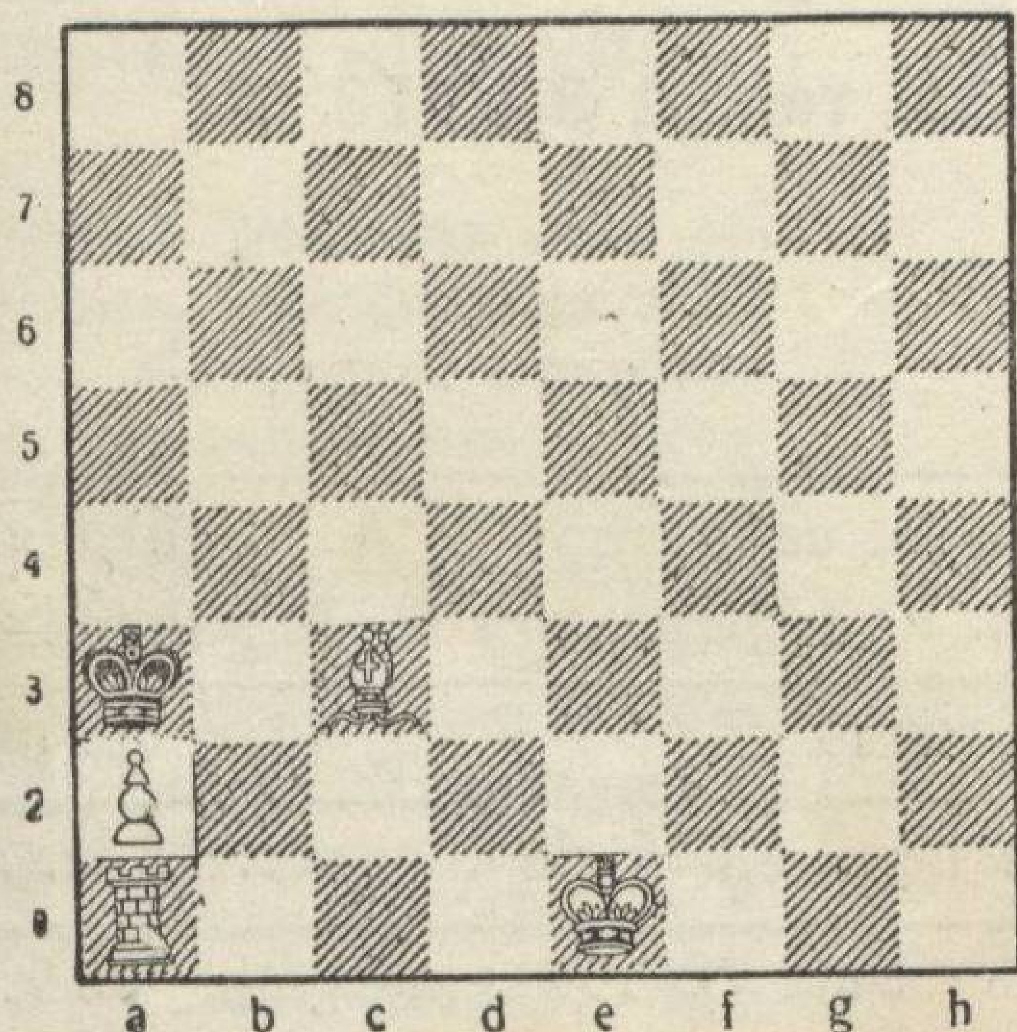
Белые начинают и выигрывают.

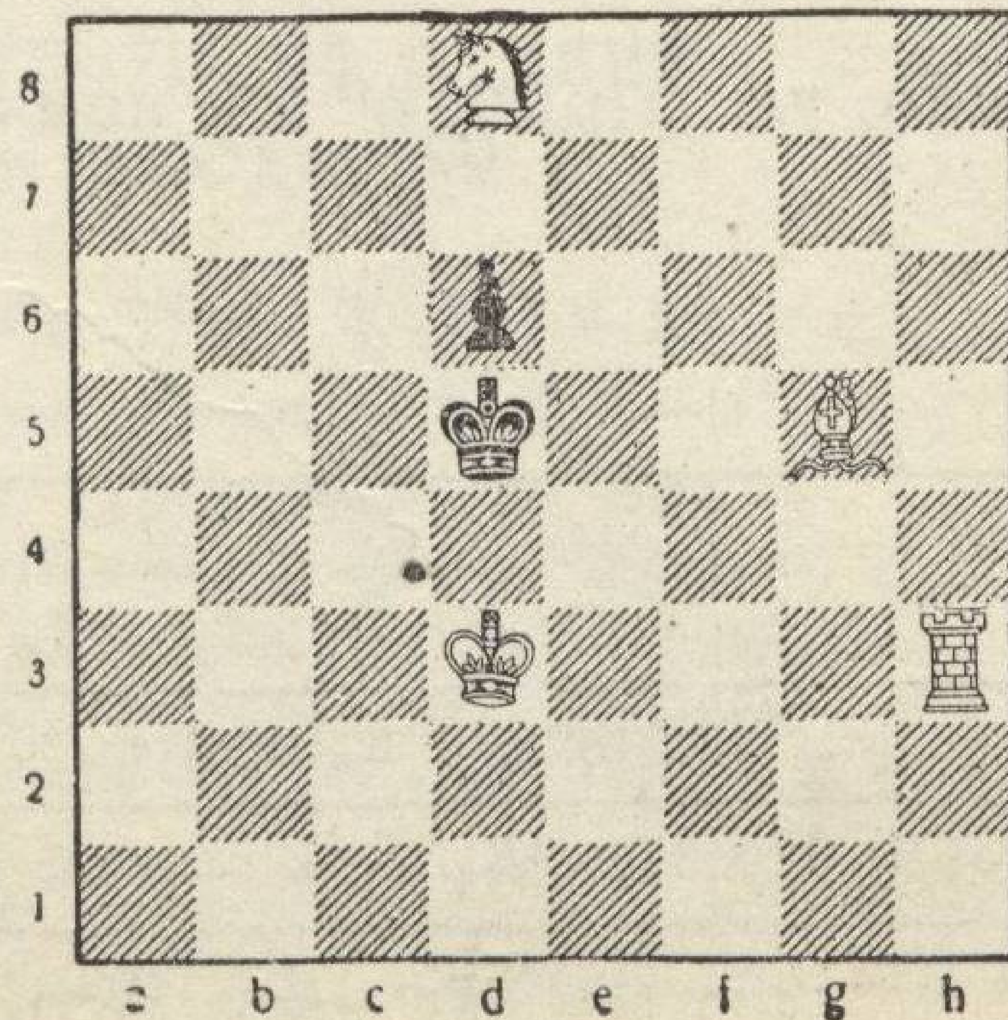
Л. Куббель

Белые начинают и выигрывают.

Миниатюры Александра Малышева (город Шарья, Горьковской области)

Мат в 3 хода.

Решения присылайте до 1 сентября. Победители получат премии.

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

На обложке картина художника Р. Барто: Электрифицированный аул в Дагестане.

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды" 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Отв. редактор **П. К. ШАРИ.** Зам. редактора **Н. В. ИЛЬИНА.**
Отв. секретарь **В. А. Поддубная.** Худ. редактор **М. З. Аскинази.**

Сдано в набор 1/VI—1939 г. Подписано к печати 26/VI—1939 г. Изд. № 630

Уполномоченный Главлита № А—7314. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л

Типография газеты „Правда" имени Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 1801. Тираж 90 000

Дорогие читатели!

Один из интереснейших павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — павильон юных натуралистов. В нем и на участке рядом с ним показаны изумительные работы юных натуралистов и техников. Три года работали 25 пионеров Еревана над макетом старой и новой деревни. Со снежной вершины горы Арагац мчатся бурные потоки, сливаясь в горную реку. У подножия горы колхозная гидростанция дает ток электромолотилке, скотному двору, железной дороге. В колхозе светятся огнями двухэтажная школа, больница, клуб, детсад. Река впадает в озеро. Через озеро перекинут мост. Из тоннеля вылетает электропоезд и останавливается около станции. Краны грузят поезд продукцией колхоза. Кругом него цветущие сады и поля хлопка, пшеницы. А рядом убогая старая деревня.

Юные мичуринцы, лысенковцы, кизюринцы, цицинцы не отстают от своих учителей: звено Володи Бухтиярова (Таганрог) показывает многоколосную пшеницу, а омские цицинцы—многолетнюю пшеницу, которую не надо сеять ежегодно; ребята обвенской школы показывают, как они «перевоспитали» арбузы, томаты, тыквы, заставив их расти на севере; лучшие шефы молодняка покажут своих замечательных подшефных... Нет, невозможно перечислить все интересное, что покажут на своем участке лучшие из юннатов и техников Советской страны.

А почему бы вам не быть в числе этих ребят-экспонентов? Не думайте, что вы опоздали. Выставка будет продолжаться и в 1940 году и все время будет пополняться новыми экспонатами. Если вы твердо решите показать свою работу, которую вы делаете, чтобы помочь еще большему расцвету нашей великой родины, мы уверены, что вы добьетесь своего и станете экспонентом выставки.

Быстрее принимайтесь за дело. Станьте юным геологом, садоводом, цветоводом, шефом молодняка — перед вами открыты тысячи дорог, чтобы попасть на выставку, чтобы помочь колхозам и совхозам.

Напишите нам, за что вы взялись. А мы поможем вам советом.

Надеемся, что не в этом, так в будущем году мы с вами, дорогие читатели, встретимся на выставке.

ПОБЕДИТЕЛИ ПЕРВОГО КОНКУРСА

Результаты конкурса

Правильные решения всех задач и этюдов, помещенных в № 2 журнала «Пионер», прислали 18 человек: Арко (Минск), Каспарян (Ереван), Семисаженов (Пенза), Димант (Новосибирск), Чижевский (Плоцк), Срогович (Минск), Жуклин (Москва), Микулин (Москва), Ярославский, Корсунский, Зубрис, Лойф (Кировоград), Говорень (Гомель), Терещенко, Дзбановский, Мазин, Каганов и Мазин (город Николаев).

Ответы на задачи и этюды № 2

Задача «Мяч». 1. Фf5 — h3.

Задача «Ворота». 1. Kh6 — f5.

Этюд Троицкого. 1. Ce3 — h6+Kpf8—g8. 2. g6—g7 Kpg8—f7! 3. g7 — g8Ф + ! Kpf7 — g8. 4. Kpd5—e6 Kpg8—h8. 5. Kpe6—f7 e7 — e5. 6. Ch6 — g7 мат.

Этюд Маттисона. 1. a3 — a4 + + Kpb5 — b6! 2. Ch4 — f2 c2 — — c1 Ф. 3. Лg5: c5 Фc1 : c5. 4. Kph2 — h1 Фc5: f2 пат.

Этюд Смыслова. 1. Cc2 — b1 a2 — a1 Ф+2. Kpa 5 — b5 Cf2— —g3! 3. g6—g7 Cg3—b8 4. g7— — g8C! Cb8 ~ 5. Cg8 — a2 и белые выигрывают.

Задача С. Лойда.

Мат в 3 хода. 1. Лg7 : g3 Cf2 : : g3 2. Ke1 — f3 Cg3 ~ 3. g2 — g4 мат.

Мат в 4 хода. 1. h2 : g3 Cf2— — e3 2. Лg7 — g4 Ce3 — g5 3. Лg4 — h4 + Cg5 : h4 4. g3 — — g4 мат.

Мат в 5 ходов. 1. Лg7 — b7 Cf2 — c5 2. Лb7 — b1 Cc5 — e7. 3. Лb1 — h1 + Cc7 — h4 4. Лh1— h2 g3 : h2 5. g2 — g4 мат.

Цена 1 руб. 50 коп.